

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2004 года
Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по филологическим наукам (языкознание, литературоведение)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

4 (84) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместители главного редактора:

Ю. Г. Данилов, к. г. н.

М. А. Кириллина, к. филол. н.

Ответственный секретарь

М. В. Куличкина

Члены редакционной коллегии:

А. Е. Агманова, д. филол. н., Павлодарский педагогический университет, Казахстан;

Н. Н. Винокуров, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия;

Н. Н. Гермогенов, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия;

Л. Г. Гольдфарб, PhD, Национальный институт неврологических заболеваний (NIH/NINDS)

Национальных институтов здоровья США, США;

Ю. М. Григорьев, д.ф.-м.н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Д. К. Фишер, PhD, Мичиганский университет, США;

Л. С. Дампилова, д. филол. н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия;

Н. Н. Ефремов, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Россия;

А. П. Исаев, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия;

Коно Кимитоши, PhD, институт РИКЕН, Япония;

В. В. Красных, д. филол. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия;

Г. Ф. Крымский, д. ф.-м. н., ИКФиА им. Ю. Г. Шафера СО РАН, Россия;

Луиза Сальмон, PhD, Генуэзский университет, Италия;

В. Ю. Михальченко, д. филол. н., Институт языкознания РАН, Россия;

И. И. Мордосов, д. б. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

А. А. Петров, д. филол. н., Институт народов Севера, Россия;

Л. Д. Раднаева, д. филол. н., БГУ, Россия;

Санг-Ву Ким, PhD, Пусанский национальный университет, Южная Корея;

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Н. Г. Соломонов, д. б. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Д. А. Таярский, д.ф.-м.н., Казанский федеральный университет, Россия;

А. Н. Тихонов, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Г. Г. Филиппов, д. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Л. М. Хусаинова, д. филол. н., Башкирский государственный университет, Россия.

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677005, г. Якутск, ул. Курашова, 30/4, каб. 7 Тел./факс: +7 (4112) 42-28-75

Северо-Восточный федеральный университет

s-vfu.ru/vestnik-svfu/

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 47182

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

VESTNIK
OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Academic periodical
Published since 2004
The frequency of publication is 6 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on Philological Studies (Linguistics, Literature Studies)

The periodical is included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI)

4 (84) 2021

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editors:

Yu. G. Danilov, Candidate of Geographical Sciences

M. A. Kirillina, Candidate of Philological Sciences

Executive editor

M. V. Kulichkina

Members of the editorial board:

A. E. Agmanova, Doctor of Philology, Kazakhstan; *N. N. Vinokurov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *Woo Suk Hwang*, PhD, Soom Biotechnology Research Foundation, South Korea; *N. N. Germogenov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *L. G. Goldfarb*, PhD, National Institute of Neurological Diseases (NIH / NINDS) US National Institutes of Health, USA; *Yu. M. Grigoriev*, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Russia; *D. K. Fisher*, PhD, University of Michigan, USA; *L. S. Dampilova*, Doctor of Philology, Russia; *N. N. Efremov*, Doctor of Philology, Russia; *A. P. Isaev*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *Kono Kimitoshi*, PhD, RIKEN Institute, Japan; *V. V. Krasnykh*, Doctor of Philology, Russia; *G. F. Krymsky*, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Russia; *Louise Salmon*, PhD, University of Genoa, Italy; *V. Yu. Mikhailchenko*, Doctor of Philology, Russia; *I. I. Mordosov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *A. A. Petrov*, Doctor of Philology, Russia; *L. D. Radnaeva*, Doctor of Philology, Russia; *Sang-Woo Kim*, PhD, Busan National University, South Korea; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Doctor of Philology, Russia; *N. G. Solomonov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *D. A. Tayurskiy*, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Russia; *A. N. Tikhonov*, Ph.D., Russia; *G. G. Philippov*, Doctor of Philology, Russia; *L. M. Khusainova*, Doctor of Philology, Russia.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 7 off., 30/4 Kurashova str., Yakutsk, Russia, 677005

Telephone/Fax: +7 (4112) 42-28-75

s-vfu.ru/vestnik-svfu/

Subscription index in the “Rospechat” catalogue 47182

Accreditation certificate ПИ № ФС77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

© North-Eastern Federal University, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Егорова Н. Ю., Сулейманова В. Н.* Виталитет *Rubus arcticus L.* (Rosaceae) вблизи южной границы ареала в пределах Кировской области..... 5

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Семёнова М. Н., Семёнов А. С., Бебихов Ю. В., Якушев И. А.* Математическое моделирование физических процессов в металлических кристаллических решетках..... 15

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Бодриков А. Б., Ибраимова Г. О., Касьмова А. А.* Символ матери сына-солдата в русской лингвокультуре..... 29
- Брюханова А. Л.* Слово зэмсэг как наименование имущества в бурятском языке XVIII–XIX вв..... 40
- Егорова А. И., Корепанова Н. В., Осипова А. А., Пинигина М. В.* Особенности восприятия цвета у якутов..... 48
- Коратаева Н. В.* Образ Л. Н. Толстого в биографиях современников..... 60
- Некрасова Ю. С.* Фигура П. П. Бажова как редактора альманаха «Уральский современник» в последние годы жизни автора..... 67
- Сивцева Н. С.* Способы русско-якутского перевода религиозно-христианской терминологии (на примере перевода «Жития и подвигов преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца»)..... 78
- Степанова В. Е.* Художественное своеобразие романа в стихах «Аччыгый уол» («Младший сын») С. С. Васильева-Борогонского..... 90
- Чертыхова М. Д.* К вопросу о семантической эволюции общетюркской лексемы чир «земля» (на материале хакасского языка)..... 103

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

- Матвеева О. И., Трофимцев Ю. И.* Основатель кафедры высшей математики..... 111
- Огорокова В. Б., Ноева (Карманова) С. Е.* Мыреева Анастасия Никитична (К 55-летию научно-педагогической деятельности и 80-летию со дня рождения)..... 116
- Петров Ю. Д. Д. Д.* Петров: историк–фундаменталист (к 100-летию со дня рождения)..... 123

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

- Yegorova N. Yu., Suleymanova V. N.* Vitality of *Rubus arcticus* L. (Rosaceae) near the southern border of the range within the Kirov region..... 5

PHYSICAL AND MATHEMATICAL SCIENCES

- Semenova M. N., Semenov A. S., Bebikhov Yu. V., Yakushev I. A.* Mathematical modeling of physical processes in metal crystal lattices..... 15

PHILOLOGICAL STUDIES

- Bodrikov A. B., Ibraimova G. O., Kasymova A. A.* The symbol of a soldier-son mother in Russian linguoculture..... 29
- Bryukhanova A. L.* The word *zemseg* as a name for property in the Buryat language of the XVIII–XIXth centuries..... 40
- Egorova A. I., Korepanova N. V., Osipova A. A., Pinigina M. V.* The features of color perception of the Yakut people..... 48
- Korataeva N. V.* The image of L. N. Tolstoy in the biographies of his contemporaries..... 60
- Nekrasova Yu. S.* The figure of P. P. Bazhov as the editor of the almanac “The ural contemporary” in the last years of the author’s life..... 67
- Sivtseva N. S.* Methods of Russian-Yakut translation of religious-christian terminology (on the example of the translation of “The Life and Deeds of the Monk and God-bearing Father of our Sergius, Hegumen of Radonezh and All Russia, the wonderworker”)..... 78
- Stepanova V. E.* The artistic originality of the novel in verse “Achchygyi Uol” (“Younger Son”) by S. S. Vasilyev-Borogonsky..... 90
- Chertykova M. D.* One more semantic «hypostasis» common Turkic lexeme чир «earth» (based on the Khakass language)..... 103

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

- Matveeva O. I., Trofimtsev Yu. I.* Founder of the Department of Higher Mathematics..... 111
- Okorokova V. B., Noeva (Karmanova) S. E.* Myreeva Anastasia Nikitichna (to the 55th anniversary of scientific and pedagogical work, the 80th birthday anniversary)..... 116
- Petrov Yu. D.* D. D. Petrov: a fundamentalist historian (on the 100th anniversary of his birth)..... 123

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 574.3

Н. Ю. Егорова^{1,2}, В. Н. Сулейманова^{1,2}

Виталитет *Rubus arcticus* L. (*Rosaceae*) вблизи южной границы ареала в пределах Кировской области

¹Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б.М. Житкова, г. Киров, Россия

²Вятский государственный агротехнологический университет, г. Киров, Россия

Аннотация. Княженика арктическая – *Rubus arcticus* L. (сем. *Rosaceae*) – корневищный полукустарничек, декоративное, лекарственное, медоносное, пищевое, техническое (красильное) растение. Для рационального использования, сохранения и поддержания популяций этого вида необходимо изучение и анализ механизмов устойчивости в природных биотопах. Цель работы – оценка виталитетной структуры ценопопуляций (ЦП) и жизнестойкости *R. arcticus* L. вблизи южной границы ареала вида. Исследованы 8 ценопопуляций *R. arcticus* в различных эколого-ценологических условиях таежной зоны в пределах Кировской области. По жизненному состоянию выделено два типа ценопопуляций: процветающие (ЦП 1, 2, 4, 6, 7) и депрессивные (ЦП 3, 5, 8). По результатам исследований установлено, что наиболее благоприятные условия для произрастания *R. arcticus* формируются в местообитаниях, приуроченных к опушечным экотопам (опушка березняка с осиной и елью хвощево-разнотравного) и полянам (поляна в березняке с

ЕГОРОВА Наталья Юрьевна – к. б. н., с. н. с. отдела экологии и ресурсосведения растений Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б.М. Житкова, доцент кафедры экологии и зоологии Вятской государственной сельскохозяйственной академии.

E-mail: n_chirkova@mail.ru

YEGOROVA Natalia Yurievna – Candidate of Biological Sciences, Leading researcher of the Department of Plant Ecology and Resources, Zhitkov Russian Research Institute of Game Management and Fur Farming, Associate Professor of the Department of Ecology and Zoology, Vyatka State Agrotechnological University.

СУЛЕЙМАНОВА Венера Нурутдиновна – к. б. н., с. н. с. отдела экологии и ресурсосведения растений Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б.М. Житкова, доцент кафедры экологии и зоологии Вятской государственной сельскохозяйственной академии.

E-mail: venera_su@mail.ru

SULEIMANOVA Venera Nuritdinovna – Candidate of Biological Sciences, Leading researcher of the Department of Plant Ecology and Resources, Zhitkov Russian Research Institute of Game Management and Fur Farming, Associate Professor of the Department of Ecology and Zoology, Vyatka State Agrotechnological University.

елью и сосной щучково-разнотравном) смешанных хвойно-лиственных фитоценозов. Показано, что для *R. arcticus* характерны как чистые (дивергентная, конвергентная), так и комбинированные (дивергентно-конвергентная, конвергентно-дивергентная) онтогенетические тактики. Для выживания в растительных сообществах вблизи южной границы ареала вида *R. arcticus* выработала защитный тип онтогенетической стратегии.

Ключевые слова: *Rubus arcticus* L., *Rosaceae*, виталитетная структура, жизненность, изменчивость морфологических признаков, онтогенетические тактики, Кировская область, ценопопуляция, эколого-фитоценотическая стратегия.

DOI 10.25587/SVFU.2021.84.4.012

N. Yu. Yegorova^{1,2}, V. N. Suleymanova^{1,2}

Vitality of *Rubus arcticus* L. (*Rosaceae*) near the southern border of the range within the Kirov region

¹Zhitkov Russian Research Institute of Game Management and Fur Farming, Kirov, Russia

²Vyatka State Agrotechnological University, Kirov, Russia

Abstract. *Rubus arcticus* L. (*Rosaceae*) – rhizomatous semi-shrub, decorative, medicinal, honey-bearing, food, technical (dye) plant. For the rational use, conservation and maintenance of populations of this species, it is necessary to study and analyze the mechanisms of resistance of *R. arcticus*. The aim of the work is to assess the vital structure of coenopopulations (CP) of *R. arcticus* L. near the southern border of the species' range. 8 coenopopulations of *R. arcticus* were studied in various ecological and coenotic conditions of the taiga zone within the Kirov region. According to the vital state, two types of coenopopulations are distinguished: prosperous (CP 1, 2, 4, 6, 7) and depressive (CP 3, 5, 8). According to the results of the research, the most favorable conditions for the growth of *R. arcticus* are formed in the habitats confined to the edge ecotopes (the edge of the birch forest with aspen and spruce of horsetail-mixed grass) and clearings (the clearing in the birch forest with spruce and pine of pike-mixed grass) of mixed coniferous-deciduous phytocenoses. It is shown that *R. arcticus* is characterized by both pure (divergent, convergent) and combined (divergent – convergent, convergent-divergent) ontogenetic tactics. To survive in plant communities near the southern border of the species' range, *R. arcticus* has developed a protective type of ontogenetic strategy.

Keywords: *Rubus arcticus* L., *Rosaceae*, vital structure, vitality, variability of morphological features, ontogenetic tactics, Kirov region, coenopopulation, ecological and phytocenotic strategy.

Введение

Популяционно-онтогенетический подход при анализе современного состояния популяций растений имеет важное значение для выявления их общего состояния, а также устойчивости, способности к самоподдержанию и восстановлению в естественных условиях. Одной из главных диагностических характеристик популяций при оценке общего состояния считается жизненное состояние составляющих их особей [1]. Морфоструктурным выражением жизненного состояния растений является виталитет, относящийся к важнейшим адаптивным механизмам, работающим на популяционном уровне [2]. Виталитетная разнокачественность особей отражает различные условия реализации ростовых и продукционных процессов, эффективность использования ресурсов местообитания и устойчивость к воздействию стресса отдельных особей [3]. Это важно в том числе и при определении жизненной стратегии вида в целом.

В исследованиях, посвященных *Rubus arcticus* L., в большей степени освещены вопросы эколого-ценотических параметров местообитаний [4–5], интродукции, культивирования [6–7], тогда как изучение популяционных характеристик ограничено

Рис. 1. Княженика арктическая – *Rubus arcticus* L. (сем. *Rosaceae*) в березняке с елью и сосной щучково-разнотравном

небольшим перечнем региональных работ [8], описание же виталитетной структуры популяций вообще не проводилось. В связи с чем изучение и анализ механизмов устойчивости *R. arcticus* являются весьма важным при решении задач рационального использования, сохранения и поддержания популяций этого вида.

Цель работы – оценка виталитетной структуры ценопопуляций (ЦП) *Rubus arcticus* L. вблизи южной границы ареала вида.

Материалы и методы исследований

Княженика арктическая – *Rubus arcticus* L. (сем. *Rosaceae*) – корневищный гипозэпигеогенный полукустарничек (рис. 1), явнополицентрический с неспециализированной поздней морфологической дезинтеграцией. Хамефит [9–10].

Исследования проводились в вегетационные периоды 2016–2020 гг. В качестве основы для исследования послужили 8 ценопопуляций (ЦП) *R. arcticus*, изученные в различных эколого-ценотических условиях таежной зоны в пределах Кировской области (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика изученных ценопопуляций *Rubus arcticus* L.

№ЦП	Ассоциация	Тип фитоценоза	Таксационные параметры древостоя (состав древостоя, возраст, сомкнутость крон)
1	Melico nutantis-Piceetum abietis	Ельник с березой и осиной чернично-разнотравный	6Е2Б2Ос, возраст древостоя – 55 лет, сомкнутость крон – 0,6

2	<i>Sphagno girgensohnii-Betuletum pubescentis</i>	Березняк с сосной и осиной заболоченный	7Б2С0с, возраст древостоя – 50 лет, сомкнутость крон – 0,6
3	<i>Betuleta polytrichososphagnosa</i>	Березняк с елью хвощово-чернично-сфагновый	7Б2ЕС+Ос, возраст древостоя – 65 лет, сомкнутость крон – 0,7
4	<i>Betuleta parviherbosa</i> (<i>Betula</i> spp.- <i>Equisetum sylvaticum</i>)	Опушка березняка с осиной и елью хвощево-разнотравная	8Б0сЕ, возраст древостоя – 60 лет, сомкнутость крон – 0,4
5	<i>Betuleta uliginosoherbosa</i>	Березняк с елью вахтовый	6Б4Е, возраст древостоя – 90 лет, сомкнутость крон – 0,6
6	<i>Betuleta parviherbosa</i>	Поляна в березняке с елью и сосной щучково-разнотравная	5Б3Е2С, возраст древостоя – 40 лет, сомкнутость крон – 0,2
7	<i>Melico nutantis-Piceetum abietis</i>	Березняк с елью папоротниково-травяный	6Б3ЕС, возраст древостоя – 80 лет, сомкнутость крон – 0,6
8	<i>Pineta parviherbosa</i>	Заболоченная поляна в сосняке с березой чернично-разнотравная	7С3Б, возраст древостоя – 65 лет, сомкнутость крон – 0,1

Для оценки виталитетного состава применяли подход, основанный на дифференциации растений одного онтогенетического состояния на классы виталитета [11]. В анализе использовали растения среднего возраста генеративного онтогенетического состояния, у которых проводили измерения следующих морфометрических параметров: длина надземного побега (см), количество метамеров (шт.) и их длина (см), длина и ширина центральной доли листа, третьего от основания побега метамера (см), длина черешка листа, третьего от основания побега метамера (см), количество цветков (шт.), длина цветоножки (см).

В качестве детерминирующего комплекса признаков для оценки виталитетного спектра ценопопуляций по результатам факторного и корреляционного анализов использовали следующие показатели: длина надземного побега (см), длина 1, 2, 3 метамеров (см), длина и ширина центральной доли листа, третьего от основания побега метамера (см), количество цветков (шт.).

На основе полученных данных составлены виталитетные спектры, отражающие соотношения растений высшего (*a*), промежуточного (*b*) и низшего (*c*) классов виталитета, определен индекс качества ценопопуляции и виталитетные типы: процветающие, равновесные, депрессивные.

При оценке типов онтогенетических тактик и стратегий использовали методические разработки Ю. А. Злобина [11–12], с дополнениями А. Р. Ишбирдина с соавторами [13], Г. Г. Жилиева [14]. Для координации ценопопуляций по градиенту комплексного фактора благоприятности условий использовали индекс виталитета ценопопуляций (IVC), т. е. коэффициент жизнестойкости с использованием выравнивания средних значений параметров по ценопопуляциям методом взвешивания [15]. Наибольшее значение коэффициента соответствует наилучшим условиям произрастания, наименьшее – наихудшим. Вычисляли индекс размерной пластичности как отношение максимального значения IVC к его минимальному значению [16].

Названия видов приведены в соответствии с базой данных The Plant List [17].

Статистический анализ осуществляли в MS Excel 2010 при помощи пакета статистических программ Statistica 6,0 с использованием стандартных показателей [18].

Результаты исследования их обсуждение

Распределение особей *R. arcticus* по классам виталитета приведены в табл. 2. Большинство исследуемых ЦП классифицируется как процветающие (1, 2, 4, 6, 7).

Таблица 2

Характеристика виталитетной структуры ценопопуляции *Rubus arcticus* L.

№ ЦП	Доля особей по классам виталитета, %			Q	IVC	Виталитетный тип ценопопуляции
	a	b	c			
1	18,18	66,67	15,15	42,4	0,95	Процветающая
2	22,37	59,21	18,42	40,8	1,08	Процветающая
3	8,70	30,43	60,87	19,6	0,70	Депрессивная
4	63,33	30,00	6,67	46,7	1,13	Процветающая
5	0,00	46,43	53,57	23,2	0,90	Депрессивная
6	70,00	30,00	0,00	50,0	1,18	Процветающая
7	23,33	66,67	10,00	45,0	0,98	Процветающая
8	3,67	46,79	49,54	25,2	1,08	Депрессивная

Примечание: а – крупные, b – средние, с – мелкие; Q – индекс качества ценопопуляций; IVC – индекс виталитета ценопопуляций

В двух ЦП (4 и 6) отмечено преобладание особей высшего класса: 63,3 и 70,0% соответственно. Индекс качества здесь максимален и составляет 46,7% и 50,0% соответственно. Эти популяции приурочены к опушечным местообитаниям, где условия, вероятно, приближены к экологическому оптимуму вида. ЦП 3, 5, 8 отнесены к депрессивным, качество популяций здесь составляет от 19,6 до 25,2%. Это преимущественно сообщества, характеризующиеся избыточным увлажнением. ЦП 3 из них самая слабая, в ней зарегистрировано максимальное число особей низшего класса виталитета. Данная ценопопуляция изучена под пологом березняка с елью хвощово-чернично-сфагнового, где на жизненность вида оказывают значительное влияние как избыточное увлажнение, так и высокое затенение местообитания древесным ярусом (сомкнутость крон древостоя – 0,7).

На градиенте ухудшения условий обитания, который выстраивали по уменьшению IVC, получен следующий ряд ЦП: 1,18 (6) → 1,13 (4) → 1,076 (2) → 1,075 (8) → 0,98 (7) → 0,95 (1) → 0,90 (5) → 0,70 (3). В наиболее благоприятных условиях находятся ЦП 6 и 4. Наименее благоприятные условия характерны для ЦП 3, показатели виталитета здесь минимальные (IVC = 0,70).

Индекс размерной пластичности (ISP) *R. arcticus* составил 1,69. Рассчитанная величина согласуется с данными ISP, установленными для доминантов травяно-кустарничкового яруса: так, ISP для брусники – 1,90, а для черники – 1,31 [19, 20], для майника двулистного – 1,87 [21]

Установлено, что для *R. arcticus* характерны как чистые (дивергентная, конвергентная), так и комбинированные (дивергентно-конвергентная, конвергентно-дивергентная) онтогенетические тактики.

Конвергентная тактика проявляется в уменьшении изменчивости признака при усилении стресса и выявлена для таких морфологических признаков, как количество цветков на побеге и количество живых листьев (рис. 2).

Дивергентная онтогенетическая тактика определена для таких признаков, как длина и ширина центральной доли листа, третьего от основания побега метамера, длины 3, 4, 5, 7 метамера, длины надземного побега (рис. 3). При ухудшении условий роста изменчивость признака возрастает.

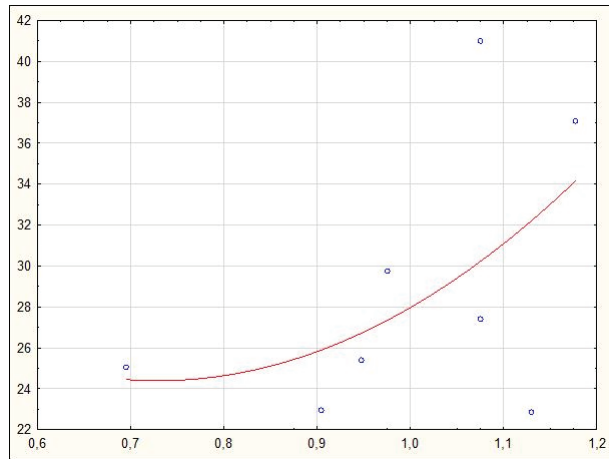

Рис. 2. Изменчивость количества живых листьев *Rubus arcticus* L. в исследованных ценопопуляциях на градиенте ухудшения условий обитания

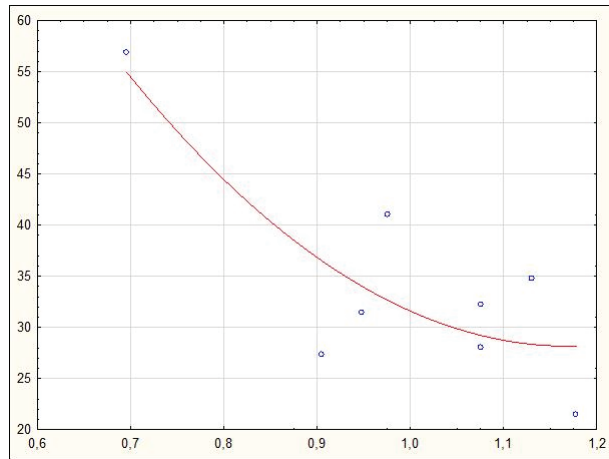

Рис. 3. Изменчивость длины надземного побега *Rubus arcticus* L. в исследованных ценопопуляциях на градиенте ухудшения условий обитания

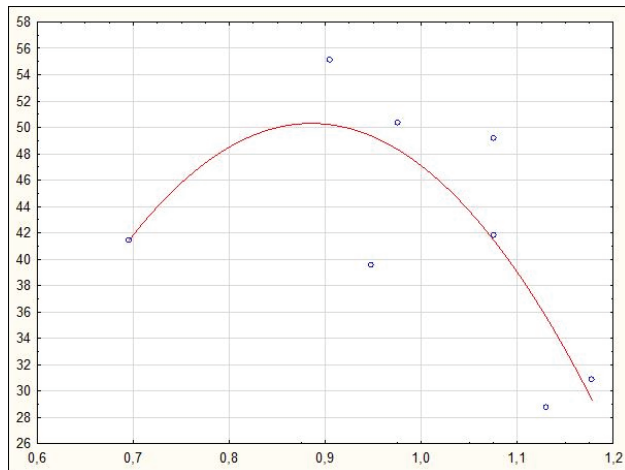

Рис. 4. Изменчивость длины 2 метра *Rubus arcticus* L. в исследованных ценопопуляциях на градиенте ухудшения условий обитания

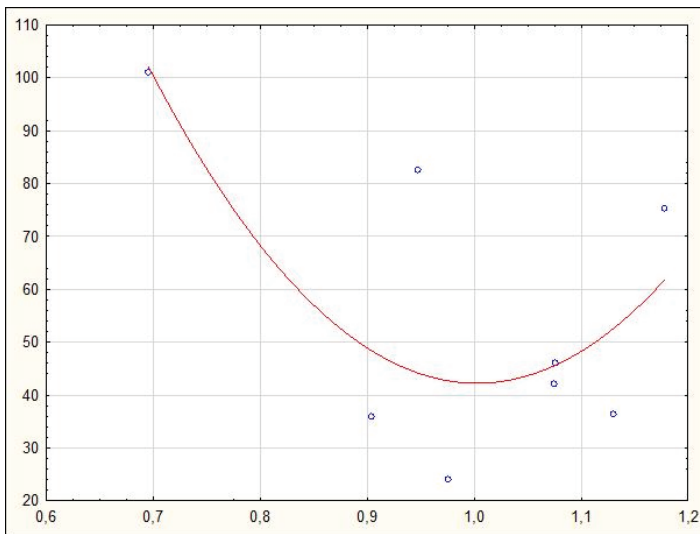

Рис. 5. Изменчивость длины цветоножки *Rubus arcticus* L. в исследованных ценопопуляциях на градиенте ухудшения условий обитания

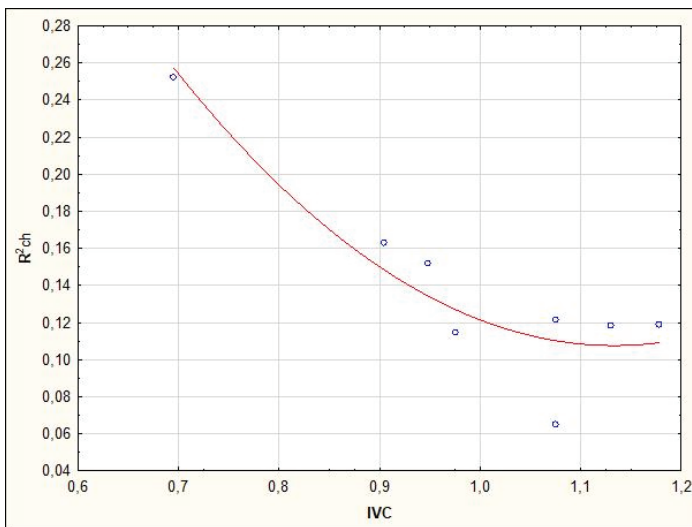

Рис. 6. Тренд онтогенетической стратегии ценопопуляций *Rubus arcticus* L.

Примечание: по оси абсцисс – индекс витальности ценопопуляции (IVC), по оси ординат – морфологическая целостность (коэффициент детерминации признаков, R^2_m)

Здесь и далее (рис. 2–5) по оси абсцисс – индекс витальности ценопопуляции (IVC), по оси ординат коэффициент вариации (CV).

Дивергентно-конвергентная тактика проявляется в изменчивости длины 1 и 2 метамера (рис. 4). На градиенте ухудшения условий обитания изменчивость признака сначала повышается, а затем понижается.

Конвергентно-дивергентная тактика определяет изменчивость длины черешка листа, третьего от основания побега метамера, длины 6 метамера и длины цветоножки (рис. 5). В наиболее благоприятных условиях усиление стресса приводит сначала к снижению, а затем к увеличению изменчивости признаков.

Для выживания в растительных сообществах вблизи южной границы ареала вида *R. arcticus* выработала защитный тип онтогенетической стратегии. С ухудшением условий роста происходит усиление координации развития растений, повышается морфологическая целостность растения. Это выражается в увеличении индекса морфологической целостности от 0,06 до 0,25%. Тренд онтогенетической стратегии исследованных ценопопуляций *R. arcticus* представлен на рис. 6.

По системе оценки эколого-фитоценологических стратегий Раменского-Грайма исследуемый вид обладает смешанным типом жизненной стратегии – конкурентно-стресс-толерантной (SC). В природных биотопах *R. arcticus* ведет себя как пациент (S-стратег), поскольку в типичных фитоценозах она подавляется видами-виолентами. Вследствие лесохозяйственной деятельности (вырубки древостоя) происходят изменения экологических условий местообитания (увлажнение, освещенность) и вид проявляет себя как виолент. Это отражается на росте численности популяции и заселении новых участков.

Заключение

По жизненному состоянию выделено два типа ценопопуляций: процветающие (ЦП 1, 2, 4, 6, 7) и депрессивные (ЦП 3, 5, 8). По результатам исследований установлено, что наиболее благоприятные условия для произрастания *R. arcticus* формируются в местообитаниях, приуроченных к опушечным экотопам (опушка березняка с осиной и елью хвоцево-разнотравного) и полянам (поляна в березняке с елью и сосной щучково-разнотравного) смешанных хвойно-лиственных фитоценозов.

Свойственными типами онтогенетических тактик являются как чистые (дивергентная, конвергентная), так и комбинированные (конвергентно-дивергентная и дивергентно-конвергентная) типы. Анализ вариабельности морфологических признаков *R. arcticus* показал, что в основном признаки проявляют дивергентную тактику, то есть в неблагоприятных условиях роста изменчивость признаков повышается.

По характеру проявления согласованности в организации морфологической структуры растений для вида установлена защитная онтогенетическая стратегия.

Л и т е р а т у р а

1. Заугольнова, Л. Б. Ценопопуляции растений (очерки популяционной биологии) / Л. Б. Заугольнова, Л. А. Жукова, А. С. Комаров и др. – Москва : Наука, 1988. – 236 с. – Текст : непосредственный.
2. Кашин, А. С. Структура морфологической изменчивости и виталитета в популяциях *Tulipa gesneriana* L. Нижнего Поволжья и прилегающих территорий / А. С. Кашин, Н. А. Петрова, И. В. Шилова // Известия Саратовского ун-та. Серия : Химия. Биология. Экология. – 2017. – Т. 17, – Вып. 1. – С. 103–110. – Текст : непосредственный.
3. Злобин, Ю. А. Популяции редких видов растений: теоретические основы и методики изучения / Ю. А. Злобин. – Сумы : Универ. книга, 2013. – 439 с. – Текст : непосредственный.
4. Karp, K. M. The distribution and habitats of the Arctic bramble / K. M. Karp // Baltic Forestry. – 1997. – No. 3 (2). – P. 48–52. – Текст : непосредственный.
5. Ladyman, J. A. R. *Rubus arcticus* L. ssp. *caulis* (Michaux) Focke (dwarf raspberry): a technical conservation assessment. [Online] / J. A. R. Ladyman // USDA Forest Service, Rocky Mountain Region. – URL : <http://www.fs.fed.us/r2/projects/scp/assessments/rubusarcticusspacaulis>. Дата обращения (18.10.2006). – Текст : электронный.
6. Karp, K. The arctic bramble (*Rubus arcticus* L.) - the most profitable wild berry in Estonia / K. Karp, M. Starast, R. Varnik // Baltic Forestry, 1997. – № 2. – Vol. 3. – P. 47–52. – Текст : непосредственный.
7. Kokko, H. I. Transformation of arctic bramble (*Rubus arcticus* L.) by *Agrobacterium tumefaciens* / H. I. Kokko, S. O. Karenlampi // Plant Cell Reports. – 1998. – Vol. 17. – P. 822–826. – Текст : непосредственный.
8. Гудовских, Ю. В. Некоторые демографические показатели *Rubus arcticus* L. в Кировской области / Ю. В. Гудовских, Н. Ю. Егорова // Сборник материалов II международной научно-

практической конференции «Сохранение лесных экосистем: проблемы и пути их решения». – Вятский государственный университет. – Киров, 2019. – С. 250–253. – Текст : непосредственный.

9. Жукова, Л. А. Онтогенез Княженики арктической (*Rubus arcticus* L.) / Л. А. Жукова, С. А. Белова // Онтогенетический атлас лекарственных растений. – Йошкар-Ола, 1997. – С. 60–64. – Текст : непосредственный.

10. Тарасова, Е. М. Флора Вятского края. Сосудистые растения / Е. М. Тарасова. – Ч. 1. – Киров, 2007. – 440 с. – Текст : непосредственный.

11. Злобин, Ю. А. Теория и практика оценки виталитетного состава ценопопуляций растений / Ю. А. Злобин // Ботанический журнал. – 1989. – Т. 74. – № 6. – С. 769–781. – Текст : непосредственный.

12. Злобин, Ю. А. Ценопопуляционный анализ в фитоценологии / Ю. А. Злобин. – Владивосток : Изд-во АН СССР, 1984. – 60 с. – Текст : непосредственный.

13. Ишбирдин, А. Р. Адаптивный морфогенез и эколого-ценотические стратегии выживания травянистых растений / А. Р. Ишбирдин, М. М. Ишмуратова // Методы популяционной биологии: материалы докладов VII Всерос. популяционного семинара. – Сыктывкар, 2004. – Ч. 2. – С. 113–120. – Текст : непосредственный.

14. Жилиев, Г. Г. Жизнеспособность популяций растений / Г. Г. Жилиев. – Львов, 2005. – 304 с.

15. Ишбирдин А. Р. К оценке виталитета ценопопуляций *Rhodiola iremelica* Bogiss. по размерному спектру / А. Р. Ишбирдин, М. М. Ишмуратова // Ученые записки НТГСПА. «Фундаментальные и прикладные проблемы популяционной биологии»: материалы VI Всероссийского популяционного семинара. – Нижний Тагил: НТГПИ, 2004. – С. 80–85. – Текст : непосредственный.

16. Ишбирдин А. Р. Стратегии жизни ценопопуляции *Cephalanthera rubra* (L.) Rich. на территории Башкирского государственного заповедника / А. Р. Ишбирдин, М. М. Ишмуратова, Т. В. Жирнова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2005. – № 1. – С. 85–98. – Текст : непосредственный.

17. The Plant List. 2013. URL : <http://www.theplantlist.org> – Текст : электронный.

18. Зайцев, Г. Н. Математика в экспериментальной биологии / Г. Н. Зайцев. – Москва : Наука, 1990. – 296 с. – Текст : непосредственный.

19. Чиркова, Н. Ю. Онтогенетические тактики и стратегии *Vaccinium vitis-idaea* L. в условиях южнотаежных лесов Кировской области / Н. Ю. Чиркова // Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии: Материалы VI Международной научно-практической конференции (25-28 октября 2007 г., Барнаул). – Барнаул, 2007. – С. 352–353. – Текст : непосредственный.

20. Егорова, Н. Ю. Онтогенетические тактики *Vaccinium myrtillus* L. в лесных экосистемах южно-таежной зоны (Кировская область) / Н. Ю. Егорова // Биодиагностика состояния природных и природно-техногенных систем: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Книга 2. (г. Киров, 3–5 декабря 2018 г.). – Киров: ВятГУ, 2018. – С. 20–24. – Текст : непосредственный.

21. Сулейманова, В. Н. Эколого-биологическая характеристика ценопопуляций *Maianthemum bifolium* (L.) F. W. Schmidt в условиях южной тайги и подзоны хвойно-широколиственных лесов / В. Н. Сулейманова, Т. Л. Егошина, М. М. Ишмуратова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 9 (91). – С. 142–147. – Текст : непосредственный.

References

1. Zaugol'nova, L. B. Cenopulyacii rastenij (oчерki populyacionnoj biologii) / L. B. Zaugol'nova, L. A. Zhukova, A. S. Komarov i dr. – Moskva : Nauka, 1988. – 236 s. – Tekst : neposredstvennyj.

2. Kashin, A. S. Struktura morfologicheskoy izmenchivosti i vitaliteta v populyacijah *Tulipa gesneriana* L. Nizhnego Povolzh'ya i prilegayushchih territorij / A. S. Kashin, N. A. Petrova, I. V. Shilova // Izvestiya Saratovskogo un-ta. Seriya : Himiya. Biologiya. Ekologiya. – 2017. – T. 17, – Vyp. 1. – S. 103–110. – Tekst : neposredstvennyj.

3. Zlobin, Yu. A. Populyacii redkih vidov rastenij: teoreticheskie osnovy i metodiki izucheniya / Yu. A. Zlobin. – Sumy : Univer. kniga, 2013. – 439 s. – Tekst : neposredstvennyj.

4. Karp, K. M. The distribution and habitats of the Arctic bramble / K. M. Karp // *Baltic Forestry*. – 1997. – No. 3 (2). – P. 48–52. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Ladyman, J. A. R. *Rubus arcticus* L. ssp. *acaulis* (Michaux) Focke (dwarf raspberry): a technical conservation assessment. [Online] / J. A. R. Ladyman // *USDA Forest Service, Rocky Mountain Region*. – URL : [http : //www.fs.fed.us/r2/projects/scp/assessments/rubusarcticusspacaulis](http://www.fs.fed.us/r2/projects/scp/assessments/rubusarcticusspacaulis). Data obrashcheniya (18.10.2006). – Tekst : elektronnyj.
6. Karp, K. The arctic bramble (*Rubus arcticus* L.) - the most profitable wild berry in Estonia / K. Karp, M. Starast, R. Varnik // *Baltic Forestry*, 1997. – № 2. – Vol. 3. – P. 47–52. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Kokko, H. I. Transformation of arctic bramble (*Rubus arcticus* L.) by *Agrobacterium tumefaciens* / H. I. Kokko, S. O. Karenlampi // *Plant Cell Reports*. – 1998. – Vol. 17. – P. 822–826. – Tekst : neposredstvennyj.
8. Gudovskih, Yu. V. Nekotorye demograficheskie pokazateli *Rubus arcticus* L. v Kirovskoj oblasti / Yu. V. Gudovskih, N. Yu. Egorova // *Sbornik materialov II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sohranenie lesnyh ekosistem: problemy i puti ih resheniya»*. – Vyatskij gosudarstvennyj universitet. – Kirov, 2019. – S. 250–253. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Zhukova, L. A. Ontogenez Knyazheniki arkticheskoy (*Rubus arcticus* L.) / L. A. Zhukova, S. A. Belova // *Ontogeneticheskij atlas lekarstvennyh rastenij*. – Jashkar-Ola, 1997. – S. 60–64. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Tarasova, E. M. Flora Vyatskogo kraja. Sosudistye rasteniya / E. M. Tarasova. – Ch. 1. – Kirov, 2007. – 440 s. – Tekst : neposredstvennyj.
11. Zlobin, Yu. A. Teoriya i praktika ocenki vitalitetnogo sostava cenopopulyacij rastenij / Yu. A. Zlobin // *Botanicheskij zhurnal*. – 1989. – T. 74. – № 6. – S. 769–781. – Tekst : neposredstvennyj.
12. Zlobin, Yu. A. Cenopopulyacionnyj analiz v fitocenologii / Yu. A. Zlobin. – Vladivostok : Izd-vo AN SSSR, 1984. – 60 s. – Tekst : neposredstvennyj.
13. Ishbirdin, A. R. Adaptivnyj morfogenez i ekologo-cenoticheskie strategii vyzhivaniya travyanistyh rastenij / A. R. Ishbirdin, M. M. Ishmuratova // *Metody populyacionnoj biologii: materialy dokladov VII Vseros. populyacionnogo seminaru*. – Syktyvkar, 2004. – Ch. 2. – S. 113–120. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Zhilyaev, G. G. Zhiznesposobnost' populyacij rastenij / G. G. Zhilyaev. – L'vov, 2005. – 304 s.
15. Ishbirdin A. R. K ocenke vitaliteta cenopopulyacij *Rhodiola iremelica* Boriss. po razmernomu spektru / A. R. Ishbirdin, M. M. Ishmuratova // *Uchenye zapiski NTGSPA. «Fundamental'nye i prikladnye problemy populyacionnoj biologii»: materialy VI Vserossijskogo populyacionnogo seminaru*. – Nizhnij Tagil: NTGPI, 2004. – S. 80–85. – Tekst : neposredstvennyj.
16. Ishbirdin A. R. Strategii zhizni cenopopulyacii *Cephalanthera rubra* (L.) Rich. na territorii Bashkirskogo gosudarstvennogo zapovednika / A. R. Ishbirdin, M. M. Ishmuratova, T. V. Zhirnova // *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo*. – 2005. – № 1. – S. 85–98. – Tekst : neposredstvennyj.
17. The Plant List. 2013. URL : [http : //www.theplantlist.org](http://www.theplantlist.org) – Tekst : elektronnyj.
18. Zajcev, G. N. Matematika v eksperimental'noj biologii / G. N. Zajcev. – Moskva : Nauka, 1990. – 296 s. – Tekst : neposredstvennyj.
19. Chirkova, N. Yu. Ontogeneticheskie taktiki i strategii *Vaccinium vitis-idaea* L. v usloviyah yuzhnotaezhnyh lesov Kirovskoj oblasti / N. Yu. Chirkova // *Problemy botaniki Yuzhnoj Sibiri i Mongolii: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (25-28 oktyabrya 2007 g., Barnaul)*. – Barnaul, 2007. – S. 352–353. – Tekst : neposredstvennyj.
20. Egorova, N. Yu. Ontogeneticheskie taktiki *Vaccinium myrtillus* L. v lesnyh ekosistemah yuzhno-taehznoj zony (Kirovskaya oblast') / N. Yu. Egorova // *Biodiagnostika sostoyaniya prirodnyh i prirodno-tekhnogennyh sistem: Materialy HVI Vserossijskoy nauchno-prakticheskoy konferencii c mezhdunarodnym uchastiem. Kniga 2. (g. Kirov, 3–5 dekabrya 2018 g.)*. – Kirov: VyatGU, 2018. – S. 20–24. – Tekst : neposredstvennyj.
21. Sulejmanova, V. N. Ekologo-biologicheskaya harakteristika cenopopulyacij *Maianthemum bifolium* (L.) F. W. Schmidt v usloviyah yuzhnoj tajgi i podzony hvojno-shirokolistvennyh lesov / V. N. Sulejmanova, T. L. Egoshina, M. M. Ishmuratova // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2008. – № 9 (91). – S. 142–147. – Tekst : neposredstvennyj.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 531.37

М. Н. Семёнова, А. С. Семёнов, Ю. В. Бебихов, И. А. Якушев

Математическое моделирование физических процессов в металлических кристаллических решетках

СВФУ им. М.К. Аммосова, Политехнический институт (филиал), г. Мирный, Россия

Аннотация. Колебания кристаллических решеток определяют такие важные свойства материалов, как теплопроводность, теплоемкость, тепловое расширение и многие другие, поэтому их изучение является актуальной и важной задачей. Наряду с экспериментальными методами изучения нелинейной динамики кристаллической решетки широко используются эффективные методы компьютерного моделирования, такие как первопринципное моделирование и метод молекулярной динамики. Реже используется метод математического моделирования, так как погрешность расчетов при его применении может достигать 10%. Вместе с тем он является наименее затратным в вычислительном плане. В настоящей работе представлен процесс и описаны

СЕМЁНОВА Мария Николаевна – старший преподаватель кафедры ФиПМ, Политехнический институт (филиал) СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: mariya_semyonova86@mail.ru

SEMENOVA Mariya Nikolaevna – Senior lecturer of the Department of fundamental and applied mathematics, Polytechnic Institute (branch), M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СЕМЁНОВ Александр Сергеевич – к. ф.-м. н., доцент, заведующий кафедрой ЭиАПП, Политехнический институт (филиал) СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: sash-alex@yandex.ru

SEMENOV Alexander Sergeevich – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Head of the Department of electrification and automation of industrial production, Polytechnic Institute (branch), M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БЕБИХОВ Юрий Владимирович – к. ф.-м. н., доцент кафедры ЭиАПП, Политехнический институт (филиал) СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: bebikhov.yura@mail.ru

БЕБИХОВ Yuriy Vladimirovich – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor of the Department of electrification and automation of industrial production, Polytechnic Institute (branch), M.K. Ammosov North Eastern Federal University.

ЯКУШЕВ Илья Анатольевич – к. ф.-м. н., доцент кафедры ФиПМ, Политехнический институт (филиал) СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: yakushevilya@mail.ru

YAKUSHEV Ilya Anatolievich – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor of the Department of fundamental and applied mathematics, Polytechnic Institute (branch), M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

результаты математического моделирования физических процессов в металлах и упорядоченных сплавах при помощи потенциала Леннарда-Джонса в пакете программ MatLab, хорошо зарекомендовавшего себя для решения задач технических вычислений. В теоретической части описаны кристаллические решетки, дифференциальные уравнения движения для моделирования, их начальные и граничные условия, а также разностная аппроксимация. В качестве метода моделирования выбран принцип молекулярно-динамического моделирования при помощи одного из парных потенциалов. В практической части представлены вычислительный алгоритм, линеаризация числа операций, термодинамические расчеты, описаны скоростная схема Верле и потенциал межатомного взаимодействия, а также приведена поэтапная разработка модели в среде моделирования. Получены следующие результаты: построен график трехмерного распределения атомов по расчетной ячейке, доказывающий возможность перемещения до пяти межатомных расстояний; произведена оценка амплитудно-частотной характеристики методом Уэлча с относительной среднеквадратической ошибкой, не превышающей 30%; получена графическая зависимость энергий связи между настоящей моделью и стандартными данными для ячейки ГПУ металла с погрешностью немногим более 3%; произведено вычисление оптимальной модели для кусочно-линейной аппроксимации, и построена её трехмерная интерполяция. Все проведенные исследования показывают хорошую степень применимости математического моделирования к задачам изучения динамических процессов в физике кристаллов.

Ключевые слова: математическое моделирование, потенциал Леннарда-Джонса, пакет программ MatLab, дифференциальные уравнения, атом, кристаллическая решетка, металлы и упорядоченные сплавы, энергия взаимодействия, амплитудно-частотная характеристика, разностная аппроксимация.

DOI 10.25587/SVFU.2021.84.4.002

Благодарности

Семёнов А. С. (моделирование динамических процессов в металлах) выражает благодарность Российскому научному фонду, грант № 21-12-00275.

M. N. Semenova, A. S. Semenov, Yu. V. Bebikhov, I. A. Yakushev

Mathematical modeling of physical processes in metal crystal lattices

M.K. Ammosov North Eastern Federal University, Polytechnic Institute (branch), Mirny, Russia

Abstract. Vibrations of crystal lattices determine such important properties of materials as thermal conductivity, heat capacity, thermal expansion, and many others; therefore, their study is an urgent and important task. Along with experimental methods of studying the nonlinear dynamics of a crystal lattice, effective methods of computer modeling, such as ab initio modeling and the method of molecular dynamics, are widely used. The method of mathematical modeling is used less often, since the calculation error during its application can reach 10%. At the same time, it is the least computationally expensive method. This paper presents the process and describes the results of mathematical modeling of physical processes in metals and ordered alloys using the Lennard-Jones potential in the MatLab software package, which is well-proven for solving technical computing problems. The theoretical part describes crystal lattices, differential equations of motion for modeling, their initial and boundary conditions, as well as difference approximation. The principle of molecular dynamics modeling using one of the paired potentials was chosen as a modeling method. In the practical part, a computational algorithm, linearization of the number of operations, thermodynamic calculations are presented, the Verlet velocity scheme and the potential of interatomic interaction are described, as well as a step-by-step development of a model in a modeling environment. The following results were obtained: a graph of the three-dimensional distribution of atoms over the computational cell was constructed, which proves the possibility of moving up to five interatomic distances; the estimation of the amplitude-frequency characteristic by the Welch method

with the relative root-mean-square error not exceeding 30% was made; a graphical dependence of the binding energies between the present model and the standard data for a metal hcp cell was obtained with an error of slightly more than 3%; the calculation of the optimal model for piecewise-linear approximation was made and its three-dimensional interpolation was constructed. All conducted studies show a good degree of applicability of mathematical modeling to problems of studying dynamic processes in crystal physics.

Keywords: mathematical modeling, Lennard-Jones potential, MatLab software package, differential equations, atom, crystal lattice, metals and ordered alloys, interaction energy, amplitude-frequency characteristic, difference approximation.

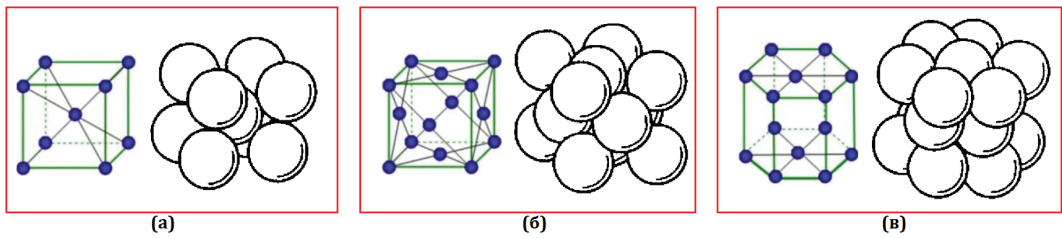
Введение

Одним из важных разделов физики кристаллов является изучение колебаний кристаллической решетки, поскольку они определяют такие важные свойства, как теплопроводность, теплоемкость, тепловое расширение и многие другие [1].

Кристаллические тела (все металлы и металлические сплавы) характеризуются упорядоченным расположением атомов. В металлах и металлических сплавах атомы находятся в узлах пространственных кристаллических решеток. В процессе кристаллизации металлов и сплавов могут образовываться кристаллические решетки разного типа [2]. Большинству металлов свойственно образование высокосимметричных решеток с плотной упаковкой атомов [3]. К основным типам кристаллических решеток металлов относятся: объемно-центрированная кубическая (ОЦК), гранецентрированная кубическая (ГЦК), гексагональная плотноупакованная (ГПУ). Элементарные ячейки таких кристаллических решеток показаны на рис. 1.

Наряду с экспериментальными методами изучения нелинейной динамики кристаллической решетки широко используются эффективные методы компьютерного моделирования, такие как первопринципное моделирование и метод молекулярной динамики [4]. Реже используется метод математического моделирования, так как погрешность расчетов при его применении может достигать 10%. Вместе с тем он является наименее затратным в вычислительном плане. В настоящее время математическое моделирование рассматривается как мощное средство теоретических исследований нелинейных проблем в физике [5].

К настоящему моменту ведутся активные исследования в области молекулярно-динамического моделирования в рамках изучения нелинейной динамики кристаллических решеток с помощью линейных и нелинейных локализованных и делокализованных колебательных мод, среди которых можно выделить дискретные бризеры, способные объяснить, например, аномалию температурной зависимости теплоемкости урана. В связи с большим количеством подобных экспериментов становится всё более актуальным поиск новых методов моделирования такой сложной системы, как математическое моделирование в среде MatLab, отличающееся быстродействием и небольшой ресурсозатратностью в вычислительном плане. Направление описанных результатов исследования находится в общем тренде приоритетов стратегии научно-технологического развития РФ в области перехода к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, а также позволит получить ряд новых важных результатов, актуальных для развития таких направлений, как энергоэффективность и энергосбережение, входящих в приоритетные направления модернизации российской экономики.

Рис. 1. Элементарные ячейки объемно-центрированной кубической (а), гранецентрированной кубической (б) и гексагональной плотноупакованной (в) кристаллических решеток

Целью настоящей научной работы является описание процесса и результатов математического моделирования физических свойств в металлах и упорядоченных сплавах. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: описаны системы дифференциальных уравнений; выполнено математическое описание процессов в молекулярной динамике; выбран потенциал взаимодействия частиц в кристаллической решетке материала; разработан вычислительный алгоритм и применен молекулярно-динамический метод для исследования физических процессов; проведена апробация разработанного алгоритма на модели хаотичного перемещения n -го числа атомов в кристаллической решетке с помощью пакета программ MatLab.

В настоящей работе авторами впервые будет применен пакет программ MatLab для моделирования перемещения атомов в трехмерной кристаллической решетке при помощи потенциала взаимодействия Леннарда-Джонса. Также новизной будет являться определение зависимости энергии связи в исследуемой модели и её сравнение с данными, полученными авторами ранее для ячейки ГПУ металла Ве, подтверждающими высокую точность моделирования с погрешностью немногим $> 3\%$.

Материалы и методы

Математическая модель состоит из системы дифференциальных уравнений, их разностного аналога, потенциала межатомного взаимодействия, специфически определяемых начальных и граничных условий [6].

В основу метода молекулярной динамики положено модельное представление о молекулярной системе, являющейся многоатомной. В ней все атомы представлены материальными точками. В классическом случае их движение будет описываться уравнениями Ньютона [7]. Эволюцию такой модели опишем системой дифференциальных уравнений движения:

$$\begin{cases} m_i \frac{d\vec{v}_i}{dt} = \vec{F}_i + \vec{F}_i^{ext} \\ \frac{d\vec{r}_i}{dt} = \vec{v}_i \end{cases}, \quad (1)$$

где $m_i, \vec{v}_i, \vec{r}_i$ – масса, скорость и радиус-вектор соответственно; $\vec{F}_i$ – сила взаимодействия с остальными частицами; $\vec{F}_i^{ext}$ – сила взаимодействия с внешними полями, $i = 1 \dots N$; N – количество точечных частиц.

Зная координаты и скорости всех N частиц в начальный момент времени $t = 0$: $(\vec{r}_i, \vec{v}_i)_{t=0}$, можем произвести интегрирование системы уравнений (1).

Поскольку в начальный момент времени моделируемая среда представляет собой кристалл, подготовку начальных условий будем производить в три этапа: 1) расчет приблизительного значения постоянной решетки a_T при температуре T ; 2) задание

координаты частиц; 3) задание скорости частиц в соответствии с распределением Максвелла.

При молекулярно-динамическом моделировании (МДМ) необходимо рассчитать траектории огромного количества частиц, обеспечив как вычислительную эффективность, так и требования точности. Для этого применим алгоритм Верле в скоростной форме [8], формулируемый из условий известности всех величин на момент времени t_k с переходом к следующему моменту времени $t_{k+1} = t_k + \Delta t$ по формулам:

$$\left\{ \begin{array}{l} \vec{v}_*^{-k+\frac{1}{2}} = \vec{v}^k \left(1 - \frac{\Delta t}{2} \right) + \frac{\vec{a}^k \Delta t}{2} \\ \vec{r}^{k+1} = \vec{r}^k + \vec{v}_*^{-k+\frac{1}{2}} \Delta t \\ \vec{a}^{k+1} = -\frac{\text{grad}(U^{k+1})}{m} \\ \vec{v}^{k+1} = \frac{\vec{v}_*^{-k+\frac{1}{2}} + \frac{\vec{a}^k \Delta t}{2}}{1 + \frac{\Delta t}{2}} \end{array} \right. , \quad (2)$$

где верхний индекс k – номер шага по времени; U – потенциальная энергия взаимодействия системы.

Система (1) представляет собой систему обыкновенных дифференциальных уравнений, поэтому для ее решения требуются только начальные условия, граничные условия отсутствуют.

Ключевым элементом МДМ является выбор потенциала межатомных и межмолекулярных взаимодействий частиц. Имеются два основных подхода: первопринципный [9, 10] и метод полуэмпирических потенциалов [11, 12]. Первый основан на развитии идей квантовой механики, в том числе на решении уравнения Шредингера для конденсированной среды. Второй оценивает способность того или иного потенциала хорошо описывать соединения с различным атомным окружением.

Леннардом-Джонсом для исследования термодинамических свойств был предложен парный потенциал [13], описывающий Ван-дер-Ваальсово взаимодействие нейтральных атомов. Его наиболее распространенная форма записи выглядит следующим образом:

$$\varphi(r) = 4\varepsilon \left[\left(\frac{\sigma}{r} \right)^{12} - \left(\frac{\sigma}{r} \right)^6 \right], \quad (3)$$

где σ – значение межатомного расстояния, при котором $\varphi(\sigma) = 0$, ε – глубина потенциальной ямы, расположенной на расстоянии $\sigma\sqrt[6]{2}$. В этом выражении слагаемое $\sim r^{-6}$ доминирует на больших расстояниях и соответствует дисперсионному диполь-дипольному притяжению. Слагаемое $\sim r^{-12}$ моделирует сильное отталкивание между парой атомов за счет обменного взаимодействия, если они оказываются очень близко друг к другу.

Характерный вид потенциала Леннарда-Джонса показан на рис. 2, его минимум лежит в точке $r_{min} = \sigma\sqrt[6]{2}$.

В связи с тем, что парные потенциалы могут обеспечить устойчивость только достаточно плотно упакованных кристаллических решеток, для описания процесса и результатов математического моделирования физических свойств в металлах и упорядоченных сплавах будем использовать один из таких методов, а именно потенциал Леннарда-Джонса. Этот выбор также обуславливается опытом авторов в исследовании

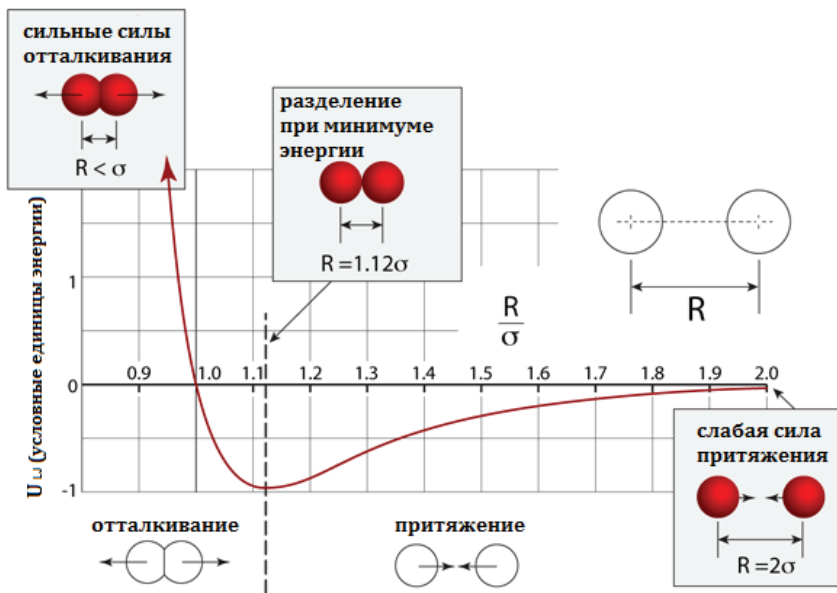

Рис. 2. Характерный вид потенциала Леннарда-Джонса

свойств одномерных нелинейных колебательных мод в треугольной решетке с Леннарда-Джонсовскими взаимодействиями [14].

Результаты

Нами была произведена линейаризация числа операций по количеству частиц. Это мероприятие необходимо при большом объеме вычислений в ходе МД эксперимента. Выполнение шага интегрирования системы уравнений движения (1) было разделено на два этапа: расчет потенциалов взаимодействия и суммарных сил, действующих на каждый атом со стороны остальных; расчет новых координат и скоростей всех частиц по формулам алгоритма Верле (2).

В вычислительном плане наиболее затратным мог оказаться первый этап, так как для вычисления потенциалов необходимо выполнить в общем случае N^2 арифметических операций, где N – число составляющих систему частиц. Однако выбранный нами потенциал Леннарда-Джонса является короткодействующим. Это означает, что существует некоторое критическое расстояние r_{cr} , такое, что значениями потенциала для $r > r_{cr}$ можно пренебречь. Благодаря этому был построен алгоритм расчета с линейно растущим числом частиц, который раз в M шагов по времени пересчитывает количество «соседей» во взаимодействующей среде. Соседями при этом считаем пару взаимодействующих атомов, находящуюся друг от друга на расстоянии не более $l_{max} = r_{cr} + \Delta l$. Таким образом, линейаризованный алгоритм и очевидность скоростной схемы Верле позволили нам производить ряд вычислений параллельно.

Вычисление основных термодинамических величин (давления и температуры) при МДМ производили, исходя из быстрого установления локального термодинамического равновесия, время которого может составлять единицы пикосекунд. Температуру со степенью свободы $\alpha = x, y, z$ получили, усредняя хаотическую составляющую кинетической энергии по ансамблю частиц с установившимся равновесным распределением. После чего общую температуру определили как среднюю по степеням свободы (4). Давление рассчитали аналогично путем усреднения по объему и по времени (5).

$$T = \frac{T_x + T_y + T_z}{3}, \quad (4)$$

$$P = \frac{P_{xx} + P_{yy} + P_{zz}}{3}. \quad (5)$$

Перейдем к непосредственным результатам разработки и апробации математической модели протекания физических процессов в кристаллической решетке металлов и упорядоченных сплавов.

С помощью пакета программ MatLab, хорошо зарекомендовавшего себя для решения задач технических вычислений, было смоделировано поведение (хаотическое движение) n -го количества атомов в кристаллической решетке методом молекулярной динамики. Ранее авторы для подобных целей использовали непосредственно программы МДМ, к примеру, свободно распространяемый пакет LAMMPS [15, 16]. Для реализации расчетов выбрали скоростную схему Верле. В общем виде формулы для траектории (6), скорости (7), ускорения (8), скорости с новым ускорением (9) выглядят следующим образом:

$$\vec{r}(t + \Delta t) = \vec{r}(t) + \vec{v}\Delta t + \vec{a}\Delta t^2 / 2, \quad (6)$$

$$\vec{v}(t + \Delta t / 2) = \vec{v} + \vec{a}\Delta t / 2, \quad (7)$$

$$\vec{a}(t) = -grad(U(\vec{r}(t))) / 2, \quad (8)$$

$$\vec{v}(t + \Delta t) = \vec{v}(t + \Delta t / 2) + \vec{a}\Delta t / 2. \quad (9)$$

Здесь в формуле ускорения (8) U – потенциал Леннарда-Джонса (3), который был выбран из множества других парных потенциалов, как оптимально подходящий для условий нашей задачи.

Моделирование производилось в трехмерном (3D) пространстве, поэтому градиент в формуле (8) принимался по трем направлениям. Преобразование потенциала $U(r(t))$ в $U(x(t), y(t), z(t))$ осуществлялось по формуле:

$$\vec{r}_{3D} = x\vec{i} + y\vec{j} + z\vec{k}. \quad (10)$$

В качестве исходных данных для 3D моделирования были выбраны 125 атомов (N) с размерами кристаллической решетки (ячейки) $L \times W \times H = 5 \times 5 \times 5$, структура которой показана на рис. 3. К основным исходным данным для моделирования также относятся: Tk – время окончания расчетов; dt – шаг времени; r – расстояние между центрами частиц, ε – глубина потенциальной «ямы», σ – расстояние, на котором энергия взаимодействия становится равной нулю. Параметры ε и σ являются характеристиками атомов соответствующего вещества, которые можно найти через коэффициент Джоуля-Томсона, либо сравнивая экспериментальное значение коэффициента вязкости со значением, полученным из формулы для потенциальной энергии. Таблицы значений параметров ε и σ для некоторых веществ есть в книге [17]. Для ускорения расчётов будем обрывать потенциал Леннарда-Джонса на расстоянии $r_c = 2.5 \cdot \sigma$. Такой выбор обусловлен тем, что на этом расстоянии значение энергии взаимодействия составляет лишь $\approx 0,0163$ от глубины ямы ε .

Математический аппарат был реализован по следующему алгоритму: задание начальных координат и скоростей; определение начальных ускорений частиц, которые равны нулю; вычисление главного цикла; проверка граничных условий, которые должны быть периодическими; вычисление скорости со старым ускорением; вычисление нового

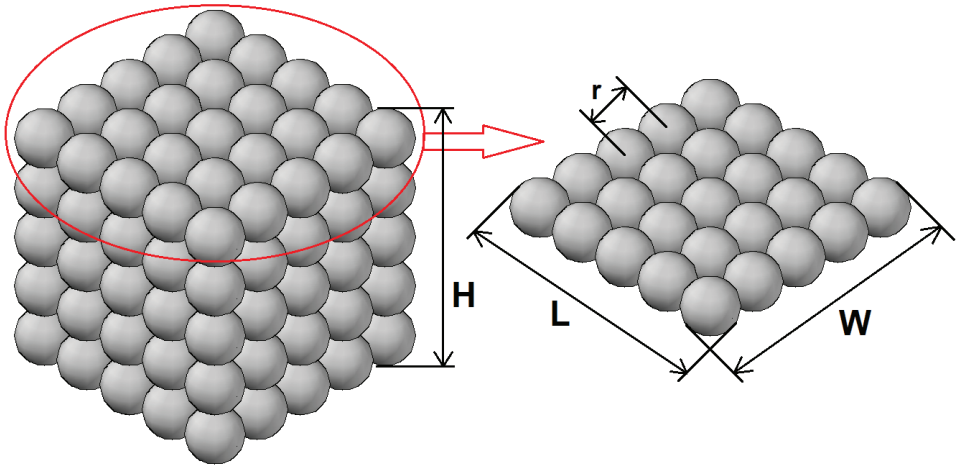

Рис. 3. Структура расчетной ячейки для трехмерного моделирования

```

clear;
N = 125; %количество частиц
T0 = 0; %время окончания расчетов
dt = 0.1; % шаг по времени
M0 = T0/dt; %количество шагов
L = 5; %длина ячейки
M = 5; %ширина ячейки
n = 5; %высота ячейки
r = 1; %интервалное расстояние
e = 2*10^(-3); %глубина потенциальной "ямы"
g = 2.7; %коэффициент невязочного расстояния, при котором потенциала равен нулю
%Задание начальные координаты и скорости
for i = 1:N
    x(i) = rand*L;
    y(i) = rand*M;
    z(i) = rand*M;
    vx(i) = rand;
    vy(i) = rand;
    vz(i) = rand;
end;
%Начальные ускорения частиц равны нулю
for i = 1:N
    ax(i) = 0;
    ay(i) = 0;
    az(i) = 0;
end;
%Главный цикл
for t = 1:M
    for i = 1:N
        x(i) = x(i) + vx(i)*dt - 0.5*ax(i)*dt^2;
        y(i) = y(i) + vy(i)*dt - 0.5*ay(i)*dt^2;
        z(i) = z(i) + vz(i)*dt - 0.5*az(i)*dt^2;
    end;
    %Проверка граничных условий - они должны быть периодическими
    if x(i)<0
        x(i) = x(i) + L;
    end;
    if x(i)>L
        x(i) = x(i) - L;
    end;
    if y(i)<0
        y(i) = y(i) + M;
    end;
    if y(i)>M
        y(i) = y(i) - M;
    end;
    if z(i)<0
        z(i) = z(i) + M;
    end;
    if z(i)>M
        z(i) = z(i) - M;
    end;
    %Вычисление скорости со старым ускорением
    vx(i) = vx(i) + 0.5*ax(i)*dt;
    vy(i) = vy(i) + 0.5*ay(i)*dt;
    vz(i) = vz(i) + 0.5*az(i)*dt;
end;
end;
%Вычисление нового ускорения
a = 2*e*(g/r)^2*(1-(L/r)^2);
for j = 1:M
    ax(j) = [-gradient(0,x(j))/2];
    ay(j) = [-gradient(0,y(j))/2];
    az(j) = [-gradient(0,z(j))/2];
end;
    
```

```

end;
%Следующий цикл
for t = 1:M0
    for j = 1:N
        x(j) = x(j) + vx(j)*dt - 0.5*ax(j)*dt^2;
        y(j) = y(j) + vy(j)*dt - 0.5*ay(j)*dt^2;
        z(j) = z(j) + vz(j)*dt - 0.5*az(j)*dt^2;
    end;
    %Проверка граничных условий - они должны быть периодическими
    if x(j)<0
        x(j) = x(j) + L;
    end;
    if x(j)>L
        x(j) = x(j) - L;
    end;
    if y(j)<0
        y(j) = y(j) + M;
    end;
    if y(j)>M
        y(j) = y(j) - M;
    end;
    if z(j)<0
        z(j) = z(j) + M;
    end;
    if z(j)>M
        z(j) = z(j) - M;
    end;
    %Вычисление скорости с новым ускорением
    vx(j) = vx(j) + 0.5*ax(j)*dt;
    vy(j) = vy(j) + 0.5*ay(j)*dt;
    vz(j) = vz(j) + 0.5*az(j)*dt;
end;
end;
plot3(x,y,z,'b');
grid on; %Задание вывода координатной сетки
end;
    
```

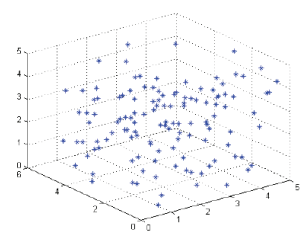

Рис. 4. Выгрузка кода программы из окна редактора пакета программ MatLab

ускорения; вычисление следующего цикла; повторная проверка граничных условий; вычисление скорости с новым ускорением. Вычислительный процесс может повторяться до бесконечности. Программа была разработана и сохранена в m-файле пакета программ MatLab [18]. На рис. 4 представлен код программы с исходными данными и двумя циклами для моделирования в 3D пространстве.

В результате моделирования получили трехмерную систему координат (x,y,z) с окончательными координатами атомных смещений при хаотических колебаниях в конце моделирования. Анализу будут подлежать как сами перемещения атомов (в трехмерном пространстве), так и их скорости, непосредственно характеризующие амплитуду и частоту.

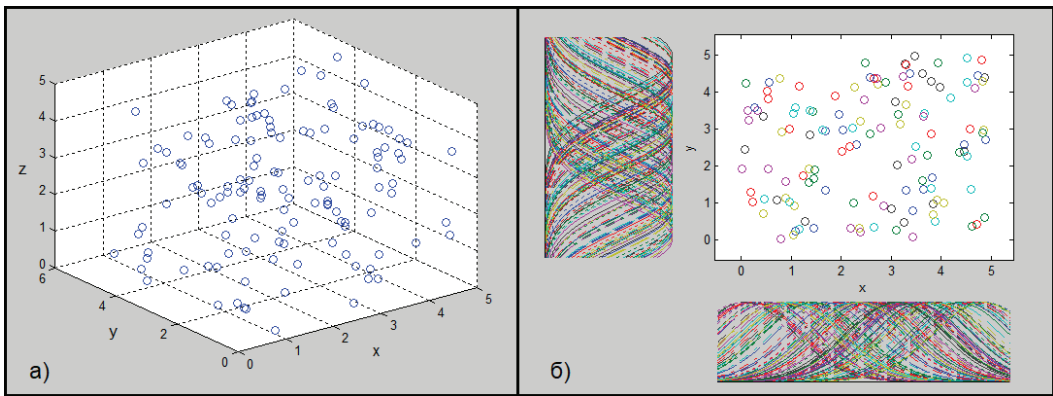

Рис. 5. Трехмерное распределение атомов (а) и двумерный график разброса данных (б)

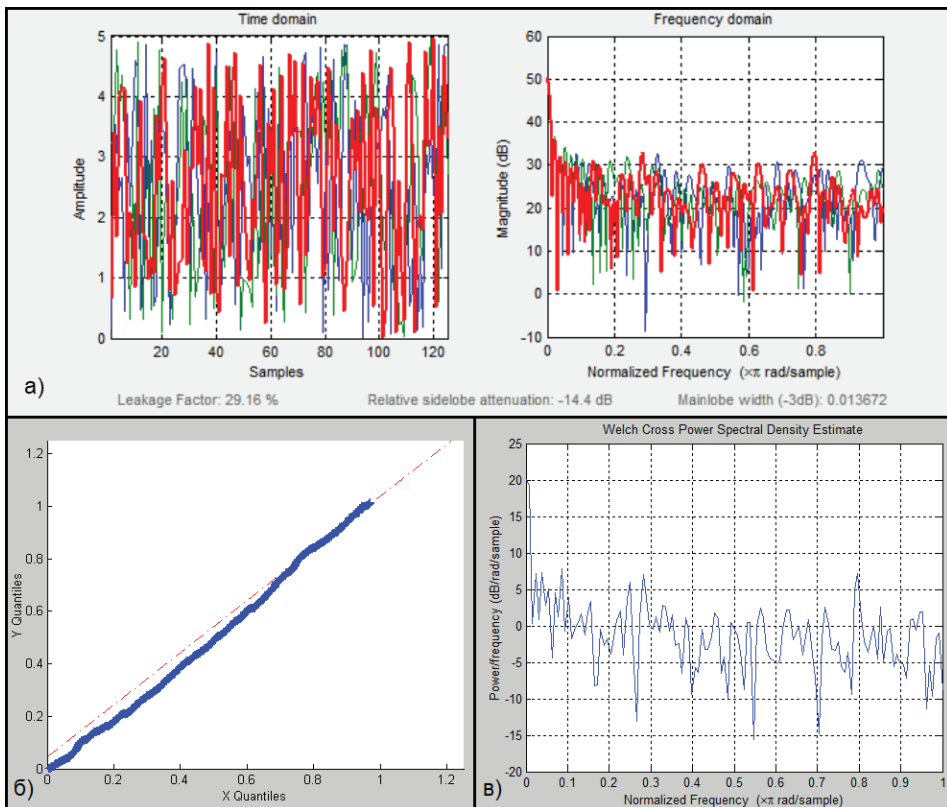

Рис. 6. Амплитудно-частотная характеристика (а), сравнение энергий связи (б) и оценка спектральной плотности мощности (в)

Приведем снимки с графопостроителя *Plot* и анализ-фильтров с вычислительными операциями в трехмерном пространстве, а именно: трехмерное распределение атомов при хаотическом перемещении внутри расчетной ячейки и двумерный график разброса данных в векторах x и y с отображением предельных распределений в виде одномерных гистограмм на горизонтальной и вертикальной осях графика рассеяния (рис. 5); сравнение энергий связи и амплитудно-частотные характеристики потенциала

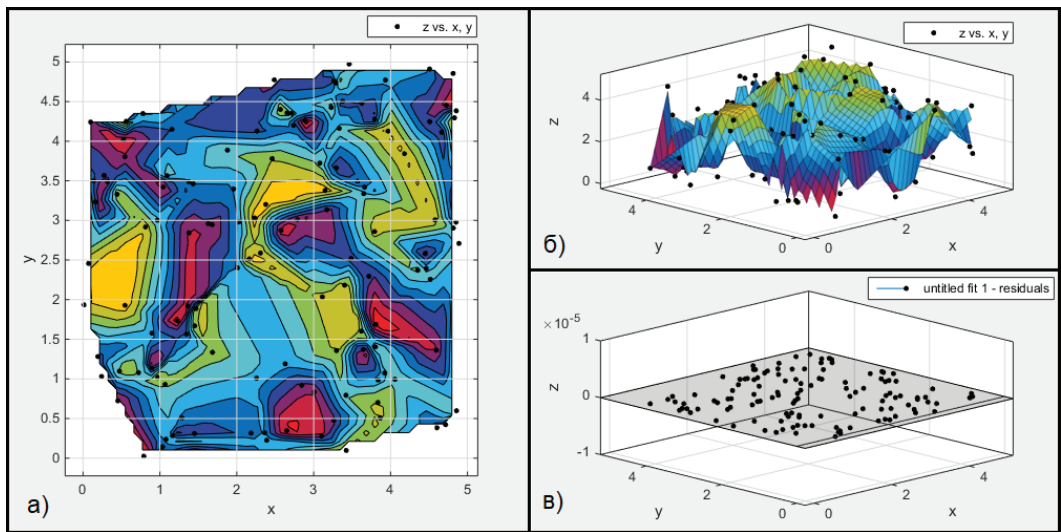

Рис. 7. Результаты аппроксимации методом линейной интерполяции

взаимодействия, включая оценку спектральной плотности мощности по методу Уэлча (рис. 6); непараметрическую аппроксимацию с использованием сглаживающих сплайнов и линейным методом интерполяции (рис. 7).

Обсуждение

В идеальных условиях наличие межатомного взаимодействия делает невозможными независимые смещения отдельных атомов, и их коллективное движение приобретает характер колебательного процесса, распространяющегося в виде волн по кристаллу. В действительности колебания кристалла не являются строго гармоническими. Несмотря на малость энгармонизма, при слабых возбуждениях нормальные колебания кристалла оказываются связанными друг с другом. При сильном возбуждении смещения атомов не малы, и описывающие их уравнения становятся нелинейными. В таких условиях возможны движения, существенно отличающиеся от гармонических колебаний.

На рис. 5 (а) изображено трехмерное распределение атомов по расчетной ячейке. Видно, что перемещения не являются симметричными. Это наглядно можно наблюдать на рис. 5 (б), где показан двумерный график разброса данных в векторах x и y с отображением предельных распределений в виде одномерных гистограмм на горизонтальной и вертикальной осях графика рассеяния. Такое поведение может характеризоваться квазилокальными колебаниями – вид дефекта, охватывающего весь кристалл. В результате дефект может превратиться в квазичастицу – дефектон, свободно перемещающуюся в кристалле. Согласно результатам моделирования такое перемещение может достигать пяти межатомных расстояний.

На рис. 6 (а) представлена амплитудно-частотная характеристика при нормализованной частоте (известна как частота Найквиста). При такой обработке непрерывная временная переменная t , выраженная в секундах, заменяется дискретной целочисленной переменной n с единицами отсчетов. В нашем случае временная переменная в секундах была нормализована (разделена) на интервал выборки T (секунды/выборка), благодаря чему время приняло удобные целочисленные значения в моменты выборки. Максимальная величина на частотной области достигает 50 дБ, минимальная – немного не доходит до -10 дБ. Так как частота колебаний для каждого атома имеет разные значения, применим для оценки спектральной плотности мощности метод Уэлча. В результате моделирования 125 атомов (сэмпл) получили очень сильно «изрезанный» график (рис. 6 (в)), что обуславли-

вается недостаточно длительным интервалом наблюдения и приводит к высокой дисперсии оценки. Относительная среднеквадратическая ошибка (коэффициент утечки) мощности не превышает 30%.

При сравнении энергий связи, полученных в результате моделирования, со стандартными данными для ГПУ металлов мы увидели большую абсолютную и относительную погрешности при моделировании дальних взаимодействий. На рис. 6 (б) исследованы взаимодействия близлежащих атомов. По осям абсцисс и ординат откладываются квантили расчетного значения и смоделированного результата энергии связи для ГПУ металла. Так для ГПУ металла Ве, который авторы изучали в работе [19], погрешность моделирования составила немногим более 3%. Таким образом, мы подтвердили, что потенциал Леннарда-Джонса хорошо применим для парных близлежащих взаимодействий. В результате моделирования получили положительное значение потенциала, выборочное среднее значение которого определили по формуле:

$$\bar{U} = \frac{\sum_{i=1}^n U_i}{n} = 1.0978,$$

где n – объем выборки, U_i – i -й элемент выборки. Положительное значение потенциала говорит о сильных силах отталкивания атомов в результате хаотического движения.

На рис. 7 (в) представлены результаты аппроксимации кривой из 125 точек, состоящей в определении функции $z = f(x, y)$. Была найдена оптимальная общая модель с уравнением вида:

$$f(x, y) = \alpha + \beta \cdot \sin(\mu \cdot \pi \cdot x \cdot y) + \gamma \cdot e^{-(\omega \cdot y)^2},$$

где коэффициенты в векторной форме с 95% вероятности равны: $\alpha = (2,376 \ 2,961)$; $\beta = (-0,6042 \ 0,1607)$; $\gamma = (-1,795 \ 0,6895)$; $\mu = (0,9121 \ 1,03)$; $\omega = (-6,557 \ 3,131)$.

На рис. 7 (а) показана линейная интерполяция, которая является частным случаем интерполяционной формулы Лагранжа и интерполяционной формулы Ньютона. Она применяется для приближенного представления данных в виде кусочно-линейной функции. На рис. 7 (б) показана её трехмерная проекция, вычисленная из плоскости с нормированными средним и стандартным значениями для x : 2,546 и 1,453; для y : 2,542 и 1,464.

Все проведенные исследования показывают хорошую степень применимости математического моделирования к задачам изучения динамических процессов в физике кристаллов. Разработанная программа математического моделирования была апробирована в учебном процессе в курсах физики и информатики [20, 21], а также получено свидетельство о государственной регистрации данной программы для ЭВМ [22].

Заключение

В результате математического моделирования физических процессов в металлических кристаллических решетках было выполнено:

1. Описание кристаллических решеток, систем уравнений движения, начальных и граничных условий, вычисление разностной аппроксимации как теоретическая часть разработки вычислительного алгоритма.

2. Выбор методов и методик моделирования, описание парных потенциалов взаимодействия для молекулярно-динамического моделирования, выбор потенциала Леннарда-Джонса, представление его графической интерпретации.

3. Представление вычислительного алгоритма для математического моделирования, включающего в себя линеаризацию числа операций по количеству частиц, вычисление основных термодинамических величин, описание скоростной схемы Верле и преобразование потенциала взаимодействия.

4. Приведение результатов моделирования в среде MatLab, отображение кода программы с двумя циклами, представление численных и графических параметров и характеристик, проведение обсуждения результатов работы.

Основными результатами моделирования являются: трехмерное распределение атомов по расчетной ячейке, доказывающее возможность перемещения до пяти межатомных расстояний; оценка амплитудно-частотной характеристики методом Уэлча с относительной среднеквадратической ошибкой, не превышающей 30%; получение графической зависимости энергий связи между настоящей моделью и стандартными данными для ячейки ГПУ металла с погрешностью немногим более 3%; вычисление оптимальной модели (уравнений) для кусочно-линейной аппроксимации и построение её трехмерной интерполяции.

Л и т е р а т у р а

1. Борн, М. Динамическая теория кристаллических решеток / М. Борн, Х. Кунь. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1958. – 488 с. – Текст : непосредственный.
2. Греков Ф.Ф. Структурная кристаллография / Ф. Ф. Греков, Г. Б. Рябенко, Ю. П. Смирнов. – Ленинград : Издательство ЛГПИ, 1988. – 80 с. – Текст : непосредственный.
3. Гуляев, А. П. Металловедение / А. П. Гуляев. – изд. 6-ое. – Москва : Металлургия, 1986. – 544 с. – Текст : непосредственный.
4. Хеерман, Д. В. Методы компьютерного эксперимента в теоретической физике / Д. В. Херман. – Москва : Наука, 1990. – 176 с. – Текст : непосредственный.
5. Якушев, И. А. Математическое моделирование сложных технических систем в среде MATLAB / И. А. Якушев, М. Н. Семенова, Ю. В. Бебихов и др. – Москва : Издательство «Спутник +», 2019. – 126 с. – Текст : непосредственный.
6. Мажукин, В. И. Температурная зависимость кинетической скорости плавления и кристаллизации алюминия / В. И. Мажукин, А. В. Шапранов, М. М. Демин и др. // Краткие сообщения по физике ФИАН. – 2016. – № 9. – С. 37–43. – Текст : непосредственный.
7. Маркидонов, А. В. Расчет термодинамических характеристик системы Fe–P методом молекулярной динамики / А. В. Маркидонов, Д. А. Лубяной, В. В. Коваленко и др. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Черная металлургия. – 2019. – Т. 62. – № 9. – С. 725–731.
8. Verlet, L. Computer Experiments on Classical Fluids. I. Thermodynamical Properties of Lennard-Jones Molecules / L. Verlet // Phys. Rev. – 1967. – V. 159. – Pp. 98–103.
9. Ракитин, М. С. Первопринципное и термодинамическое моделирование влияния упругих напряжений на энергию растворения водорода в альфа-железе / М. С. Ракитин, А. А. Мирзоев, Д. А. Мирзаев. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Физика. – 2017. – Т. 60. – № 12. – С. 76–82.
10. Боровик, А. М. Моделирование электрических характеристик графенового полевого транзистора на основе данных расчетов из первых принципов / А. М. Боровик, М. С. Баранова, Д. Ч. Гвоздовский. – Текст : непосредственный // Инфокоммуникационные и радиоэлектронные технологии. – 2020. – Т. 3. – № 1. – С. 63–74.
11. Zalizniak, V. E. Mathematical model of conducting nanopore for molecular dynamics simulations / V. E. Zalizniak, O. A. Zolotov, O. P. Zolotova // Siberian Journal of Science and Technology. – 2018. – V. 19. – Is. 4. – Pp. 677–682.
12. Sánchez-Badillo, J. Potential of mean force calculations for an s_N^2 fluorination reaction in five different imidazolium ionic liquid solvents using quantum mechanics/molecular mechanics molecular dynamics simulations / J. Sánchez-Badillo, M. Gallo, R. A. Guirado-López et al. // Journal of Physical Chemistry B. – 2020. – V. 124. – Is. 21. – Pp. 4338–4357.
13. Jones, J. E. On the Determination of Molecular Fields / J. E. Jones // Proceedings of the Royal Society of London. – 1924. – V. 106. – Is. 738. – Pp. 463–477.
14. Sunagatova, I. R. Properties of one-dimensional nonlinear vibrational modes in triangular lattice with Lennard-Jones interactions / I. R. Sunagatova, A. M. Subkhangulova, M. N. Semenova et al. // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2020. – V. 1008. – No. 012073.

15. Krylova K.A. Spherically localized discrete breathers in bcc metals V and Nb / K. A. Krylova, I. P. Lobzenko, A. S. Semenov et al. // *Computational Materials Science*. – 2020. – V. 180. – No. 109695.
16. Babicheva R. I. Discrete breathers in a triangular β -Fermi-Pasta-Ulam-Tsingou lattice / R. I. Babicheva, A. S. Semenov, E. G. Soboleva et al. // *Physical Review E*. – 2021. – V. 103. – Is. 5. – No. 052202.
17. Цянь Сюэ-Сень. Физическая механика / Цянь Сюэ-Сень. – Москва : Мир, 1965. – 544 с. – Текст : непосредственный.
18. Bebikhov, Y. V. The application of mathematical simulation for solution of linear algebraic and ordinary differential equations in electrical engineering / Y. V. Bebikhov, A. S. Semenov, I. A. Yakushev et al. // *IOP Conference Series : Materials Science and Engineering*. – 2019. – V. 643. – No. 012067.
19. Bachurina, O. V. Properties of Moving Discrete Breathers in Beryllium / O. V. Bachurina, R. T. Murzaev, A. S. Semenov et al. // *Physics of the Solid State*. – 2018. – V. 60. – Is. 5. – Pp. 989–994.
20. Татаринов, П. С. Сборник лабораторных работ по разделу «Механика» курса «Физика» / П. С. Татаринов, В. Д. Яковлев, Д. Ч. Ким и др. – Москва : Издательство «Спутник +», 2021. – 175 с. – Текст : непосредственный.
21. Васильева, А. В. Практикум по работе с пакетами прикладных программ на ЭВМ / А. В. Васильева, М. Н. Семёнова, И. А. Якушев. – Москва : Издательство «Спутник +», 2020. – 144 с. – Текст : непосредственный.
22. Семёнов, А. С. Программа математического моделирования физических процессов в металлах и упорядоченных сплавах / А. С. Семёнов, М. Н. Семёнова, И. А. Якушева и др. // Свидетельство № 2021615775 от 13.04.2021, заявка № 2021614436 от 02.04.2021. – Текст : непосредственный.

References

1. Born, M. Dinamicheskaya teoriya kristallicheskih reshetok / M. Born, H. Kun'. – Moskva : Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1958. – 488 s. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Grekov F.F. Strukturnaya kristallografiya / F. F. Grekov, G. B. Ryabenko, Yu. P. Smirnov. – Leningrad : Izdatel'stvo LGPI, 1988. – 80 s. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Gulyaev, A. P. Metallovedenie / A. P. Gulyaev. – izd. 6-oe. – Moskva : Metallurgiya, 1986. – 544 s. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Heerman, D. V. Metody komp'yuternogo eksperimenta v teoreticheskoy fizike / D. V. Herman. – Moskva : Nauka, 1990. – 176 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Yakushev, I. A. Matematicheskoe modelirovanie slozhnyh tekhnicheskikh sistem v srede MATLAB / I. A. Yakushev, M. N. Semanova, Yu. V. Bebikhov i dr. – Moskva : Izdatel'stvo «Sputnik +», 2019. – 126 s. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Mazhukin, V. I. Temperaturnaya zavisimost' kineticheskoy skorosti plavleniya i kristallizacii alyuminiya / V. I. Mazhukin, A. V. Shapranov, M. M. Demin i dr. // *Kratkie soobshcheniya po fizike FIAN*. – 2016. – № 9. – S. 37–43. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Markidonov, A. V. Raschet termodinamicheskikh harakteristik sistemy Fe–P metodom molekulyarnoj dinamiki / A. V. Markidonov, D. A. Lubyanoj, V. V. Kovalenko i dr. – Tekst : neposredstvennyj // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Chernaya metallurgiya*. – 2019. – T. 62. – № 9. – S. 725–731.
8. Verlet, L. Computer Experiments on Classical Fluids. I. Thermodynamical Properties of Lennard-Jones Molecules / L. Verlet // *Phys. Rev.* – 1967. – V. 159. – Pp. 98–103.
9. Rakitin, M. S. Pervoprincipnoe i termodinamicheskoe modelirovanie vliyaniya uprugih napryazhenij na energiyu rastvoreniya vodoroda v al'fa-zheleze / M. S. Rakitin, A. A. Mirzoev, D. A. Mirzaev. – Tekst : neposredstvennyj // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Fizika*. – 2017. – T. 60. – № 12. – S. 76–82.
10. Borovik, A. M. Modelirovanie elektricheskikh harakteristik grafenovogo polevogo tranzistora na osnove dannyh raschetov iz pervyh principov / A. M. Borovik, M. S. Baranova, D. Ch. Gvozдовskij. – Tekst : neposredstvennyj // *Infokommunikacionnye i radioelektronnye tekhnologii*. – 2020. – T. 3. – № 1. – S. 63–74.
11. Zalizniak, V. E. Mathematical model of conducting nanopore for molecular dynamics simulations / V. E. Zalizniak, O. A. Zolotov, O. P. Zolotova // *Siberian Journal of Science and Technology*. – 2018.

– V. 19. – Is. 4. – Pp. 677-682.

12. Sánchez-Badillo, J. Potential of mean force calculations for an sN₂ fluorination reaction in five different imidazolium ionic liquid solvents using quantum mechanics/molecular mechanics molecular dynamics simulations / J. Sánchez-Badillo, M. Gallo, R. A. Guirado-López et al. // *Journal of Physical Chemistry B*. – 2020. – V. 124. – Is. 21. – Pp. 4338–4357.

13. Jones, J. E. On the Determination of Molecular Fields / J. E. Jones // *Proceedings of the Royal Society of London*. – 1924. – V. 106. – Is. 738. – Pp. 463–477.

14. Sunagatova, I. R. Properties of one-dimensional nonlinear vibrational modes in triangular lattice with Lennard-Jones interactions / I. R. Sunagatova, A. M. Subkhangulova, M. N. Semenova et al. // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. – 2020. – V. 1008. – No. 012073.

15. Krylova K.A. Spherically localized discrete breathers in bcc metals V and Nb / K. A. Krylova, I. P. Lobzenko, A. S. Semenov et al. // *Computational Materials Science*. – 2020. – V. 180. – No. 109695.

16. Babicheva R. I. Discrete breathers in a triangular β -Fermi-Pasta-Ulam-Tsingou lattice / R. I. Babicheva, A. S. Semenov, E. G. Soboleva et al. // *Physical Review E*. – 2021. – V. 103. – Is. 5. – No. 052202.

17. Cyan' Syue-Sen'. *Fizicheskaya mekhanika* / Cyan' Syue-Sen'. – Moskva : Mir, 1965. – 544 s. – Tekst : neposredstvennyj.

18. Bebikhov, Y. V. The application of mathematical simulation for solution of linear algebraic and ordinary differential equations in electrical engineering / Y. V. Bebikhov, A. S. Semenov, I. A. Yakushev et al. // *IOP Conference Series : Materials Science and Engineering*. – 2019. – V. 643. – No. 012067.

19. Bachurina, O. V. Properties of Moving Discrete Breathers in Beryllium / O. V. Bachurina, R. T. Murzaev, A. S. Semenov et al. // *Physics of the Solid State*. – 2018. – V. 60. – Is. 5. – Pp. 989–994.

20. Tatarinov, P. S. *Sbornik laboratornyh rabot po razdelu «Mekhanika» kursa «Fizika»* / P. S. Tatarinov, V. D. Yakovlev, D. Ch. Kim i dr. – Moskva : Izdatel'stvo «Sputnik +», 2021. – 175 s. – Tekst : neposredstvennyj.

21. Vasil'eva, A. V. *Praktikum po rabote s paketami prikladnyh programm na EVM* / A. V. Vasil'eva, M. N. Semenova, I. A. Yakushev. – Moskva : Izdatel'stvo «Sputnik +», 2020. – 144 s. – Tekst : neposredstvennyj.

22. Semyonov, A. S. *Programma matematicheskogo modelirovaniya fizicheskikh processov v metallah i uporyadochennyh splavah* / A. S. Semenov, M. N. Semenova, I. A. Yakusheva i dr. // *Svidetel'stvo № 2021615775 ot 13.04.2021, zayavka № 2021614436 ot 02.04.2021*. – Tekst : neposredstvennyj.

А. Б. Бодриков¹, Г. О. Ибраимова², А. А. Касымова³

Символ матери сына-солдата в русской лингвокультуре

¹Институт иностранных языков, г. Санкт-Петербург, Россия

²Министерство образования и науки Киргизской Республики, г. Бишкек, Киргизия

³Международный университет Кыргызстана, г. Бишкек, Киргизия

Аннотация. В статье рассматривается символизм синкретичного ментального макрообразования *мать сына-солдата*, складывающегося из символического макроконцепта *мать* и двух концептов: *сын* и *солдат*. Цель статьи – описать символику *матери сына-солдата*, закрепленную в русской лингвокультуре. В задачи статьи входит: 1. определить спектр символов *матери сына-солдата*; 2. проиллюстрировать указанную символику фактами языка. Актуальность исследования состоит в разделении символов *матери солдата-сына* на два типа и два вида. Научная новизна состоит в первом опыте обращения к символам *матери сына-солдата* в русской лингвокультуре. Методы исследования: дескриптивный, интерпретативный, концептуальный. Выделены два типа символов русской лингвокультуры, реализующих синкретичное ментальное макрообразование *мать сына-солдата*: древние и поздние, представляющие еще два вида символов: исконные и заимствованные. Исконными, а следовательно, древними в русской лингвокультуре являются шесть символов: 1) *природа – мать*; 2) *земля – мать*; 3) *Родина-мать* и его поздние варианты: *Родина-мать – Россия*, *Родина-мать – Русь*; 4) *мать – Родина* и *сын – герой*; 5) *любовь матери – жалость к сыну*, который трансформируется в *любовь сына-солдата к*

БОДРИКОВ Алексей Борисович – к. филол. н., преподаватель Института иностранных языков.

E-mail: bodrik1987@yandex.ru

ВОДРИКОВ Alexey Borisovich – Candidate of Philology, Lecturer, Institute of Foreign Languages.

ИБРАИМОВА Гульсайра Озгонбаевна – к. филол. н., гл. специалист управления науки и научно-технической политики Министерства образования и науки Киргизской Республики.

E-mail: gulsara25089@yandex.ru

ИБРАИМОВА Gulsaira Ozgonbaevna – Candidate of Philology, Chief specialist of the Department of science and scientific and technical policy of the Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic.

КАСЫМОВА Алтынай Авазбековна – зав. каф. современных языков, ст. преподаватель, Международный университет Кыргызстана.

E-mail: altynay0507@gmail.com

КАСЫМОВА Altynai Avazbekovna – Head of the Modern Languages Department, Senior Lecturer, International University of Kyrgyzstan.

матери – жалость; б) мать – святыня. Этот символ объединяется с символами: Родина-мать – святыня, Родина-мать – Россия и Отчизна-мать – Россия. Поздними по времени формирования в русской лингвокультуре выступают еще шесть символов: 1) солдатская мать; 2) мать – воин-защитник своих малых детей (сыновей); 3) мать – Родина и сыны – героическая армия; 4) страна / государство – семья (где отец – это правитель, а мать – Родина); 5) не почитающий свою мать (предавший ее) сын, не сумевший ее защитить; 6) родина-мать – Россия и блудные сыны – эмигранты. Два последних из указанных символов являются заимствованными. Перспективой дальнейшего исследования может стать изучение других милитарных концептов и концептов родства в аспекте выделения их символических признаков.

Ключевые слова: символ лингвокультуры, когнитивные признаки, символические признаки концепта, структура концепта, милитарные концепты, концепты родства, символический макроконцепт, концептология, языковая картина мира, лингвокультурология.

DOI 10.25587/SVFU.2021.84.4.003

A. B. Bodrikov¹, G. O. Ibraimova², A. A. Kasymova³

The symbol of a soldier-son mother in Russian linguoculture

¹Institute of Foreign Languages, St. Petersburg, Russia

²Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

³International University of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. The article examines the symbolism of syncretic mental macro-formation of a soldier-son mother, which is formed from a symbolic mother macro-concept and two concepts: a son and a soldier. The purpose of the article is to describe the symbolism of a soldier-son mother, enshrined in Russian linguistic culture. The tasks of the article include: 1. Determine the range of symbols of a soldier-son mother. 2. Illustrate the indicated symbolism with the facts of the language. The relevance of the study consists of dividing the symbols of a soldier-son mother into some types. Scientific novelty is included in the first experience of addressing the symbols of a soldier-son mother in Russian linguistic culture. Research methods: descriptive, interpretive, conceptual. Two types of symbols of Russian linguoculture have been identified that implement syncretic mental macroformation of a soldier-son mother: ancient and later, representing two more types of symbols: primordial and borrowed. Six symbols are primordial and, therefore, ancient in Russian linguoculture: 1. Nature – mother; 2. The earth is the mother; 3. Motherland and its late variants: Motherland – Russia. Motherland – Rus³; 4. Mother is the Motherland and the son is a hero; 5. The love of a mother is a pity for her son that transforms into: the love of a soldier-son for his mother is a pity; 6. Mother is a shrine. Six more symbols appear later in the time of formation in the Russian linguoculture: 1. Soldier's mother; 2. Mother is a warrior-protector of her little children (sons); 3. Mother – Motherland and sons – a heroic army; 4. Country / state – family (where the father is the ruler and the mother is the Motherland); 5. A son who does not honor his mother (betrayed her), who failed to protect her; 6. Motherland - Russia and the prodigal sons – emigrants. The last two of these characters are unoriginal. Prospects for further research can be the study of other military concepts and concepts of kinship in the aspect of highlighting their symbolic signs.

Keywords: symbol of linguoculture, cognitive signs, concept symbolic signs, concept structure, military concepts, kinship concepts, symbolic macroconcept, conceptology, language worldview, cultural linguistics.

Введение

Изучение символов лингвокультуры становится актуальным на стыке XX–XXI вв. В первую очередь лингвокультурная символика закрепляется в языковой картине мира. «Языковая картина мира складывается в языке исторически; это совокупность представлений о мире, собираемых и хранимых в народном сознании веками; это способ организации действительности в сознании и языке» [1, с. 13]. Язык транслирует культуру, закрепляя в формах и категориях родного языка (по В. В. Колесову) основы ментальности народа. «Существование человека в языке предполагает трёхмерность связей: отношение человека к знаку-слову (мы его назвали символом), его отношение к идее-смыслу и его отношение к вещи и миру. Полнота восприятия предполагает все три источника в поступлении информации: и чувства, и разум, и волю» [2, с. 6].

В XXI в. в когнитивную лингвистику и лингвокультурологию М. В. Пименовой были введены два новых термина – *макроконцепт*, *символический макроконцепт* и т. д. «Под *макроконцептом* понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [3, с. 32].

Символический макроконцепт – это «ментальное образование, у которого первопризнак (*conceptum*) в виде одного или нескольких мотивирующих признаков выражает определённый символ лингвокультуры» [4, с. 93]. *Мать* относится к разряду символических макроконцептов. В результате анализа 15 этимологических словарей было обнаружено 34 мотивирующих признака макроконцепта *мать*, в их числе девять относятся к классу символических: ‘творец’, ‘образователь’, ‘богородица’, ‘глава’, ‘земля’, ‘племенная пчела (матка)’, ‘начало’, ‘причина’, ‘источник’. «Символ матери можно отыскать в соответствующей мифологеме: Великая Богиня-мать – родительница всего живого на земле, кормящая и растящая всех. *Мифологема* – это часть мифа, утратившая четкие черты в связи с забытостью исходного образа, сохранившая в фольклоре наиболее устойчивые признаки символа, восходящие к определенному сюжету или персонажу. Все народы исповедовали культ Великой Богини-матери в эпоху матриархата» [5, с. 131].

В. В. Колесов ввёл в концептологию новый термин *первопризнак-концептум*. Ученый писал: «необходимо распознать пути возникновения первосмысла в образной форме первообраза, совместно именуемых концептумом (лат. *conceptum* ‘зерно, зародыш’), как первоначального состава концепта (лат. *conceptus* ‘содержащий’), последовательно образующего новые формы – образа, символа и понятия» [6, с. 438]. Если среди 34 мотивирующих признаков у макроконцепта *мать* было выделено девять символических (а это четверть от общего количества), он безусловно относится к особому типу символических макроконцептов. *Символическим* является такой *макроконцепт*, «мотивирующие признаки которого восходят к известному или утраченному мифу; эти признаки разворачиваются в разном объеме в виде образных, понятийных, ценностно-оценочных и собственно символических признаков, но уже в другом объеме по отношению к другим концептам» [7, с. 68].

Обращение к символам лингвокультуры помогает понять ментальность народа, закрепленные стереотипы восприятия и поведения людей. По словам В. В. Колесова, «ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах языка» [8, с. 148].

Символы лингвокультуры отображают древние архетипы, которые уже не осознаются носителями языка. В контекстах такие архетипы вербализуются в виде стёртых метафор и скрытых, малопонятных символов. «Ментальные “архетипы” складываются исторически, идеал ментальности – не сиюминутная идея социального наполнения. Трудно судить о чужой ментальности, не укореняясь, например, в духовном пространстве родного языка» [9, с. 14–15]. Изучение концептов в аспекте языка и

культуры – перспектива многих исследований [10, 11], в том числе с позиций гендерного анализа [12] и изучения милитарных концептов [13–15], а также концептов родства.

Методы и материал исследования

В статье используется комплекс методов лингвистического анализа: дескриптивный, интерпретативный, концептуальный. Данный набор позволяет решить поставленные авторами статьи задачи. Материал исследования взят из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgora.ru).

Основные результаты и обсуждение

Язык насыщен символикой, которая является родной, укоренившейся в лингвокультуре. Вторая часть символики привнесена из других культур. Цель статьи – определить основные символы синкретичного ментального макрообразования *мать сына-солдата* в русской лингвокультуре, отделив то, что существует в ней искони, от того, что заимствовано из других лингвокультур.

Объектом исследования данной статьи является синкретичное ментальное макрообразование *мать сына-солдата*, состоящее из: 1) символического макроконцепта *мать*; 2) концепта *сын*; 3) концепта *солдат*. Все три ментальных образования воспринимаются синкретично в изучаемых символах. Существованию этого сложного концептуального комплекса в языковой картине мира и лингвокультуре есть объяснение: Россия пережила много войн, в которых воевала как на своей земле, так и освобождала другие страны. Образы матери-Родины и сына-героя-защитника-освободителя являются стереотипными для носителей русского языка, они выражают устойчивые архетипы сознания.

Исконные и поздние символы матери сына-солдата в русской лингвокультуре.

В русской лингвокультуре самым распространенным символом является Родина-мать. Мать отождествляется с Родиной (Тебе же, родина, мать дорогая, Мне уж нечего больше отдать... А. Ф. Тимофеев. Дневник). Родина называется матерью (О моя горемычная родина, мать моя – униженная! А. М. Ремизов. Взвихренная Русь). Понятия матери и Родины во многих контекстах синкретичны, неотделимы друг от друга (И вспомнилась Егору далекая родина, мать... милая маманя... и сердце сжалось от грусти и непонятного страха... Ф. Д. Крюков. К источнику исцелений).

Сына-солдата мать воспитывает до того момента, как он становится взрослым. Затем сын должен вернуть свой долг семье и матери – служба Родине, защищая ее, оберегая мир и целостность границ того пространства, которое он называет Отчиной (Вот и покончилось ихнее детство, – вздохнула одна из соседок, тоже мать четырех солдат на самых грозных участках фронта, вздохнула и прибавила в том смысле, что вот подросли детушки и подключаются к исполнению служебных обязанностей, высоких служебных обязанностей человека на земле. Л. М. Леонов. Русский лес). Сын – потенциальный воин, солдат, защитник семьи и Родины. Этот лингвокультурный стереотип чрезвычайно устойчив в русской лингвокультуре (Я рассматриваю Родину-мать через увеличительное стекло и вижу, что ее огромное лицо немолодо, что при всей телесной мощи кости ее каменного черепа ввалились и что эта женщина успела вырастить сыновей, готовых для войны. М. Ахмедова. Сталинград. Возвращение).

Родине-матери, которую отстояли в Великую Отечественную войну, поставлены памятники (Мы стояли у подножия монумента, где огромная каменная Родина-мать протягивала винтовку своему каменному сыну. В. Г. Месяц. Преступление и наказание). Один из таких монументов стоит на Мамаевом кургане в Волгограде (Полуобернувшись ко всей стране, подняв меч, Родина-мать как будто кричит о том, о главном, что невозможно забыть нам, детям и внукам **солдат**, прошедших от Бреста до Берлина. А. Каменев, В. Сухих, В. Фомин. Дорогие пермяки!).

Похожие памятники стоят в разных городах России. В Чебоксарах установлен монумент Матери-Покровительнице. В Липецкой области в г. Задонске воздвигли

памятник Марии Матвеевне Фроловой – матери восьми сыновей, солдат, погибших в Великую Отечественную войну, в Нижней Туре стоит монумент «Плачущая мать», посвященный обобщенному образу матерей, потерявших своих сыновей, воевавших в ту же войну. В г. Тимашевске Краснодарского края поставили памятник под названием «Мать», он посвящен Епистинии Федоровне Степановой – многодетной матери, сыновья которой погибли, защищая свою Родину. Примеров таких памятников много (Венчающая Мамаев курган в Волгограде скульптура «Родина-мать» внесена в Книгу рекордов Гиннеса по разделу «Самая высокая статуя в мире». В. Быков, Ольга Деркач. Книга века; Она возвышалась над уступчатым каскадом фонтанов, которые, по замыслу создателей, символизировали пролитые и до сих пор проливаемые слезы по погибшим в войне. Родина-мать называется. Изваял наш замечательный Георгий Очиаури. П. Сиркес. Труба исхода).

Памятники Родине-матери есть и в других государствах. В Киеве есть такой памятник (Теперь в анфас становится видно, что **Родина-мать стоит лицом к Днепру и держит поднятый щит**. Ликвидация // «Солдат удачи», 2004.04.07). Памятник матери-Грузии стоит в Тбилиси. Его называют Мать Грузии (ქართველთა დედა – Картлис Деда). Другое его название Мать Картли.

В символе Родина-мать скрываются стереотипы русской лингвокультуры, которые проявляют типичное поведение матери в отношении своих детей: терпение в нужде ради их блага (Я вам что, Родина-мать? И так тут почти без еды и воды ради вас мучаешься! М. Баконина. Школа двойников), воспитание морали и нравственности (Почему постоянно учу вас жить? Что я, совесть нации, что ли? Или я – Родина-мать? Да и вы разве глупы и неразвиты? Д. Смирнова. Гробь богатого китайца). Мать – это кормилица для своих детей (Истерия в прессе по поводу выезда евреев из Советского Союза подняла муть со дна, с близкого доньшка обывательского сознания: Родина-мать их вскормила-де, вспоила, а они кинули ее, обокрали, смылись, не расплатившись за образование, и т. д. В. Киришин. Очерки частной жизни).

Эпитеты Родины-матери показывают лингвокультурные стереотипы, связанные с поведением матери во времена войны. Родина-мать – суровая (Суровая Родина-мать ждет его на аллейке безлюдной в час утренний, в день будний городского сада. С. Солоух. Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева), строгая (Бросился в глаза укрепленный на торце одного из домов огромный плакат – строгое лицо русской женщины, в поднятой руке которой текст военной присяги и надпись: «Родина-мать зовет!» В. Бережков. Рядом со Сталиным), поруганная (Поругана наша Родина-мать! Вы понимаете меня? Честь матери! А. Д. Сахаров. Воспоминания), разгневанная (И еще из прежнего в избе были агитационные плакаты Великой Отечественной, расклеенные по всем стенам, уже выгоревшие, поблекшие, кое-где надорванные: разгневанная Родина-мать, «Идет война народная», «Что ты сделал сегодня для победы?» Ф. Абрамов. Дом). Она страдалница (А великая страдалница, Россия, родина-мать, вперила скорбный трепетный взор, ждет, надеется и верит... Ф. Д. Крюков. Войсковой круг и Россия).

Этот символ расширяется до Родина-мать – Россия. Он устойчив в русской лингвокультуре. Символ использовался в XX в. как в царское время и в дни гражданской войны (Вижу прекрасную родину, мать мою Россию... П. Н. Краснов. Всевеликое Войско Донское), так и в наши дни (Мы боимся признать, что Ленин, перед которым нас заставляли стоять на коленях, уничтожил нашу Родину, мать-Россию, бросил ее, как охапку хвороста, в костер «мировой революции». А. Яковлев. Омут памяти). Ранний вариант этого символа: Родина-мать – Русь (Наступить время, и поднимет Господь съ одра смертнаго Русь смирившуюся и очистившуюся Позоветь сыновъ своихъ Родина-Мать къ послѣдней борьбѣ за свое спасеніе. митрополит Антоний (Храповицкий). Послание Русскаго Заграничнаго Церковнаго Собора 1922 г.). Жители Руси / России – ее дети. «Эти языковые реалии обусловлены прежде всего тем, что в мифопоэтическом

сознании русского народа страна, земля, Отчизна, семья ассоциируются с местом рождения, матерью и семьей, отсюда Родина-мать, мать-сыра-земля, управительница страной – царица-матушка. Страна и люди ее населяющие – это большая семья (ср.: царь-батюшка)» [16, с. 123].

Еще одним символом русской лингвокультуры является солдатская мать. Этот символ более поздний – на это указывает заимствованная лексема солдат. У русских, как у многих народов, дети должны заботиться о своих родителях (Не зря говорится в народе – Родина-мать: кто мать способен бросить и забыть, тот и Родине будет плохим сыном. Л. И. Брежнев. Жизнь по заводскому гудку). Мать, у которой сын служит, вынуждена заботиться о себе сама. Мать, потерявшая на войне мужа, имеющая сына-солдата, в царское время не могла рассчитывать на какую-нибудь помощь в старости (В итоге иная мать, у которой сын служил в солдатах или драгунах, а муж был «убит на баталии», оставалась «сирой и бедной» и вынуждена была, ссылаясь на старость и дряхлость и на то, что «поить и кормить её не кому», мечтать о богадельне. Н. Козлова. За старостью и болезнями от службы отставлен...). Мать воина в царской армии лишалась своего кормильца.

В русской лингвокультуре любовь часто именуется жалостью. Любовь матери – это жалость к своему уходящему на войну сыну-солдату. В этом состоит еще один символ русской лингвокультуры: любовь матери – жалость к сыну, имеющий амбивалентную природу и трансформирующийся в любовь сына-солдата к матери – жалость (Ибо не может не жалеть родину русское сердце, как не может не жалеть мать солдат, уходящих на войну. Д. Самойлов. Общий дневник).

Женщина, потерявшая защитников, сама встает на их место и бьется за свой дом, своих детей, за себя (Это не случайно: на миллионах примеров мы знаем, как в одном лице соединялись мать и солдат, мать и воин. А. Львов. Двор). В этом случае речь идет о значимом символе русской лингвокультуры: мать – воин-защитник своих малых детей (сыновей). Традиционным символом защиты в русской лингвокультуре является меч. Родина-мать на Мамаевом кургане держит меч в своих руках, призывая на подвиг воинов – своих сыновей (...«Родина-мать» с воздетым мечом, призывающая своих сынов на защиту, на подвиг. А. Кибальников. Эпопея). Щит и меч – традиционные символы воина-защитника земли русской.

Другой символ русской лингвокультуры: мать – святыня. Мать, свою семью следует защищать, беречь и чтить (Невеста, мать, родина – эти вещи только солдат знает, больше никто, и не спорьте. В. Киршин. Очерки частной жизни пермяков). Этот символ синкретичен и объединяется с символом Родина-мать – святыня (Мы, солдаты, родину грудью защищаем! Ни за какие блага не продадим ее!.. П. А. Львов. На «Максиме Горьком»). Данный символ может объединяться с символом Родина-мать – Россия. В таком синкретичном варианте этот символ усиливает позицию объекта почитания и воспевания (В битвах за жизнь и за наши страдания Кровью платила Родина-мать. Славься навеки, Россия свободная! Славься, могучий российский народ! Стоя, но молча // «Коммерсантъ-Власть», 2000.08.29). Дополнительным вариантом этого символа является Отчизна-мать – Россия (Каждый, кто проходит мимо огня, будь это москвич, прибалтиец, сибиряк или иностранный гость, непременно почитит скорбной минутой молчания память тех, кто отдал жизнь за свою отчизну, за Родину-мать. Не стареют душой ветераны // «Вечерняя Москва», 1971.06.21). «В значении “место обитания” различные эквиваленты имен имеют форму женского рода: Россия, Русь, страна, Родина, земля, родная сторона, семья. Даже слова, образованные от корневой морфемы -отец-, будут либо в форме женского, либо в форме среднего рода, но никогда в форме мужского рода: Отчизна, Отечество (ср. в латинском: patria «родина» от pater «отец», в немецком: Vaterland «родина» от Vater «отец», букв. «земля отцов»; в английском Motherland «родина», букв. «материнская земля»; Great Mother Land букв. «великая Мать-Земля»)» [17, с. 205]. В атеистической

России в советское время почитание Родины-матери заменило культ Богородицы (Высокие ноты: Родина-мать, занявшая место одной из главных святынь христианства – Богородицы (и поза, и взгляд, и жесты – все первая скопировала у второй). И. Прусс. Прекрасные дамы – мамы).

Почитание Родины-матери восходит к более древнему культу Великой Богини-матери; из него же берет свое начало и христианский культ Богородицы. Отсюда же берут свои истоки символы, сохранившиеся в русской лингвокультуре: природа – мать, земля – мать, обычно реализуемые в языке в виде стёртых метафор (В повести «Материнское поле» он скажет: «Мать – это начало родины, мать – это родной язык, мать – это совесть, вкушенная вместе с молоком». В. Молчанов, К. Сегура. И дольше века...; Родина-мать! Сколько б на нивах бесплодных твоих Даром ни сгнуло сил молодых... М. А. Воронов. Детство и юность).

Стереотипы поведения сынов в отношении земли-матери актуальны в наши дни. Сыновья должны беречь родную землю от врагов (Сыны, а после уж внуки да правнуки его землю русскую от ворогов берегли... Р. Волков, С. Чугунов. Былина о богатыре Спиридоне Илиевиче). В случае нападения они защитят не только свою землю и свою семью (И у тебя будет сын, который всегда защитит тебя и твою землю, останется дочь, чтобы утешать тебя, и появятся внуки, чтобы скрасить твою старость. Б. Васильев. Вещий Олег), но и прогонят врага с земель своих родичей (И трезвый обсчет возможных следствий неумеренной царевой либеральности – начиная с утраты послевоенного равновесия, продолжая кровавым распадом мирового порядка и кончая тем, что «сыновья наши обагрят своею кровию землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу! А. Архангельский. Александр I). Кровь – признак родственности. Землю и сыновей объединяет сакральный символ родства. Выражение полить землю кровью означает «заплатить за победу высокую цену».

Еще одним символом русской лингвокультуры выступает страна / государство – семья (где отец – это правитель, а мать – Родина). Воины, солдаты защищают свою семью – страну. Этот символ широко распространен в русском фольклоре, где царь называется батюшкой, а царица – матушкой. Этот символ активно использовался в советское время (Знает Родина-Мать, знает Сталин-Отец, / Что советский боец не привык отступать! В. В. Лопатин. Кич // «Волга», 2014). Бывшие октябрята помнят метафору того времени: дедушка Ленин (Остались Родина-мать, дедушка Ленин на картинке и живой народ-безотцовщина. В. Киршин. Очерки частной жизни пермяков), воссоздающую древний символ родства.

Символика матери и солдата-сына прослеживается и в мифологии, где фиксируются мифологемы, передающие архетипы поведения (Мифологическая система была построена на четырех образах: Отец-кормчий, Родина-мать, герой и враг. Е. Пищикова. Чистота). В русской лингвокультуре эти мифологемы соответствуют синкретичному символу: мать – Родина и сын – герой (Паша вернется на Родину героем, героически вернется, по-маресьевски... И. Мартынов. Мадейру хочу!). Этот символ дополняется вариантами: мать – (родная) земля и сын – герой (Здесь есть все, что было дорого Гумилеву: пряный восточный антураж; поэт-изгнанник (да к тому же еще и царский сын), собирающийся отвоевать родную землю; дворцовые интриги; роковая, порочная, желанная женщина; чистая девушка, влюбленная в героя; страсть, победа и грядущая смерть. А. Филиппов. Десять лет спустя). Поздний период формирования символов приводит к замещению исконных и созданию на их основе новых. Появляется новый символ: мать – Родина и сыны – героическая армия (Наша родина-мать приняла на себя основной удар немецкого нападения, но, с помощью Божией, с напряжением всех сил, блестящими победами своей героической Красной Армии вытесняет вероломного врага из своих пределов... Обращение Собора епископов // Журнал Московской Патриархии, № 01, 1943.09.08).

Таким образом, исконными и поздними символами матери сына-солдата в русской лингвокультуре являются: 1) Родина-мать; 2) солдатская мать; 3) мать – воин-защитник своих малых детей (сыновей); 4) любовь матери к сыну – жалость и любовь сына-солдата к матери – жалость; 5) мать – святыня; 6) страна / государство – семья; 7) мать – Родина и сын – герой; 8) мать – (родная) земля и сын – герой. Шестой, седьмой и восьмой символы восходят к древним мифологемам природа – мать и мать – земля. Девятый символ: мать – Родина и сыны – героическая армия относится к новому времени, он появился после реформы русской армии, организованной Петром I. Он тоже укоренился в русской лингвокультуре.

Символы матери сына-солдата, пришедшие в русскую лингвокультуру извне

В русской лингвокультуре утвердилась библейская символика. Часть символов матери сына-солдата появилась после принятия христианства. Изначально к солдатам эта символика не имела отношение. Первый символ, пришедший из Библии в русскую лингвокультуру: возвращение блудного сына. Только исходный текст предполагает возвращение сына в дом отца. В языковом материале из Национального корпуса русского языка блудными сыновьями называются эмигранты, возвращающиеся на Родину (Как блудные дети, накануне смерти нашедшие потерянную Родину-Мать, мы искренне и честно, открыто и откровенно, хотим примириться с Родиной, хотим, чтобы родные, наши русские люди и их вожди поняли бы, что вовсе не своекорыстные личные или классовые мотивы двигали нами, а пламенная любовь, любовь к Родине и к народу, национальное чувство и заблудившееся в противоречиях среды национальное сознание обрекли нас на упорный труд, на тяжелые жертвы, на беспросветные муки и жестокий тупик. К. В. Родзаевский. Письмо И. В. Сталину 1945 г.). Возвращение было позволено тем, кто на чужбине сражался за Россию, отстаивал ее интересы (Обиду на Родину никогда нельзя иметь. Это родина-мать. Я провел на чужбине сорок лет и вернулся по велению своей совести, и мне, блудному сыну, простили былые заблуждения. В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания). Здесь мы сталкиваемся с новым сложным символом: Родина-мать – Россия и блудные сыны – эмигранты.

Библия стала источником еще одного символа, проникшего во многие культуры: Хам, не почитавший своего отца, имя которого стало нарицательным. В языковом материале встретился трансформировавшийся символ: не почитающий свою мать (предавший ее) сын, не сумевший ее защитить (Опьяненного Ноя, в свое время, только одного из его трех сыновей, именно среднего, Хам выставил на позорище и посмеяние, мы же, в радикальном стремительном рвении, все поголовно превращались в хамов, ежеминутно, ежесекундно выставляя родину-мать на позорище и поругание. Н. П. Карабчевский. Что глаза мои видели. Революция и Россия). Предательство матери – самое порицаемое действие сына в отношении своей Родины (Нет горшего наказания, как предавшему свою родину-мать, опустившему свой меч перед злым врагом отечества. В. Ф. Майстрах. Полезные советы).

Третий библейский символ восходит к сюжету отцовской жертвы Богу сына: Иаков приносит своего сына в жертву. В Библии так говорится об этом: Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего... Там, на горе, которую Я укажу тебе, ты принесешь его в жертву всежжения» (Быт 22: 1–13). Языковой материал показывает как традиционную версию этого сюжета (Если ты помнишь, Бог велел Аврааму, чтобы проверить его преданность себе, принести ему в жертву своего любимого сына Исаака. Ф. Искандер. Поэт), так и его трансформацию в описании культа Богини-матери у северных народов (Чтобы умиловить Мать, тебе придется принести в жертву сына, кровью его накормить огонь, – тогда дух смилостивится. А. Григоренко. Ильгет). Этот символ не характерен для русской лингвокультуры, он не привился на русской почве.

Таким образом, в русской лингвокультуре появляются символы, источником которых является текст Библии. К заимствованным символам относятся два: 1) Родина-мать –

Россия и блудные сыны – эмигранты; 2) не почитающий свою мать (предавший ее) сын, не сумевший ее защитить. Эти символы не укоренились в русской лингвокультуре: на это указывает ограниченное количество примеров, их актуализирующих.

Анализ языкового материала из Национального корпуса русского языка показывает насыщенность и большое количество символов синкретичного ментального макрообразования «мать сына-солдата» в русской лингвокультуре. Некоторые древние символы тесно связаны со стереотипами поведения и архетипами восприятия соответствующих фрагментов языковой картины мира.

Заключение

Наиболее древними символами в русской лингвокультуре являются: 1) природа – мать; 2) земля – мать; 3) Родина-мать и его поздние варианты: Родина-мать – Россия. Родина-мать – Русь; 4) мать – Родина и сын – герой; 5) любовь матери – жалость к сыну, который трансформируется в любовь сына-солдата к матери – жалость; 6) мать – святыня. Этот символ объединяется с символами: Родина-мать – святыня, Родина-мать – Россия и Отчизна-мать – Россия. К поздним символам русской лингвокультуры относятся 6 символов: 1) солдатская мать; 2) мать – воин-защитник своих малых детей (сыновей); 3) мать – Родина и сыны – героическая армия; 4) страна / государство – семья (где отец – это правитель, а мать – Родина); 5) не почитающий свою мать (предавший ее) сын, не сумевший ее защитить; 6) Родина-мать – Россия и блудные сыны – эмигранты. Таким образом, выделены два типа символов русской лингвокультуры, актуализирующие синкретичное ментальное макрообразование «мать сына-солдата»: древние и поздние, представляющие еще два вида символов: исконные и заимствованные. Древние и поздние характеризуются временем появления в русской лингвокультуре, исконные и заимствованные делятся по признаку источника появления.

За древним символом Родина – мать закрепляются стереотипы русской лингвокультуры, показывающие типичное поведение матери в отношении своих детей (сыновей): вскармливание своих детей (мать-кормилица), воспитание морали и нравственности (впитать с молоком матери), терпение в нужде ради их блага (материнская забота и участие).

Литература

1. Лучик, М. Концептуальная, языковая и поэтическая картины мира: общечеловеческое, национальное и индивидуальное / М. Лучик. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2019. – № 5. – Т. 14. – С. 8–15.
2. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло / В. В. Колесов. – Текст : непосредственный. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 304 с.
3. Пименова, М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия) / М. В. Пименова. – Текст : непосредственный: дис. ... докт. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 497 с.
4. Пименова, М. В. Особенности структуры символического макроконцепта РОД / М. В. Пименова. – Текст : непосредственный // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия Филология. – 2021. – № 2. – С. 37–44.
5. Пименова, М. В. Соотношение терминов *мифологема* и *символический макроконцепт* / М. В. Пименова. – Текст : непосредственный // Лингвистика и литературоведение на переломе тысячелетий: сборник статей Международной научно-практической конференции, приуроченной к 175-летию юбилею Абая Кунанбаева. – Атырау: Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, 2020. – С. 130–133.
6. Колесов, В. В. «Первосмысл» концепта / В. В. Колесов. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2018. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 438–452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
7. Пименова, М. В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта *творчество*) / М. В. Пименова. – Текст : непосредственный // Когнитивная лингвистика:

новые парадигмы и новые решения: сборник статей; ответственный редактор М. В. Пименова. – Москва : ИЯ РАН, 2011. – С. 65–83. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).

8. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – Текст : непосредственный. – Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. – 368 с.

9. Колесов, В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции / В. В. Колесов. – Текст : непосредственный // Языки и этнический менталитет. – Петрозаводск : Издательство ПГУ, 1995. – С. 13–24.

10. Bartmiński, J. Językowe podstawy obrazu świata / J. Bartmiński. – Lublin, 2006. – Текст : непосредственный.

11. Wierzbicka, A. Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka / A. 17. Wierzbicka. – Текст : непосредственный // Słowa klucze. Różne języki – różne kultury. – Warszawa, 2007. – С. 16–34.

12. Beauvoir, S. de. The Second Sex / S. de Beauvoir; translated by H.M. Parshley. New York : Knopf, 2010. – 800 p. – Текст : непосредственный.

13. Бодриков, А. Б. Лингвокультурологическое исследование концепта *воин* в аудитории военного технического вуза / А. Б. Бодриков. – Текст : непосредственный // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия «Педагогические науки». – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 38–43.

14. Пименова, М. В. Русская языковая картина мира в аспекте символов воинской славы / М. В. Пименова, А. Б. Бодриков. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2019. – № 5. – Т. 14. – С. 16–21.

15. Пименова, М. В. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта *воин*) / М. В. Пименова, А. Б. Бодриков. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. – № 4. – С. 1131–1138. – DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138

16. Колесов, В. В. Языковые основы русской ментальности : учебное пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. – [Изд. 4-е, доп.]. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2012. – 136 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 14). – Текст : непосредственный.

17. Пименова, М. В. Мифологемы в гендерном аспекте / М. В. Пименова. – Текст : непосредственный // Mentalität. Konzept. Gender / Herausgeber von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. – S. 204-219. (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”. Bd. 7).

References

1. Luchik, M. Konceptual'naya, yazykovaya i poeticheskaya kartiny mira: obshchechelovecheskoe, nacional'noe i individual'noe / M. Luchik. – Текст : neposredstvennyj // Gumanitarnyj vektor. – 2019. – № 5. – Т. 14. – С. 8–15.

2. Kolesov, V. V. Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Dobro i zlo / V. V. Kolesov. – Текст : neposredstvennyj. – Sankt-Peterburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2001. – 304 s.

3. Pimenova, M. V. Koncepty vnutrennego mira (russko-anglijskie sootvetstviya) / M. V. Pimenova. – Текст : neposredstvennyj: dis. ... dokt. filol. nauk. – Sankt-Peterburg, 2001. – 497 s.

4. Pimenova, M. V. Osobennosti struktury simvolicheskogo makrokoncepta ROD / M. V. Pimenova. – Текст : neposredstvennyj // Vestnik Kokshetauskogo universiteta im. SH. Ualihanova. Seriya Filologiya. – 2021. – № 2. – С. 37–44.

5. Pimenova, M. V. Sootnoshenie terminov mifologema i simvolicheskij makrokoncept / M. V. Pimenova. – Текст : neposredstvennyj // Lingvistika i literaturovedenie na perelome tysyacheletij: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj k 175-letnemu yubileyu Abaya Kunanbaeva. – Atyrau: Atyrauskij gosudarstvennyj universitet im. H. Dosmuhamedova, 2020. – С. 130–133.

6. Kolesov, V. V. «Pervosmysl» koncepta / V. V. Kolesov. – Текст : neposredstvennyj // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. YAzyk i literatura. – 2018. – Т. 15. – Vyp. 3. – С. 438-452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>

7. Pimenova, M. V. Simvolicheskie koncepty kak chast' konceptual'noj sistemy (na primere koncepta tvorchestvo) / M. V. Pimenova. – Текст : neposredstvennyj // Kognitivnaya lingvistika: novye paradigmy

i novye resheniya: sbornik statej; otvetstvennyj redaktor M. V. Pimenova. – Moskva : IYA RAN, 2011. – S. 65–83. (Seriya «Konceptual'nye issledovaniya». Vyp. 15).

8. Kolesov, V. V. «ZHizn' proiskhodit ot slova...» / V. V. Kolesov. – Tekst : neposredstvennyj. – Sankt-Peterburg : Zlatoust, 1999. – 368 s.

9. Kolesov, V. V. Mental'nye harakteristiki russkogo slova v yazyke i filosofskoj intuicii / V. V. Kolesov. – Tekst : neposredstvennyj // YAzyki i etnicheskij mentalitet. – Petrozavodsk : Izdatel'stvo PGU, 1995. – S. 13–24.

10. Bartmiński, J. Językowe podstawy obrazu świata / J. Bartmiński. – Lublin, 2006. – Tekst : neposredstvennyj.

11. Wierzbicka, A. Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka / A. 17. Wierzbicka. – Tekst : neposredstvennyj // Słowa klucze. Różne języki – różne kultury. – Warszawa, 2007. – S. 16–34.

12. Beauvoir, S. de. The Second Sex / S. de Beauvoir; translated by H.M. Parshley. New York : Knopf, 2010. – 800 p. – Tekst : neposredstvennyj.

13. Bodrikov, A. B. Lingvokulturologicheskoe issledovanie koncepta vojn v auditorii voennogo tekhnicheskogo vuza / A. B. Bodrikov. – Tekst : neposredstvennyj // Uchyonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogicheskie nauki». – 2018. – T. 13. – № 2. – S. 38–43.

14. Pimenova, M. V. Russkaya yazykovaya kartina mira v aspekte simvolov vojskoj slavy / M. V. Pimenova, A. B. Bodrikov. – Tekst : neposredstvennyj // Gumanitarnyj vektor. – 2019. – № 5. – T. 14. – S. 16–21.

15. Pimenova, M. V. Militarnye koncepty v russkoj yazykovoj kartine mira (na primere koncepta vojn) / M. V. Pimenova, A. B. Bodrikov. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – T. 21. – № 4. – S. 1131–1138. – DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138

16. Kolesov, V. V. YAzykovye osnovy russkoj mental'nosti : uchebnoe posobie / V. V. Kolesov, M. V. Pimenova. – [Izd. 4-e, dop.]. – Sankt-Peterburg : SPbGU, 2012. – 136 s. (Seriya «Konceptual'nye issledovaniya». Vyp. 14). – Tekst : neposredstvennyj.

17. Pimenova, M. V. Mifologemy v gendernom aspekte / M. V. Pimenova. – Tekst : neposredstvennyj // Mentalität. Konzept. Gender / Herausgeber von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. – S. 204-219. (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”. Bd. 7).

УДК 811.512.31

*А. Л. Брюханова***Слово зэмсэг как наименование имущества
в бурятском языке XVIII–XIX вв.**

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Изучение вопросов, связанных с имуществом, относится к традиционным проблемам этнографии, культурной и социальной антропологии, лингвокультурологии. Статья посвящена изучению бурятского слова зэмсэг. В современном бурятском языке данное слово имеет значения 'орудие, инструмент', 'оружие'. Но рассмотрев сборник «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности» и описание имущества Янгажинского дацана, можно понять, что в бурятском языке XVIII–XIX вв. данное слово употреблялось для обозначения движимого имущества. Во введении определена цель исследования и кратко описана степень изученности проблемы. Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что номинация видов имущества в разные исторические эпохи может многое рассказать о закономерностях развития упомянутых правовых понятий и лексических средств их объективации. В бурятском языке имущественная лексика не была предметом исследования, в данной статье впервые будет предпринята попытка рассмотрения употребления слова зэмсэг в значении имущества. В основной части рассматривается употребление данного термина в значении движимого имущества. Оно означало упряжь коня, конскую упряжь, оружие. Упряжь коня не только обеспечивала возможность верховой езды, но также являлось показателем социального статуса владельца и, что особенно важно, заключало в себе специфические черты художественно-образной системы этнической культуры. Основная сема, присущая содержанию данного слова – это сема 'владение'. В примерах мы можем увидеть, что данное имущество имело ценность и подразумевало возможность дарения, наследования. Анализ лингвистического материала говорит о том, что это было ценным имуществом не только мужчин, но и женщин. Затем произошло изменение образа жизни бурят из кочевой в оседлый образ жизни. В результате экстралингвистических факторов семантический признак имущественного комплекса 'упряжь коня' потерял свою актуальность, и в современном бурятском языке зэмсэг демонстрирует другую ядерную семантическую зону – 'оружие', 'орудие, инструмент'. В родственных монгольском и калмыцком языках данное слово встречается в значении 'инструмент, орудие', 'оружие'.

Ключевые слова: бурятский язык, термин, термин имущества, владение имуществом, отношение человека к собственности, движимое имущество, сема, бурятско-русский словарь, бурятский корпус, имущественные отношения.

DOI 10.25587/SVFU.2021.84.4.004

БРЮХАНОВА Арюна Лопсоновна – аспирант, ассистент кафедры филологии стран Дальнего Востока, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова.

E-mail: bryuxanova@yandex.ru

BRYUKHANOVA Aruna Lopsonovna – Postgraduate student, Language Assistant of Far-East Countries Philology Chair, Banzarov Buryat State University.

A. L. Bryukhanova

The word zemseg as a name for property in the Buryat language of the XVIII–XIXth centuries

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

Abstract. The study of questions related to property refers to the traditional problems of ethnography, cultural and social anthropology, cultural linguistics. The article is devoted to the study of the Buryat word *zemseg*. In the modern Buryat language, this word has following meanings – ‘instrument’, ‘weapon’. But the examination of “The customary law of the Khorinsky Buryats. Monuments of Old Mongolian Writing” and an inventory of the property of the Yangazhinsky Datsan reveal that this word was used to name a movable property in the Buryat language of the XVIII–XIXth centuries. The introduction defines the purpose of the study and briefly describes the degree of study of the problem. The relevance of the study is due to the fact that the nomination of the types of property in different historical eras can tell us a lot about the patterns of the development of the mentioned legal concepts and lexical means of their objectification. In the Buryat language, vocabulary related to property was the subject of research; in this article for the first time we make an attempt to consider the use of the word *zemseg* in the meaning of property. The main part considers the use of this term in the meaning of movable property. It meant the decoration of a horse, horse harness, weapons. The decoration of the horse not only provided the possibility of riding, but was also an indicator of the owner's social status and, which is especially important, contained the specific features of the artistic-figurative system of ethnic culture. The main sense inherent in the content of a given word is the sense ‘possession’. In the examples, we can see that this property had value and implied the possibility of donation, inheritance. Analysis of the linguistic material suggests that this was a valuable property of not only men, but also women. Then there was a change in the lifestyle of the Buryats, from nomadic to sedentary. As a result of extralinguistic factors, the semantic attribute of the property complex ‘horse decoration’ has lost its relevance, and in the modern Buryat language ‘*zemseg*’ demonstrates another nuclear semantic zone – ‘weapon’, ‘instrument’. In related Mongolian and Kalmyk languages, this word is found in the meaning of ‘instrument’, ‘weapon’.

Keywords: Buryat language, term, term of property, ownership of property, relationship of a person to property, movable property, sense, Buryat-Russian dictionary, Buryat corps, Buryat relations.

Введение

Статья посвящена описанию и исследованию терминов имущества в бурятском языке. Имущественная лексика рассматривается в историческом аспекте, отражающем процессы развития понятия собственности, освоения правового опыта и формирования изучаемых терминов. Историческое терминоведение возникло во второй половине XX в., в качестве основного объекта исследования этой отрасли лингвистических знаний выступают специальные наименования. Исследователи отмечают близость проблематики исторического терминоведения и исторического языкознания в целом и, в первую очередь, исторической лексикологии [1]. Данные направления рассматривают

историю слов (как отдельных наименований, так и групп слов), однако терминоведение интересует в первую очередь история «тех системных отношений, которые складываются в процессе развития специальной лексики» [2, с. 15]. По справедливому замечанию О. В. Фельде, «Историческое терминоведение, в первую очередь, исследует историю тех системных отношений, которые складываются в процессе развития специальной лексики, и лишь во вторую очередь – историю отдельных терминов» [3, с. 90].

Изучение терминов позволяет определить содержательные моменты формирования терминологии бурятского языка. Под термином понимаются слова или словосочетания, связанные со специальными понятиями, принадлежащими какой-либо области знания или деятельности. Стронниками этой точки зрения являются такие исследователи, как А. А. Реформатский [4], С. В. Гринёв-Гриневич [5], Л. Л. Кутина [6] и многие другие, в том числе и зарубежные исследователи.

Становление терминологии бурятского языка связывают с развитием литературного языка. В бурятском языке к началу 1930-х гг. уже существовала богатая и вполне устоявшаяся общественно-политическая терминология [7]. Терминологии бурятского языка посвящены работы Д. Г. Дамдинова, исследовавшего бурятскую земледельческую терминологию [8], У.-Ж. Ш. Дондукова, рассмотревшего историю развития терминологии бурятского языка [9], А. А. Дарбеевой, предметом изучения которой послужил процесс формирования смыслового ядра бурятских терминов [10]. В русистике лексику имущественной сферы в диахроническом аспекте описала К. П. Смолина, используя контекстно-функциональный метод, где исследована лексика, обозначающая 'совокупность материальных ценностей как предметов обладания' в русском языке XI–XVII вв. [11]. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к собственности» в русском языке рассматривает А. А. Едалина в своем диссертационном исследовании [12]. А. П. Майоров в статье рассмотрел слова имѣние и животь как ключевые термины, служащие родовыми наименованиями имущества в древнерусском языке XI–XIV вв. [13].

Материалы исследования

В бурятском языке термины имущества не были предметом монографического исследования, не проводились специальные лингвистические исследования, посвященные наименованиям имущества. При этом термины имущества зафиксированы в документах Обычного права хоринских бурят, датируемых XVIII–XIX вв. и в документах Обычного права селенгинских бурят XVIII–XIX вв. Данные законодательные акты регулировали общественную жизнь бурят на протяжении XVIII–XIX вв. [14]. В нормах обычного права подробно регламентируется право на движимое имущество, которое являлось основным объектом имущественных отношений [15].

Предметом изучения послужила семантика лексемы зэмсэг, историческая динамика развития его лексико-семантических вариантов. В качестве материалов использованы документы Обычного права хоринских бурят, отразившие обычное право хоринских бурят, а также массив корпуса бурятского языка. Зэмсэг как наименование имущества употребляется в степных уложениях хоринских бурят в качестве термина. Сегодня одной из главных отличительных черт термина признается его дефинитивная функция. Для данного слова невозможно установить строго очерченные компоненты содержательной структуры понятия с его эксплицитно выраженной дефиницией в связи с недостаточной разработанностью института права собственности в бурятском обществе того времени. В то же время очевидны сформировавшиеся социальные представления об имуществе как совокупности материальных ценностей в виде предметов обладания, которые закрепляются за данными наименованиями. Зэмсэг представляет собой одно из наименований имущества бурят XIX в., поскольку термин имеет ряд специфических черт, которые реализуются только внутри терминологического поля: системность, наличие дефиниции, тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность [16].

Результаты

Начиная со степных уложений, мы можем говорить, что сформировавшийся до этого пласт лексики, относящийся к терминам имущественного комплекса, в котором представлена изучаемая лексическая единица зэмсэг, получил кодификацию в правовых сводах того времени. Развитие языка, его лексического состава наиболее тесно связано с экстралингвистическими факторами, поэтому изучение лексики невозможно осуществлять без учета общественной жизни народа и государства [17].

В уложениях бурят XVIII–XIX вв. отмечается определенная дифференциация движимого имущества, в результате которой особо значимые в быту и культуре древних бурят убранство коня, конская упряжь, оружие обобщенно называются термином зэмсэг: Эрээ үхүүдһэн бэлбэсэн һамган түрхэмдөө харижа бусаха болобол анхандаа түрхэмһөө ерхэдээ мори эмээл, хубсаһан шэмэгтэй ерэнһэн болобол, моритой тахилтай эмээлтэй хубсаһанһаа һайнин абажа зэмсэгтэй бусаха түрхэмһээ ерэхэдэ морин эмэл, хубсаган, зэмсэг угэй... ‘если погибнет муж, а его вдова захочет возвратиться жить к своим родителям и если до замужества, когда пришла от родителей, имела в качестве приданого коня, конскую упряжь, седло, одежду, украшения и т. д., то по возвращении домой, должна взять коня, конскую упряжь, седло, из одежды по одной лучшей паре. Если от родителей приезжала без коня, упряжи, одежды, утвари...’ [Уложение 1823 г. 11 хоринских родов].

Поскольку буряты вели кочевой образ жизни, особую ценность для них представляли вещи, которые можно было перевозить с собой, поэтому конь, конская упряжь, оружие имели большую ценность. Право владения и передачи данного имущества было зафиксировано в законодательных сводах того времени. Эти признаки показывают, что слово зэмсэг осмыслялось как собственность, т. к. подразумевалось не только право владения, но возможности распоряжения данным имуществом.

В культуре бурят того времени существовал культ коня. Конь был верным спутником кочевого народа. Без коня кочевник не мог проводить переезды, передвижения, от него зависела жизнь человека. Он играл большую роль не только в материальной, но и духовной культуре бурят. До сих пор у бурят сохранился обычай вывешивать хии морин (конь ветра) над особо благоприятными местами, такими как храмы, ступы, крыши, горные перевалы, мосты и т. д. Согласно буддийской традиции данный обычай означает обеспечение здоровья, счастья и процветания как одного человека, так и всей семьи, группы людей. Образ коня получил широкое распространение и в бурятском фольклоре. В улигерах (народных сказаниях бурят) конь всегда пользовался огромным уважением главного героя, зачастую выступая в роли близкого друга и советника.

Каждый уважающий себя мужчина имел коня и не одного. Большую часть жизни они проводили верхом на коне, поэтому убранство коня, конская упряжь были для бурят обязательным необходимым имуществом и представляли ценность для владельца. Убранство коня не только обеспечивало возможность верховой езды, но также являлось показателем социального статуса владельца и, что особенно важно, заключало в себе специфические черты художественно-образной системы этнической культуры. Убранство коня, куда входили художественно оформленное ‘седло’ со стремянами, богатая сбруя, уздечки, нагрудный ремень, чепрак, недоуздок с позументами и бляхами, носило статусный характер, и не все люди того времени могли себе позволить иметь полное убранство верхового коня. К тому же мы предполагаем, что в полное убранство коня входило еще и оружие, которое буряты тоже всегда держали при себе и были готовы в любой момент встать в строй вместе со своими лошадьми. Оружие было важным средством социальной интеграции и самоидентификации.

Богатые скотоводы украшали узду многочисленными орнаментированными серебряными вставками. Зэмсэг определял социальный статус, демонстрировал материальное благосостояние его владельца. Зэмсэг могли передавать в наследство или

отдавать в качестве приданого невесты. Данное имущество оставалось собственностью жены, которое она могла забрать в случае смерти мужа. Убранства коня мужчины и женщины различались, это можно проследить в следующем примере: бүхэтэй зон эхэнэрэйхидэ адли гоё, үнэтэй сэнтэй эмээл болон мориной бэшэ тоног зэмсэг түхээрдэггүй һэн (Линх.) ‘мужчины не делали для себя таких красивых, дорогих седел и других предметов убранства верхового коня, как у женщин’ [18, с. 306].

В обычные дни мужчины и женщины пользовались одинаковыми седлами. Но у женщин из состоятельных семей имелись праздничные седла, которые обычно были украшены кораллами и серебром, что показывало их статус и социальное положение их семьи.

В описях имущества Янгажинского дацана от 1 января 1878 г. находим употребление слова зэмсэг в качестве наименования имущества. В данных описях учитывался каждый предмет и его примерная цена в рублях:

Опись монастырского имущества Янгажинского дацана.

Янгаажанай дасангай доторхи бурхан ном болон буса зүйлэй жасын ханда хабаатай алиба юумэнүүдэй ба дасангай модон барилгануудай тухай ведомость 1878 ондо январин 1-нэй үдэр.

Опись имущества, священных книг и других предметов из фонда Янгажинского дацана и ведомость деревянных построек дацана. 1 января 1878 г.

	Стоимость в рублях
...	200
...	125
Майдариин зэмсэг, ногоон мориной байдаг амбаар (Амбар для упряжи, Майдари и зеленого коня)	15

Упоминание данного слова в описи имущества Янгажинского дацана показывает, что оно функционировало в бурятском языке XIX в. как наименование имущества, слово зэмсэг имело свою ценность, которая в данном случае выражается в 15 рублях. Наименования предметов, внесенных в названный документ, воспринимались как наименования имущества не только писарями, которые составляли данные описи, но и всеми людьми. Лексическая содержательность описей определяется разнообразием и богатством самого имущества дацана – как движимого, так и недвижимого.

В семантической структуре слова зэмсэг представлены компоненты «личной собственности», «владения» и «распоряжения имуществом». Нет сомнения, что к началу XIX в. сформировалось понятие личного имущества, собственности и владения. Существует разграничение собственности и владения. Владение – это фактическое обладание вещью, имуществом, которое закреплено юридическими документами. Человек, который владеет вещью, имеет право на хозяйственное или физическое влияние на вещь, но не имеет права распоряжения ею. Собственность же, в свою очередь, с точки зрения юридической категории – это наиболее полный комплекс прав, которым может обладать субъект права в отношении своего имущества. Собственность не является вещью, это отношения между людьми по вопросу присвоения этих вещей. Представление слова зэмсэг, по материалам старо-монгольских памятников обычного права бурят, подразумевало не только обладание, но и распоряжение данным имуществом.

Далее с изменением уклада жизни буряты в связи с переходом к оседлости утратили навыки кочевничества. В результате экстралингвистических факторов семантический признак имущественного комплекса ‘убранство коня’ потерял свою актуальность, и в современном бурятском языке зэмсэг демонстрирует другую ядерную семантическую зону – ‘оружие’, ‘орудие, инструмент’. Скорее всего это связано с тем, что в убранство коня входило оружие. Ведь буряты большую часть времени проводили

верхом на коне и всегда должны были быть готовы защищать представителей рода, скот, границы проживания от вторжения врагов, имея оружие и коня. Поэтому после изменения образа жизни, когда отпала необходимость иметь полное убранство коня, в семантической структуре слова зэмсэг наблюдается утрата семы ‘конское снаряжение’ и ключевой семой становится сема ‘оружие’. В свою очередь семантический признак оружие как ‘предмет нападения или защиты’ формирует ассоциативное абстрактное значение ‘средство, способ достижения, осуществления чего-либо’, которое включается в семантику искомого зэмсэг и расширяет его.

Заключение

Анализ материала корпуса бурятского языка свидетельствует о том, что в современном бурятском языке зэмсэг, утратив способность номинации имущества, сохранил ключевой семантический признак орудия. Также значения данного слова мы можем проследить в родственных монгольском и калмыцком языках. В монгольском языке представлено зэвсэг, которое означает ‘оружие’; ‘орудие, инструмент’, например: зэвсэгүй – ‘безоружный’, зэвсэглэл – ‘вооружение’; хөдөө аж ахуйн багаж зэвсэг – ‘сельскохозяйственное орудие’ [19]. В калмыцком языке слово зевсг означает: уст. ‘оружие’; ‘орудие, инструмент, инвентарь’, примеры употребления: зевсгх – ‘вооружать’, когжмин зевсг – ‘музыкальный инструмент’ [20]. Как мы смогли заметить, это слово в бурятском, монгольском и калмыцком языках имеет одинаковое значение ‘оружие’; ‘орудие, инструмент’. Но только в бурятском языке присутствует значение ‘убранство коня’, и именно данное значение было присуще данной лексеме в бурятском языке XVIII–XIX вв.

Рассмотрев историю развития семантики данного слова, мы можем сделать вывод, что в XIX в. слово зэмсэг имело значение ‘убранство коня’ и было родовым наименованием движимого имущества, которое можно было наследовать и передавать в качестве приданого. Данный термин имущества широко использовался в устной речи и представлен в официально-деловых документах того времени. В современном бурятском языке и родственных ему монгольском и калмыцком языках остались только значения ‘оружие’; ‘орудие, инструмент’.

Л и т е р а т у р а

1. Голиков, Л. М. Развитие терминологии уголовного права в русском языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. М. Голиков. – Вологда, 2009. – 27 с. – Текст : непосредственный.
2. Борхвальдт, О. В. Лексика золотопромышленности в аспекте исторического терминоведения русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / О. В. Борхвальдт. – Томск, 2000. – 56 с. – Текст : непосредственный.
3. Фельде, О. В. Историческое терминоведение в теории и практике / О. В. Фельде. – Красноярск : РИО КГПУ, 2001. – 148 с. – Текст : непосредственный.
4. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский. – Москва : Наука, 1959. – 14 с. – Текст : непосредственный.
5. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – Москва : Академия, 2008. – 304 с. – Текст : непосредственный.
6. Кутина, Л. Л. Формирование языка русской науки: Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века / Л. Л. Кутина. – Москва : Наука, 1964. – 219 с. – Текст : непосредственный.
7. Цыренов, Б. Д. Опыт составления русско-бурятского технического словаря: общий анализ / Б. Д. Цыренов, О. Шинэбаяр – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 230–240.
8. Дамдинов, Г. Д. О земледельческой терминологии бурятского языка / Г. Д. Дамдинов. – Текст : непосредственный // Вопросы литературного бурятского языка. – Улан-Удэ, 1963. – С. 99–107.
9. Дондуков, У.-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке / У.-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1970. – 79 с. – Текст : непосредственный.

10. Дарбеева, А. А. Историческая преемственность в терминологии бурятского языка / А. А. Дарбеева // История и культура монголоязычных народов: история и традиции: Тезисы докл. и сообщ. Междунар. «круглого стола» монголоведов. – Улан-Удэ, 1989. – С. 19–22. – Текст : непосредственный.
11. Смолина, К. П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI – XVII вв. / К. П. Смолина. – Москва : Наука, 1990. – 204 с. – Текст : непосредственный.
12. Едалина, А. А. Особенности лексико-семантического поля «Отношение человека к собственности» / А. А. Едалина. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 72. № 1. – С. 93–101.
13. Майоров, А. П. Слова имѣние и животь как наименования имущества в древнерусском языке. / Майоров А. П. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2017. – Вып. 5. – С. 10–15.
14. Жалсанова, Б. Ц. Имущественное право бурят в XIX–начале XX в. / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Текст : непосредственный // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 11–17.
15. Цибилов, Б. Д. Обычное право хоринских бурят : Памятники старомонгольской письменности. – Новосибирск : ВО Наука, 1992. – 312 с. – Текст : непосредственный.
16. Хакимова, Г. Г. Развитие терминологии как отдельной дисциплины и ее статус в современном языкознании / Г. Г. Хакимова. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского Университета. – 2012. – Т. 17, № 2. – С. 950–954.
17. Смирнова, Н. В. Развитие терминологии гражданского и административного права в русском языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. В. Смирнова. – Архангельск, 2009. – 22 с. – Текст : непосредственный.
18. Бурятско-русский словарь / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – Улан-Удэ, 2010. – 1 Т. – 635 с. – Текст : непосредственный.
19. Большой академический монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба ; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – Москва : Академия, 2001–2002. – 2 Т. – 506 с. – Текст : непосредственный.
20. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. – Москва : издательство «Русский язык», 1977. – 765 с. – Текст : непосредственный.
21. Брюханова, А. Л. Слово зөөри как терминологическое наименование имущества в бурятском языке в XVIII–XIX вв. (на материале "Степных уложений хоринских бурят" и "Степных уложений селенгинских бурят") / А. Л. Брюханова, А. П. Майоров – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2018, № 2. – С. 8–16.

References

1. Голиков, Л. М. Развитие терминологии уголовного права в русском языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. М. Голиков. – Вологда, 2009. – 27 с. – Текст : непосредственный.
2. Борхвальдт, О. В. Лексика золотопромышленности в аспекте исторического терминоведения русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / О. В. Борхвальдт. – Томск, 2000. – 56 с. – Текст : непосредственный.
3. Фельде, О. В. Историческое терминоведение в теории и практике / О. В. Фельде. – Красноярск : РИО КГПУ, 2001. – 148 с. – Текст : непосредственный.
4. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский. – Москва : Наука, 1959. – 14 с. – Текст : непосредственный.
5. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – Москва : Академия, 2008. – 304 с. – Текст : непосредственный.
6. Кутина, Л. Л. Формирование языка русской науки: Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века / Л. Л. Кутина. – Москва : Наука, 1964. – 219 с. – Текст : непосредственный.

7. Цыренов, Б. Д. Опыт составления русско-бурятского технического словаря: общий анализ / Б. Д. Цыренов, О. Шинэбаяр – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 230–240.
8. Дамдинов, Г. Д. О земледельческой терминологии бурятского языка / Г. Д. Дамдинов. – Текст : непосредственный // Вопросы литературного бурятского языка. – Улан-Удэ, 1963. – С. 99–107.
9. Дондуков, У.-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке / У.-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1970. – 79 с. – Текст : непосредственный.
10. Дарбеева, А. А. Историческая преемственность в терминологии бурятского языка / А. А. Дарбеева // История и культура монголоязычных народов: история и традиции: Тезисы докл. и сообщ. Междунар. «круглого стола» монголоведов. – Улан-Удэ, 1989. – С. 19–22. – Текст : непосредственный.
11. Смолина, К. П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI – XVII вв. / К. П. Смолина. – Москва : Наука, 1990. – 204 с. – Текст : непосредственный.
12. Едалина, А. А. Особенности лексико-семантического поля «Отношение человека к собственности» / А. А. Едалина. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 72. № 1. – С. 93–101.
13. Майоров, А. П. Слова имѣние и животь как наименования имущества в древнерусском языке. / Майоров А. П. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2017. – Вып. 5. – С. 10–15.
14. Жалсанова, Б. Ц. Имущественное право бурят в XIX–начале XX в. / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Текст : непосредственный // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 11–17.
15. Цибилов, Б. Д. Обычное право хоринских бурят : Памятники старомонгольской письменности. – Новосибирск : ВО Наука, 1992. – 312 с. – Текст : непосредственный.
16. Хакимова, Г. Г. Развитие терминологии как отдельной дисциплины и ее статус в современном языкознании / Г. Г. Хакимова. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского Университета. – 2012. – Т. 17, № 2. – С. 950–954.
17. Смирнова, Н. В. Развитие терминологии гражданского и административного права в русском языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. В. Смирнова. – Архангельск, 2009. – 22 с. – Текст : непосредственный.
18. Бурятско-русский словарь / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – Улан-Удэ, 2010. – 1 Т. – 635 с. – Текст : непосредственный.
19. Большой академический монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба ; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – Москва : Академия, 2001-2002. – 2 Т. – 506 с. – Текст : непосредственный.
20. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. – Москва : издательство «Русский язык», 1977. – 765 с. – Текст : непосредственный.
21. Брюханова, А. Л. Слово зөөри как терминологическое наименование имущества в бурятском языке в XVIII–XIX вв. (на материале "Степных уложений хоринских бурят" и "Степных уложений селенгинских бурят") / А. Л. Брюханова, А. П. Майоров – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2018, № 2. – С. 8–16.

УДК 81-11

*А. И. Егорова, Н. В. Корепанова, А. А. Осипова, М. В. Пинигина***Особенности восприятия цвета у якутов**

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена особенностям цветовосприятия якутов. Изучение особенностей цветообозначения и цветовосприятия с позиции архетипов традиционной культуры позволяет выявить глубинные бессознательные установки и коллективные предпочтения этнических групп. Изучение цветовых ассоциаций в современном мире имеет огромное практическое значение в создании бренда и рекламы, организации дизайна и производства предметов быта, бизнесе и маркетинге в целом. Перспективным является рассмотрение возможностей использования результатов исследования в практике психологической помощи и психологического консультирования. Для выявления цветовых ассоциаций нами был применен классический ассоциативный эксперимент, при обработке результатов использовался контент-анализ, устойчивость результатов была подтверждена при помощи сравнения с ранними исследованиями. В эмпирическом материале рассматриваются результаты ассоциативного эксперимента на примере восприятия красного, синего, желтого, зеленого, коричневого, белого и черного цветов якутами. Анализ результатов проводился по категориям: «Природно-географические явления» («Времена года», «Время суток», «Природа», «Растения», «Животные», «Географическое место»), «Человек» («Историческая личность», «Конкретный человек», «Социальная роль», «Человеческие органы», «Личностные качества»), «Абстракция» («События», «Абстрактные понятия»), «Предметы, вещи» («Еда», «Одежда», «Предметы», «Знаки»). Выборка составила 140 мужчин и женщин – представителей якутской этнической группы в возрасте от 18 до 70 лет. Наиболее часто цветовые ассоциации якутов связаны с природно-географическими явлениями, человеком и предметной сферой, и в меньшей степени – с абстрактными понятиями. В цветовых ассоциациях якутов находят своё отражение природно-

---

ЕГОРОВА Аида Иуноньевна – к. психол. н., доцент, директор Института психологии СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: aidaego@mail.ru

EGOROVA Aida Iyunievna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Psychology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

КОРЕПАНОВА Нина Валерьевна – магистрант кафедры русского языка как иностранного СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: nina.korepanova.98@bk.ru

KOREPANOVA Nina Valerievna – Master's Student of Russian as a Foreign language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ОСИПОВА Айталина Андреевна – магистрант кафедры русского языка как иностранного СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: oaitalina@bk.ru

OSIPOVA Aytalina Andreevna – Master's Student of Russian as a Foreign language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ПИНИГИНА Майя Вячеславовна – магистрант кафедры русского языка как иностранного СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: mvpinigina@bk.ru

PINIGINA Mayya Vyacheslavovna – Master's Student of Russian as a Foreign language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

географические и климатические факторы, языческие и религиозно-мифологические представления, особенности быта и образа жизни.

Ключевые слова: языковое сознание, этнопсихоллингвистика, цвет, цветообозначение, восприятие цвета, цветовые ассоциации, якуты, эвены, эвенки, юкагиры.

DOI 10.25587/SVFU.2021.84.4.005

A. I. Egorova, N. V. Korepanova, A. A. Osipova, M. V. Pinigina

The features of color perception of the Yakut people

M.K. Ammosov North Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of color perception of the Yakuts people. The study of the peculiarities of color designation and color perception from the standpoint of the archetypes of traditional culture makes it possible to reveal the deep unconscious attitudes and collective preferences of ethnic groups. The study of color associations in the modern world is of great practical importance in creating a brand and advertising, organizing the design and production of household items, business and marketing in general. It is promising to consider the possibilities of using the research results in the practice of psychological assistance and psychological counseling. To identify color associations, we used a classic associative experiment, used content analysis to process the results, the stability of the results was confirmed by comparison with earlier studies. The empirical material examines the results of an associative experiment on the example of the perception of red, blue, yellow, green, brown, white and black colors. The analysis of the results was carried out by categories: "Natural and geographical phenomena" ("Seasons", "Time of day", "Nature", "Plants", "Animals", "Geographical place"), "Man" ("Historical personality", "Concrete person", "Social role", "Human organs", "Personal qualities"), "Abstraction" ("Events", "Abstract concepts"), "Objects, things" ("Food", "Clothes", "Objects", "Signs"). The sample consisted of 140 men and women – representatives of the Yakut ethnic group aged from 18 to 70 years. Most often, the color associations of the Yakut people associated with natural and geographical phenomena, man and the subject area, and to a lesser extent were with abstract concepts. The color associations of the Yakut people reflect natural-geographical and climatic factors, pagan and religious-mythological ideas, peculiarities of everyday life and way of life.

Keywords: linguistic consciousness, ethnopsycholinguistics, color, color designation, color perception, color associations, Yakuts, Evens, Evenks, Yukagirs.

Введение

В каждой этнической культуре существует понятие цвета, соответственно, культуры и этносы различаются по предпочтению тех или иных цветов в быту, одежде, украшении жилища, а также обозначении, символике и восприятию цвета. Восприятие цвета у представителей различных этносов связано с религиозно-мифологическим и обыденным сознанием, имеет свою историю развития, обусловлено социально-политическими и идеологическими событиями, в свою очередь цвет оказывает влияние на человека и окружающую его среду, являясь для него определенным символом, влияя на эмоционально-чувственное состояние и проявление индивидуальности человека.

Лингвоцветовая картина мира этнических культур в контексте языкового сознания, символики, семантика и этнокультурная специфика восприятия цвета изучались в зарубежной психоллингвистике В. Berlin, Р. Kay (1969), R. A. Shweder, E. J. Bourne (1984),

А. Вежбицкой (1996), представителями Московской психолингвистической школы и их учениками А. А. Леонтьевым (1977), Ю. Н. Карауловым (2000), Н. В. Уфимцевой (2011), А. А. Залевской (1999) и др. [1–8]. Сравнительные исследования в области психолингвистических аспектов восприятия цвета проведены исследователями разных регионов России преимущественно при помощи ассоциативных методов [9–14].

Цветовая символика различных культур на уровне ассоциаций во многих культурах универсальна. А. Вежбицкая, дифференцируя цветовосприятие и цветообозначение, отмечает, что универсалии могут быть на уровне восприятия цвета. «Но для того, чтобы определить содержание этих универсалий, следует сместить фокус исследования от «цветовых универсалий» к «универсалиям зрительного восприятия». «Цветовых универсалий» не может быть, так как категория «цвет» как таковая не универсальна» [3, с. 231]. Как отмечает автор, «во всех культурах для людей важно зрительное восприятие и важно описание того, что они видят, но они не обязательно имеют специальный термин «цвет» как отдельное обозначение одной из сторон их зрительного опыта» [3, с. 231].

Е. Н. Алымова называет цветообозначения «семиотическими конденсаторами», выполняющими функцию механизма памяти культуры, «цвет – важная категория когниции и один из ёмких носителей социокультурной информации, накопленной этносом... Цветообозначения антропоцентричны и этноцентричны, так как отражают особенности категоризации и концептуализации цветового пространства того или иного этноса» [10, с. 74].

Сравнительное исследование цветовосприятия якутов, изучение символики и семантики цвета у якутов на материале языка, олонхо, фольклора и художественной литературы проводилось Л. Л. Габышевой, А. К. Башариной, Е. В. Саввиной, И. С. Хохоловой, О. И. Пашкевич, О. А. Мельничук, Е. С. Руфовой и др. [15–21]. Так, Л. Л. Габышева отмечает, что «из всех наименований цвета наибольшей частотностью в якутских фольклорных текстах отличаются ахроматические имена хара, мабан, үрүн. На основании их частотности и высокой степени метафоричности можно считать данные слова ключевыми для понимания фольклорного текста. В дуальной картине мира олонхо оппозиция ‘белый’/‘черный’ становится ключевой и всеобъемлющей: используя имена, обозначающие белый и черный цвета, якут говорит о красоте и безобразии, добре и зле, жизни и смерти» [15, с. 15]. В исследовании Е. В. Саввиной рассмотрена специфика цветового восприятия, особенности использования цветовых оттенков якутами в речи и быту, роль и место цветовых оттенков в культуре якутов [18]. И. С. Хохоловой изучены сходство и специфика содержания цветовых обозначение якутов и русских [19]. Особенности цветовосприятия и значению цвета в культуре малочисленных народов Севера, в т. ч. эвенов, эвенков, юкагиров, посвящены работы Е. П. Батьяновой, Л. Н. Жуковой, В. Г. Белолобской, М. Д. Поповой и др. [22–25].

Анализ цветообозначения и цветовосприятия с позиции архетипов традиционной культуры позволяет выявить глубинные бессознательные установки и коллективные предпочтения этнических групп. Изучение цветовых ассоциаций в современном мире имеет огромное практическое значение в создании бренда и рекламы, организации дизайна и производства предметов быта, бизнесе и маркетинге в целом.

Несмотря на то, что большинство исследований в данной области проведено лингвистами и филологами, есть ряд исследований, проведенных психологами [13], интерес представляют возможности использования результатов в практике психологической помощи [11]. А. В. Кудрина пишет, что строение семантического пространства цвета, актуального для представителей этнических групп, несмотря на универсальность «ядра», может иметь небольшие различия, и на практике психодиагностики и психологического консультирования это может иметь значение [11, с. 17].

Этнопсихолингвистические исследования языкового сознания, в том числе цветообозначения и цветовосприятия, проводятся преимущественно с использованием цветового теста М. Люшера, цветового теста отношений Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинды, ассоциативного эксперимента Ю. Н. Караулова.

Методика исследования

Для выявления цветовых ассоциаций нами был применен классический ассоциативный эксперимент, испытуемым предъявлялись стимулы – наименования семи базовых цветов: кыһыл ‘красный’, халлаан күөх ‘синий’, араҕас ‘желтый’, от күөх ‘зелёный’, хоһор, күрэн ‘коричневый’, үрүн, маҕан ‘белый’ и хара ‘чёрный’. На данные стимулы испытуемыми были даны свободные ассоциации. Ответы давались на русском и якутском языках. Обработка результатов осуществлялась при помощи контент-анализа и заключалась в подсчете частоты упоминания отдельных индикаторов (слов, словосочетаний, смысловых единиц), объединенных в четыре категории: «Природно-географические явления», «Человек», «Абстракция», «Предметы, вещи». Каждая категория, в свою очередь, была разделена на подкатегории, так, категория «Природно-географические явления» включала такие разделы, как «Времена года», «Время суток», «Природа», «Растения», «Животные», «Географическое место», категория «Человек» включала подкатегории «Историческая личность», «Конкретный человек», «Социальная роль», «Человеческие органы», «Личностные качества», категория «Абстракция» состояла из разделов «События», «Абстрактные понятия», категория «Предметы, вещи» включала разделы «Еда», «Одежда», «Предметы», «Знаки». Выборка составила 140 мужчин и женщин – представителей якутской этнической группы в возрасте от 18 до 70 лет (в сборе эмпирического материала (2021 г.) принимали участие студенты ИП и ФЛФ СВФУ им. М.К. Аммосова).

Результаты и их обсуждение

Всего получено 1098 ассоциаций, на каждый стимул получено от 105 до 210 слов. Наиболее часто цвета у якутов ассоциируются с природно-географическими явлениями (526) и человеком (334), наименее часто встречаются ассоциации с предметами (125) и абстрактными понятиями (113). Красный (94) и черный (48) цвет наиболее часто ассоциируются с человеком, остальные цвета – с природно-географическими явлениями.

Таблица 1

Частота встречаемости цветовых ассоциаций по категориям

Категория	Всего	Красный	Синий	Желтый	Зеленый	Коричневый	Белый	Черный
Природно-географические явления	526	36	104	132	90	54	70	40
Человек	334	94	44	46	40	24	38	48
Абстракция	113	15	20	16	12	10	14	26
Предметы	125	20	18	16	15	17	18	21
Всего	1098	165	186	210	157	105	140	135

Итак, у якутов цвета наиболее часто ассоциируются с природно-географическими явлениями. Так, в представлениях якутов белый и синий цвета ассоциируются с зимой и холодом, желтый и зеленый цвета – с летом и осенью, черный цвет ассоциируется с ночью, белый и синий цвета ассоциируются с небом, воздухом, снегом, льдом, водой, морем, зеленый и желтый цвета – с травой, зеленью, листьями, растениями, желтый цвет – с солнцем, лучами, светом, теплом, коричневый цвет – с землей, деревьями, черный цвет – со звездами, бездной, космосом. Из животных наиболее часто встречаются ассоциации желтого цвета с цыпленком, черного цвета – с пантерой, котом, вороном, коричневого цвета – с медведем, красного и коричневого цвета – с коровой и быком. Если рассматривать географические места и страны, то красный цвет ассоциируется с СССР, КНР, Испанией, белый цвет – с Норвегией.

В категории «Человек» наиболее часто встречаются ассоциации с личностными качествами. Так, красный цвет связан с кластером «силы и энергии» и ассоциируется с такими качествами, как сильный, воинственный, храбрый, опасный, агрессивный, злой. Красный цвет ассоциируется со страстью, любовью, болью, победой, ложью. Синий цвет связан с кластером «Спокойствие» и ассоциируется с такими качествами, как нежный, спокойный, умиротворенный, добрый, свежий, одинокий. Желтый цвет связан с кластером «теплоты» и ассоциируется с такими качествами, как веселый, радостный, жаркий, уютный, теплый. Желтый цвет стереотипно ассоциируется у якутов с разлукой, прощанием. Зеленый цвет ассоциируется с такими качествами, как нежный, отвратительный, спокойный, добрый, а также с тишиной, отвращением, свободой, уютом. Белый цвет ассоциируется с такими качествами, как искренний, честный, надежный, а также с ожиданием, надеждой, облегчением, спокойствием, торжеством. Черный цвет ассоциируется с такими качествами, как уверенный, грустный, печальный, храбрый, а также агрессивный, страхом, трауром, потерей, пустотой, защитой.

Некоторые цвета у якутов связаны с человеческими органами и частями тела. Так, красный цвет – с кровью, языком, сердцем, губами, коричневый, синий и черный – с глазами и волосами, желтый – с волосами, зеленый – с глазами. Из социальных ролей и позиций, ассоциируемых со цветами, можно выделить такие слова, как цыгане (красный), мама, мужчина (синий), сестра (желтый), невеста (белый), готы, негр (черный).

Достаточно часто с цветами ассоциируется категория «Еда», так, красный цвет ассоциируется с мясом, борщом, перцем, помидорами, клубникой, желтый цвет – с лимоном, маслом, дыней, чипсами, зеленый цвет – с яблоком, горошком, капустой, васаби, белый цвет – с молоком, рисом, сахаром, черный и коричневый цвета – с кофе и шоколадом.

Из одежды красный цвет ассоциируется с туфлями, синий цвет – с джинсами, матроской, желтый цвет – с дождевиком, шарфом, роликами, белый цвет – с медицинским халатом, черный цвет – с плащом, солнцезащитными очками, платьем, носками. «Традиционными цветами в одежде якутов являются красный, зеленый и желтый. Жёлтый цвет – цвет тепла, лета, праздника; зелёный олицетворял изобилие, процветание, возрождение, красный являлся символом кровного родства» [18, с. 15].

Если анализировать цветовые ассоциации со «Знаками», то наиболее типичными являются ассоциации со светофором (зеленый) и тревожной кнопкой (красный). По категории «Абстрактные понятия» красный цвет ассоциируется с войной, революцией, опасностью, синий цвет – с богатством, жизнью, зеленый цвет – с удачей, добром, силой, властью, деньгами, черный цвет – со смертью, трауром, минимализмом, эстетикой, пафосом, белый цвет – с бесконечностью.

Таблица 2

Наиболее часто встречаемые цветовые ассоциации

Красный	Частота	Синий	Частота	Желтый	Частота	Зеленый	Частота	Коричневый	Частота	Белый	Частота	Черный	Частота
кровь	34	небо	44	солнце	48	трава, газон	36	земля	15	снег	39	ночь	18
любовь	22	море, океан	32	цыпленок	29	лето	14	дерево	12	зима	14	готы	14
огонь	22	вода	16	желток	19	лес	14	шоколад	14	чистота	12	ворон	11
страсть	13	спокойствие	15	осень	15	дерево	13	стол	10	молоко	10	тьма, темнота	10
помада	11	холод	14	лето	12	природа	9	грязь	9	врач	9	плащ	10
СССР	10	воздух	8	радость	8	яблоко	9	дом	7	облако	7	кот	9
сердце	8	свобода	8	лимон	7	светофор	7	волосы	6	белый халат	7	негр	8
флаг	7	одиночество	5	масло	7	умиротворение	5	какашки	6	пустота	7	траур	7
				одуванчик	6			медведь	4	небо	6	пустота	7
								Корова	3	чайка	6	пантера	6
												грусть, печаль	6
												смерть	5

Кыһыл 'красный'

Красный цвет чаще всего ассоциируется с такими словами, как кровь (34), огонь (22), любовь (22), страсть (13), помада (11), СССР (10), сердце (8), флаг (7). По традиции якутов «красный являлся символом кровного родства» [18, с. 15] и наиболее часто ассоциируется с кровью. В словаре символов отмечено, что кровь – это носительница жизни, она содержит в себе принцип жизненного тепла. В Якутии из мяса в пищу традиционно употребляется конина, говядина, оленина, пернатая дичь, а также потроха и кровь, из говяжьей или лошадиной крови делается *хаан* – якутская кровяная колбаса. Исторически любовь к сырой еде у якутов связана с климатическими условиями, от употребления пищи в сыром виде люди быстрее согреваются, и, таким образом, можно сказать, обманывается организм в холодное время года.

На втором месте слово огонь, это обусловлено тем, что по верованиям якутов огонь имел сакральное значение и служил своего рода «переводчиком» между духами и обычными людьми. Для предков якутов огонь был не только источником света, тепла и очагом для приготовления еды, но и средоточием всего самого интересного, что происходило в юрте. Якуты верили, что дети, еще не научившиеся говорить, могут

разговаривать с огнем, и иногда в каких-нибудь спорных моментах люди спрашивали у огня через своих малышей и по шелканью огня могли судить о том или ином ответе.

Третье и четвертое место по частоте упоминания заняли слова любовь, страсть, далее восьмое место – сердце. Пятое и шестое место занимают ассоциации с помадой и СССР. Ассоциации красного цвета с кровью и СССР, вероятно, связаны с революционным прошлым, образами войны и боевых действий.

Халлаан куөх ‘синий’

Синий цвет чаще всего ассоциируется с такими словами, как небо (44), море, океан (32), вода (16), спокойствие (15), холод (14), воздух (8), свобода (8), одиночество (5). На первом месте в ассоциативном ряду с синим цветом стоит небо. Республика Саха (Якутия) находится на высоте 1020 м над уровнем моря. Возникает ощущение, что Якутия находится на краю света, и так как зима в Якутии очень длинная, небо здесь всегда синего, чистого цвета. Море, океан, вода – символы бескрайних просторов, бесконечности, времени, вечности, чистоты, природы. У большинства респондентов синий цвет ассоциируется с водой и небом, это и вызывает ассоциации с умиротворением, спокойствием. И в то же время синий цвет связан с холодом, воздухом, вероятно, с долгой и снежной зимой, вызывающей чувство одиночества. Также море, вода, небесные просторы ассоциируются с чувством свободы.

Араҕас ‘жёлтый’

Желтый цвет чаще всего ассоциируется с такими словами, как солнце (48), цыпленок (29), желток (19), осень (15), лето (12), радость (8), лимон (7), масло (7), одуванчик (6). В традиционной культуре якутов «жёлтый цвет – цвет тепла, лета, праздника» [26, с. 15]. Наиболее частой реакцией на желтый цвет является солнце. Данная ассоциация у респондентов обусловлена сложившимися традициями, укладом жизни якутов. На ысыахе, священном празднике якутов, проводится обряд поклонения, встречи Солнца. Также у якутов солнце отождествляется с главой богов *Юрюнг Айыы Тойоном*. С почитанием дневного светила связана и ориентация на восход солнца, в быту жилище якутов дверями ориентировано на восток. К самому Солнцу якуты относились с великим почтением. Исследователь А. Е. Кулаковский указывал, что слова *күн* ‘солнце’ и *айыы* ‘творец’ якуты часто употребляют как синонимы. В древности якут перед смертью первым делом прощался с солнцем, говоря: «Прощай, моё белое солнышко!». Интересным является тот факт, что Солнце в традиционных верованиях якутов было белого цвета. На втором и третьем месте в ассоциативном ряду желтого цвета занимают цыпленок и желток, на четвертом и пятом месте – осень и лето.

От куөх ‘зелёный’

Традиционно у якутов «зелёный олицетворял изобилие, процветание, возрождение» [26, с. 15]. Зеленый цвет чаще всего ассоциируется с такими словами, как трава, газон (36), лето (14), лес (14), дерево (13), природа (9), яблоко (9), светофор (7), умиротворение (5). Трава занимает лидирующую позицию, на втором и третьем месте – лето и лес. Данные ассоциации присущи всем народам, населяющим восточную часть мира, так как именно здесь берут свое начало природные явления. Ассоциация зеленого с травой, вероятнее всего, связана с сенокосом, в который каждое лето отправляются якуты, чтобы содержать скот в зимний период.

Хонор, курэн ‘коричневый’

Коричневый цвет чаще всего ассоциируется с такими словами, как земля (15), шоколад (14), дерево (12), стол (10), грязь (9), дом (7), волосы (6), кашки (6), медведь (4), корова (3). Коричневый цвет, в первую очередь, ассоциируется с природными явлениями – землей, деревом, грязью, символизируя жизнь, связываясь с почвой. У якутов коричневый цвет олицетворяет *Буор кут* и ассоциируется с землей, почвой, ощущением родовой устойчивости и надежностью. Коричневый цвет близок к жёлтому, а с другой стороны, близок к черному, темному и соответственно вызывает ассоциации, близкие к черному.

Далее следуют ассоциации с домом, столом, стулом, что, вероятнее всего, обусловлено стереотипами деревянного дома, деревянной мебели. Из животных коричневый цвет наиболее часто ассоциируется с медведем и коровой.

Үрүҥ, маҕан 'белый'

Белый цвет чаще всего ассоциируется с такими словами, как снег (39), зима (14), чистота (12), молоко (10), врач (9), облако (7), белый халат (7), пустота (7), небо (6), чайка (6). Белый цвет у якутов ассоциируется со снегом и зимой. У эвенов белый цвет также ассоциируется с искрящимся белым цветом [25, с. 142]. В якутской литературе белый цвет – это цвет, символизирующий чистоту и красоту [20, с. 106]. Для якутов белый – это цвет божественной святости и чистоты помыслов, восходящий к фольклорному архетипу. Так, с этим цветом связано представление якутов о Верховном божестве, Создателе мира и человека – *Юрюҥ Аар Тойоҥе*.

Далее белый цвет ассоциируется с молоком. Поскольку якуты скотоводы, молоко для них является исконно традиционной пищей, якуты употребляют не только коровье молоко, но и кобылье в виде кумыса. Молочные продукты у якутов называют *Үрүҥ ас*, дословно – 'белая пища'. Белый цвет ассоциируется с врачом, белым халатом. Скорее всего, данные ассоциации связаны со сложившимися стереотипами, а, возможно, и с актуальной в наше время пандемией, с которой сегодня столкнулся весь мир и которая оказала сильное влияние на наше сознание.

Хара 'чёрный'

Чёрный цвет чаще всего ассоциируется с такими словами, как ночь (18), готы (14), ворон (11), тьма, темнота (10), плащ (10), кот (9), негр (8), траур (7), пустота (7), пантера (6), грусть, печаль (6), смерть (5). У большинства респондентов чёрный цвет ассоциируется с ночью, темнотой, тьмой, пустотой, грустью и даже печалью. Ассоциация с ночью уходит корнями в древний фольклор якутов, в традиции и, вероятно, связана еще и с таким природным явлением, как северное сияние. Так, на картинах многих якутских художников довольно часто изображается звёздное небо. Чёрный цвет символизирует состояние души человека, навевая депрессивные мысли и чувства. Некоторые респонденты описали одним словом свое состояние в этом цвете. Например, чувство тревоги, неопределённости будущего, таинственности – это всё может быть обусловлено состоянием общественного настроения и сознания.

У более молодых респондентов чёрный цвет ассоциируется с готами, одеждой, плащом. Западная мода диктует нам свои правила и существенным образом меняет наше представление об идеале красоты и эстетике. мода на чёрный цвет – важный тренд времени, и, конечно, это не могло не сказаться на сознании людей.

Как отмечает Л. Л. Габышева, в тюркских и монгольских языках *хара* 'чёрный цвет' служит обозначением отрицательных эмоций и негативных явлений: *хара сор* 'большая беда', *хара балыыр* 'чёрная клевета', *хара баттал* 'сильный гнёт' [15, с. 17]. Интересным является тот факт, что чёрный цвет, по нашему исследованию, не всегда вызывает отрицательные эмоции и негативные ассоциации. Некоторые испытуемые описали чёрный цвет такими словами, как элегантность, храбрость, любимый цвет. У эвенов чёрный цвет – тёплый цвет, ассоциирующийся с «землей, с приходом весны, когда кругом тает снег и земля становится чёрной, теплой» [25, с. 95].

В целом результаты нашего исследования согласуются с результатами аналогичного исследования, проведенного И. С. Хохоловой [19], что свидетельствует об устойчивости эмпирических данных. Так, по результатам ее исследования у якутов белый цвет ассоциируется со снегом, молоком, чёрный – с глазами, негром, котом, ночью, красный – с кровью, огнем, зелёный – с травой, деревом, летом [19, с. 220–221].

В исследовании А. К. Башариной отмечено, что «в якутском языке в центре семантического поля «цвет» находятся цветообозначения *үрүҥ, маҕан* 'белый', *хара* 'чёрный', *кыһыл* 'красный', *араҕас* 'желтый', *от күөх* 'зелёный', *халлаан күөх* 'голубой и

синий'. Остальные цветообозначения занимают периферийное положение и представляют собой различные семантико-стилистические типы слов и модели синтаксических конструкций, которые используются для передачи какого-либо оттенка [17]. Е. В. Саввиной отмечается, что система цветообозначений якутов изобилует оттенками: *бугунай* 'красно-пестрый', *кёрт* или *кёт* 'жёлтый с чёрным отливом', 'желтовато-серый', *тунаархай* 'бледно-серый', *уһуку* 'цвет, приобретаемый зелёным сеном после того как оно, будучи смочено дождем, высохнет', *сурдуну* 'мышино-серый', *көмөр хара* 'угольно-чёрный', *үүт маҕан* 'бело-молочный', *күдэн араҕас* 'светло-жёлтый', *кылбаран маҕан* 'блестяще-белый', *чабылхай араҕас* 'ослепительно-жёлтый', *буспатах миин курдук* 'цвета недоварившегося супа', *тон үүт курдук* 'цвета мёрзлого молока', *эт кыһыл* 'цвета сырого мяса', *уу борон* 'очень серый', *анды араҕас* 'жёлтый, как жир турпана', *үрүмэ маҕан* 'белый, как молочные пенки', *буор хара* 'чёрный, как земля (почва)', *ыыс араҕас* 'насыщенно жёлтый', *чабылхай кыһыл* 'ослепительно красный' и т. д. [18, с. 13–14].

Сравнение цветовых ассоциаций якутов с ассоциациями других этнических групп показывает, что в целом для народов современной России и бывшего СССР характерны универсальные схожие ассоциации, связанные с общей историей и традициями. Так, ассоциации, полученные нами, схожи с данными Е. Н. Алымовой, которая упоминает, что синий цвет у русских ассоциируется с небом, водой, морем, спокойствием, а красный – с кровью, любовью, страстью, огнем [10, с. 7]. Вместе с тем существуют различия, связанные с природно-климатическими условиями, климатом и средой проживания. Цветовые ассоциации якутов схожи с представлениями других северных народов, а в плане цветообозначения якуты близки к тюркоязычным народам, поскольку обозначения цветов имеют единое происхождение.

Анализ отдельных цветовых ассоциаций показывает, что на их содержание влияют как традиционные стереотипные представления обыденного сознания, так и современные трансформации массового сознания. Интересным является тот факт, что у разных людей слово «спокойствие» ассоциируется с разными цветами – синим, желтым и зеленым, т. е. одни и те же эмоции могут вызываться разными цветами, что свидетельствует о существовании индивидуально-личностных особенностей восприятия цвета, что, вероятно, связано с гендерными и возрастными различиями респондентов.

Заключение

Таким образом, в результате исследования нами обнаружено, что наиболее часто цветовые ассоциации якутов связаны с природно-географическими явлениями, человеком и предметной сферой, и в меньшей степени – с абстрактными понятиями. В цветовых ассоциациях якутов находят своё отражение природно-географические и климатические факторы, языческие и религиозно-мифологические представления, особенности быта и образа жизни.

В целом несмотря на определенные универсалии, существуют различия как в цветообозначении, так и в цветовосприятии этнических групп.

Л и т е р а т у р а

1. Berlin, B. Basic colour terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969 / B. Berlin, P. Kay. – Текст : непосредственный.
2. Shweder, R. A. Does the concept of the person vary cross-culturally? / R. A. Shweder, E. J. Bourne // In: Culture theory: Essays on mind, self, and emotion. R. A. Shweder and R. A. LeVine, eds. – P. 158–199. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – Текст : непосредственный.
3. Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Язык, культура, познание. – Москва : Русские словари, 1996. – С. 231–291. – Текст : непосредственный.
4. Национально-культурная специфика речевого поведения. Под редакцией А. А. Леонтьева и др. – Москва, 1977. – Текст : непосредственный.

5. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – Москва, 1999. – Текст : непосредственный.
6. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети. / Ю. Н. Караулов. – Текст : непосредственный // Языковое сознание и образ мир. Ответственный редактор Н. В. Уфимцева. – Москва, 2000. – С. 191–206.
7. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – Москва : Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с. – Текст : непосредственный
8. Миронова, Л. Н. Семантика цвета в эволюции и психики человека / Л. Н. Миронова // Проблема цвета в психологии. – Москва, 1993. – С. 172–178. – Текст : непосредственный.
9. Баинова, О. А. Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья: Лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. культурологических наук / О. А. Баинова. – Улан-Удэ, 2005. – 184 с. – Текст : непосредственный
10. Алымова, Е. Н. Ассоциативная лингвоцветовая картина мира / Е. Н. Алымова. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского гуманитарного университета. – 2007. – Серия 9. – Вып. 2. Часть 2. – С. 74–77.
11. Кудрина, А. В. Семантика цвета и межкультурная компетенция в психологическом консультировании / А. В. Кудрина. – Текст : непосредственный // Консультативная психология и психотерапия. – 2011. – № 2. – С. 5–19.
12. Бакеева, Д. А. Символика цвета в разнообразных культурах мира: мифологический этап / Д. А. Бакеева. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота. - Тамбов, 2012. – № 6. – Ч. 2. – С. 30–33.
13. Поляков, С. Э. Концепты и другие конструкции сознания / С. Э. Поляков. – Санкт-Петербург: Питер, 2017. – Текст : непосредственный.
14. Баландина, Е. С. Образ цвета в языковом сознании представителей арабской культуры / Е. С. Баландина. – Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – № 5 (1). – С. 5–15.
15. Габышева, Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов): автореферат дисс. на соиск. ученой степени доктора филол. Наук / Л. Л. Габышева. – Москва, 2003. – 44 с. – Текст : непосредственный
16. Габышева, Л. Л. Белый цвет в культуре якутов и других тюркских народов / Л. Л. Габышева. – Текст : непосредственный // Этносоциум и межнациональная культура. – 2012. – № 8 (50). – С. 78–83.
17. Башарина, А. К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах: Опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин: диссертация ... канд. филологических наук / А. К. Башарина. – Москва, 2000. – 207 с. – Текст : непосредственный.
18. Саввина, Е. В. Цвет в традиционной этнической культуре якутов: автореф. канд. исторических наук / Е. В. Саввина. – Новосибирск, 2001. – Текст : непосредственный.
19. Хохолова, И. С. Цветообозначения в языковом сознании представителей якутской и русской культур / И. С. Хохолова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4. – Ч. 1. – С. 219–221.
20. Пашкевич, О. И. Цветоощущение мира (на примере якутской литературы) / О. И. Пашкевич. – Текст : непосредственный // Перспективы развития научных исследований в 21 веке. Сборник материалов 7-й международной научно-практической конференции. НИЦ «Апробация». – 2015. – С. 105–107.
21. Мельничук, О. А. Символика цветового эпитета «белый» в японских и якутских художественных произведениях (на материале поэзии Такамура Котаро и Ивана Гоголева) / О. А. Мельничук, Е. С. Руфова. – Текст : непосредственный // Вестник Северо-Восточного университета. – 2019. – № 5. – С. 101–108.
22. Батянова, Е. П. Визуальные образы в мировоззрении, мифологии и фольклоре народов Севера / Е. П. Батянова. – Текст : непосредственный // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 695–704.

23. Жукова, Л. Н. Значение красного цвета в традиционной культуре одулов (лесные юкагиры) / Л. Н. Жукова // Якутский архив. – 2011. – № 2 (41). – С. 26–32. – Текст : непосредственный.
24. Белолюбская, В. Г. О цветообозначении в эвенском языке / В. Г. Белолюбская. – Текст : непосредственный // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (6). – С. 106–108.
25. Попова, М. Д. Концепт цвет в эвенском языке / М. Д. Попова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9–1 (63). – С. 141–143.

References

- Berlin, B. Basic colour terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969 / B. Berlin, P. Kay. – Текст : непосредственный.
- Shweder, R. A. Does the concept of the person vary cross-culturally? / R. A. Shweder, E. J. Bourne // In: Culture theory: Essays on mind, self, and emotion. R. A. Shweder and R. A. LeVine, eds. – P. 158–199. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – Текст : непосредственный.
- Vezhbickaya, A. Oboznacheniya cveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya / A. Vezhbickaya // Yazyk, kul'tura, poznanie. – Moskva : Russkie slovari, 1996. – S. 231–291. – Текст : непосредственный.
- Nacional'no-kul'turnaya specifika rechevogo povedeniya. Pod redakciej A. A. Leont'eva i dr. – Moskva, 1977. – Текст : непосредственный.
- Zalevskaya, A. A. Vvedenie v psiholingvistiku / A. A. Zalevskaya. – Moskva, 1999. – Текст : непосредственный.
- Karaulov, Yu. N. Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v associativno-verbal'noj seti. / Yu. N. Karaulov. – Текст : непосредственный // Yazykovoe soznanie i obraz mir. Otvetstvennyj redaktor N. V. Ufimceva. – Moskva, 2000. – S. 191–206.
- Ufimceva, N. V. Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' / N. V. Ufimceva. – Moskva : Institut yazykoznanija RAN, 2011. – 252 s. – Текст : непосредственный
- Mironova, L. N. Semantika cveta v evolyucii i psihiki cheloveka / L. N. Mironova // Problema cveta v psihologii. – Moskva, 1993. – S. 172–178. – Текст : непосредственный.
- Bainova, O. A. Semantika cveta v tradicionnoj kul'ture narodov Zabajkal'ya: Lingvokul'turologicheskij aspekt: dis. ... kand. kul'turologicheskikh nauk / O. A. Bainova. – Ulan-Ude, 2005. – 184 c. – Текст : непосредственный
- Alymova, E. N. Associativnaya lingvocvetovaya kartina mira / E. N. Alymova. – Текст : непосредственный // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gumanitarnogo universiteta. – 2007. – Seriya 9. – Vyp. 2. Chast' 2. – S. 74–77.
- Kudrina, A. V. Semantika cveta i mezhkul'turnaya kompetenciya v psihologicheskom konsul'tirovanii / A. V. Kudrina. – Текст : непосредственный // Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. – 2011. – № 2. – S. 5–19.
- Bakeeva, D. A. Simvolika cveta v raznoobraznyh kul'turah mira: mifologicheskij etap / D. A. Bakeeva. – Текст : непосредственный // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Gramota. – Tambov, 2012. – № 6. – Ch. 2. – S. 30–33.
- Polyakov, S. E. Koncepty i drugie konstrukcii soznaniya / S. E. Polyakov. – Sankt-Peterburg: Piter, 2017. – Текст : непосредственный.
- Balandina, E. S. Obraz cveta v yazykovom soznanii predstavitelej arabskoj kul'tury / E. S. Balandina. – Текст : непосредственный // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. – 2019. – № 5 (1). – S. 5–15.
- Gabysheva, L. L. Slovo v kontekste mifopoeticheskoy kartiny mira (na materiale yazyka i kul'tury yakutov): avtoreferat diss. na soisk. uchenoj stepeni doktora filol. Nauk / L. L. Gabysheva. – Moskva, 2003. – 44 s. – Текст : непосредственный
- Gabysheva, L. L. Belyj cvet v kul'ture yakutov i drugih tyurkskikh narodov / L. L. Gabysheva. – Текст : непосредственный // Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. – 2012. – № 8 (50). – S. 78–83.
- Basharina, A. K. Semantika cvetooboznachenij v fol'klornyh tekstah: Opyt sopostavitel'nogo analiza na materiale yakutskikh olonho i russkikh bylin: dissertaciya ... kand. filologicheskikh nauk / A. K. Basharina. – Moskva, 2000. – 207 s. – Текст : непосредственный.

18. Savvina, E. V. Cvet v tradicionnoj etnicheskoj kul'ture yakutov: avtoref. kand. istoricheskikh nauk / E. V. Savvina. – Novosibirsk, 2001. – Tekst : neposredstvennyj.
19. Hoholova, I. S. Cvetooboznacheniya v yazykovom soznanii predstavitelej yakutskoj i russkoj kul'tur / I. S. Hoholova. – Tekst : neposredstvennyj // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2014. – № 4. – Ch. 1. – S. 219–221.
20. Pashkevich, O. I. Cvetooshchushchenie mira (na primere yakutskoj literatury) / O. I. Pashkevich. – Tekst : neposredstvennyj // Perspektivy razvitiya nauchnyh issledovanij v 21 veke. Sbornik materialov 7-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. NIC «Aprobaciya». – 2015. – S. 105–107.
21. Mel'nichuk, O. A. Simvolika cvetovogo epiteta «belyj» v yaponskih i yakutskih hudozhestvennyh proizvedeniyah (na materiale poezii Takamura Kotaro i Ivana Gogoleva) / O. A. Mel'nichuk, E. S. Rufova. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Severo-Vostochnogo universiteta. – 2019. – № 5. – S. 101–108.
22. Bat'yanova, E. P. Vizual'nye obrazy v mirovozzrenii, mifologii i fol'klоре narodov Severa / E. P. Bat'yanova. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik ugrovedeniya. – 2018. – T. 8. – № 4. – S. 695–704.
23. Zhukova, L. N. Znachenie krasnogo cveta v tradicionnoj kul'ture odulov (lesnye yukagiry) / L. N. Zhukova // Yakutskij arhiv. – 2011. – № 2 (41). – S. 26–32. – Tekst : neposredstvennyj.
24. Belolyubskaya, V. G. O cvetooboznachenii v evenskom yazyke / V. G. Belolyubskaya. – Tekst : neposredstvennyj // Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki. – 2015. – № 3 (6). – S. 106–108.
25. Popova, M. D. Koncept cvet v evenskom yazyke / M. D. Popova. – Tekst : neposredstvennyj // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 9–1 (63). – S. 141–143.

УДК 821.161.1

*Н. В. Коратаева***Образ Л. Н. Толстого в биографиях современников**

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена неослабевающим интересом исследователей к изучению жизненного пути Льва Николаевича Толстого. Особый интерес представляют биографии великого русского писателя, написанные в конце XIX–начале XX вв. Предметом исследования в работе служат следующие биографии Льва Николаевича Толстого: «Биография Л. Н. Толстого в 4-х томах» П. И. Бирюкова, «Л. Толстой и Достоевский» Д. С. Мережковского, «Очерк жизни Л. Н. Толстого» Г. И. Лебедева, «Жизнь Л. Н. Толстого» М. О. Урд. Все приведенные труды написаны современниками Л. Толстого. В каждой биографии представлено особенное понимание духовного становления героя, его жизненного пути. Писатели по-своему видели кризисные, переломные моменты жизни Толстого и в соответствии с этим выбирали свою концепцию повествования, поэтому цель настоящей статьи – рассмотрение концепции каждого автора. Важной частью исследования биографов является не только внешняя жизнь писателя, но и как ее неотъемлемая часть – духовная составляющая. Стоит отметить, что достаточно часто биографы рассматривают жизнь писателя под призмой его произведений. Так, Д. С. Мережковский строит описание жизни Толстого и Достоевского по принципу отражения духовного и жизненного пути в их соотношении с произведениями. Главу «Жизнь Л. Толстого и Достоевского» автор начинает со слов о том, что путь писателя так или иначе отражается в его творчестве. Г. И. Лебедев и М. О. Урд обращаются к произведениям писателя, чтобы более достоверно показать его духовные искания. П. И. Бирюков задается вопросом, нужно ли заострять особое внимание на литературной работе героя, ведь творческая жизнь как таковая не является биографией, а значит, не является центром описания в данном труде. По мнению биографа, данное направление жизни писателя скорее является предметом обсуждения критиков, нежели биографов. В ходе исследования были применены сравнительно-исторический, типологический методы и метод биографического анализа. Дальнейшее исследование биографий Л. Н. Толстого представляется чрезвычайно перспективным, так как помогает взглянуть на личность великого писателя через призму различных интерпретаций.

Ключевые слова: Л. Толстой, писатель, биография, автор, концепция, произведение, кризис, освобождение, архивные материалы, источники, жанр.

DOI 10.25587/SVFU.2021.84.4.006

КОРАТАЕВА Надежда Вячеславовна – преподаватель кафедры русского языка как иностранного Воронежского государственного университета.

E-mail: nvkniazeva@yandex.ru

KORATAEVA Nadezhda Vyacheslavovna – Lecturer at the Department of Russian as a Foreign Language, Voronezh State University.

N. V. Korataeva

The image of L. N. Tolstoy in the biographies of his contemporaries

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract. The relevance of the article is due to the relentless interest of researchers in the study of Leo Tolstoy life path. Of particular interest are the biographies of the great Russian writer, written in the late XIX–early XX century. The subject of the research is the following biographies of Leo Tolstoy: "Biography of L. N. Tolstoy in 4 volumes" by Pavel Ivanovich Biryukov, "L. N. Tolstoy". Tolstoy and Dostoevsky" by Dmitry Sergeyevech Merezhevsky, "An Essay on the Life of Leo Tolstoy" by George Ivanovich Lebedev, "The Life of Leo Tolstoy" by May Alden Ward. All these works were written by contemporaries of L. Tolstoy. Each biography presents a special understanding of the spiritual development of the hero, his life path. The writers saw the crisis and turning points of Tolstoy's life in their own way and chose their own narrative concept accordingly, so the purpose of this article is to consider the concept of each author. An important part of the study of biographers is not only the external life of the writer, but also as an integral part of it – the spiritual component. It is worth noting that quite often biographers consider the life of a writer under the prism of his works. Thus, D. S. Merezhevsky builds a description of the life of Tolstoy and Dostoevsky on the principle of reflecting the spiritual and life path in their relationship with the works. The author begins the chapter "The Life of Leo Tolstoy and Dostoevsky" with the words that the path of the writer is somehow reflected in his work. G. I. Lebedev and M. O. Ward turn to the works of the writer to show his spiritual quest more reliably. Biryukov wonders whether it is necessary to focus special attention on the literary work of the hero, because the creative life as such is not a biography, and therefore is not the center of description in this work. According to the biographer, this direction of the writer's life is rather the subject of discussion by critics than biographers. In the course of the study, comparative-historical and typological methods were used. Further study of the biographies of Leo Tolstoy is extremely promising, as it helps to look at the personality of the great writer through the prism of various interpretations.

Keywords: L. Tolstoy, writer, biography, author, concept, work, crisis, liberation, archival materials, sources, genre.

Введение

Данная работа посвящена проблеме изучения прижизненных биографий Льва Николаевича Толстого. Исследовательский интерес сосредоточен на четырех биографиях писателя: П. И. Бирюков «Биография Л. Н. Толстого в 4-х томах», Д. С. Мережковский «Л. Толстой и Достоевский», Г. И. Лебедев «Очерк жизни Л. Н. Толстого», М. О. Уорд «Жизнь Л. Н. Толстого». Все рассматриваемые произведения написаны современниками великого писателя. Авторы трудов по-своему выделяют и оценивают этапы становления личности писателя, поэтому целью настоящей статьи является рассмотрение концепции каждого. Задачи исследования: проследить, какую роль играют идейные и эстетические установки биографов в создании образа Льва Толстого, какие основные этапы жизни героя выделены авторами трудов, к каким архивным материалам и источникам они обращались. Как отмечает М. Б. Раренко, «в XIX веке количество биографических работ

растет в геометрической прогрессии» и в этот период получают большую популярность труды, где в центре «оказывается судьба известного человека, а биограф приобретает более высокий статус» [1, с. 18]. Анализ представленных биографий демонстрирует, насколько широк диапазон оценок личности Льва Толстого, его духовной эволюции и влияния на историко-культурный процесс при сохранении определенной нравственно-идейной доминанты. Цели и задачи, которыми руководствовались биографы, их личностные и интеллектуальные особенности и предубеждения во многом определяют отражение личности великого писателя в их трудах. Созданные примерно в один период времени об одном человеке, рассмотренные биографии имеют собственные концепции изложения материала и изображения кризисных, переломных моментов жизни Толстого. Однако всеми биографами обнаруживается одна «из самых главных черт» писателя – «вызывающее презрение к общепринятому, тоже идущее из жажды “освобождения”, борьбы с “подчинением”» [2, с. 11].

Материалы и методы исследования

Материалами для данного исследования стали биографии Л. Н. Толстого, написанные его современниками. Для достижения цели исследования использованы сравнительно-исторический, типологический методы, а также метод биографического анализа.

Результаты и обсуждение исследования

«Самая полная биография» Толстого, которая «содержит то, что считал важным сам Л. Н., потому что она написана изнутри – человеком, который обладал тем же мировоззрением, что и Толстой» – «Биография Л. Н. Толстого в 4-х томах» П. И. Бирюкова [3, т. 1]. Она включает в себя огромный материал, касающийся жизни, личности и творчества великого писателя и мыслителя.

Значимой композиционной характеристикой биографии Бирюкова является хронологически последовательное изложение событий жизни героя, которые образуют сюжет. Воспоминания Л. Н. Толстого плавно переплетаются с повествованием Бирюкова.

Главную ценность труду Бирюкова обеспечило участие в написании самого Толстого, комментарии которого, примечания, предоставленные им воспоминания, дали возможность составителю достоверно описать жизнь великого писателя.

В предисловии к первому тому автор намечает этапы жизни Толстого, поделенные на семилетия. Такое деление он принял от самого Толстого. По его мнению, «соответственно семилетним периодам физической жизни человека, признаваемым некоторыми физиологами, можно установить и семилетние периоды в развитии духовной жизни человека, так что выйдет, что каждому семилетнему периоду соответствует особый духовный облик» [3, т. 1].

Вслед за Толстым, особенно отмечавшим «18-летний период от женитьбы», своего «духовного рождения, который с мирской точки зрения можно бы назвать нравственным» и последний период «пробужденья к истине, давшего, – как писал граф, – высшее благо жизни и радостное спокойствие в виду приближающейся смерти», Бирюков показывает эволюцию духовной жизни, путь, который прошел великий писатель. Благодаря подробному изображению человека, его действий, мыслей и переживаний, читателю дается возможность увидеть становление «великого старца» [3, т. 1].

Многие события жизни писателя Бирюков наблюдал лично, что делает их описание наиболее достоверными по отношению ко многим другим биографиям. В своем труде автор описал подробно все этапы жизни Толстого. Бирюков задал ту хронологическую канву, которой придерживались последующие биографы. Так, Г. И. Лебедев неоднократно цитирует Бирюкова в «Очерке из жизни Л. Н. Толстого», биографическом исследовании, являющемся частью книги «Жизнь Л. Н. Толстого» двух авторов: Г. И. Лебедева и В. А. Поссе. Книга издана в 1913 г. в Санкт-Петербурге. Собственно биографией является часть, написанная Лебедевым.

«Очерк жизни Л. Н. Толстого» – небольшое по объему описание основных моментов жизни, состоящее из пяти глав. Автор очерка во вступлении задается вопросом: «не есть ли вся жизнь Льва Николаевича такой сплошной уход от нашего серенького, наполненного призрачным счастьем, существования?». Далее по ходу повествования он ищет ответ на этот вопрос.

Важной деталью, проходящей через всю биографию, является то, что Лебедев обращает внимание на знаковые «уходы» Толстого. Так, во второй главе описывается «первый необычный уход Л. Н.» от «призрачной науки» [4, с. 54]. Автор описывает момент, когда герой повествования сдает экзамен по всеобщей истории. Не зная ответа на экзаменационный вопрос, студент уходит из аудитории, не произнеся ни слова, а сотоварищи, конечно, ошеломлены этим уходом. «Он лишал себя в их глазах самого большого – диплома, а там и карьеры. Но для Л. Н. это было уже не важным. Он пока еще и смутно, но чувствовал, что есть нечто большее, более важное и нужное человеку» [4, с. 66]. Снова автор показывает разницу в мировоззрении Толстого и окружающих людей.

Второй «уход», по мнению биографа, уже пятидесятилетнего Толстого «от всей культуры и всего современного ему порядка».

Третий, последний, «уход» – последний в жизни писателя. Этот «уход» Лебедев описывает как самый величественный: «Пославший его на землю отозвал его к себе! Мы лишились чудного видения! Мы лишились восхитительной сказки-действительности. Быть может, потому, что по совершенству своему не достойны были видеть великого...» [4, с. 55]. В последнем предложении как нельзя ярче выражено отношение биографа к своему герою.

С первых строк задается тон всему повествованию. Герой очерка всегда «над» обыденностью, подчеркивается исключительность личности. Автор говорит о том, что «только целому ряду поколений под силу вполне выяснить все в жизни Л. Толстого», ведь, по мнению Лебедева, «слишком близко стоим к Льву Толстому, чтобы рассмотреть истинное лицо этого великого нашего современника» [4, с. 54].

Г. И. Лебедев подчеркивает, что данная биография «только один из тех многочисленных ручейков, слияние которых в каком-то отдельном будущем и должно дать нечто целое и значительное» [4, с. 56]. При этом отмечается, что из-за того, что автор биографии является современником Толстого, трудно избежать субъективности изложения материала и быть беспристрастным.

Описывая жизнь Толстого, Лебедев часто обращается к воспоминаниям писателя, его дневниковым записям, письмам, а также к произведениям, активно цитируя их. В первой главе автор обращается к «Детству» Толстого, подчеркивая автобиографическое начало повести. Во второй и третьей главах цитируется «Исповедь». «В литературе всех народов и веков едва ли найдется другой писатель, который обнажил бы свою жизнь с такой откровенностью, как Толстой», – отмечает Д. С. Мережковский [2, с. 182].

Произведение Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» – критическое исследование, написанное как художественное произведение, где сопоставляются творчество и мировоззрение Льва Николаевича Толстого и Фёдора Михайловича Достоевского.

Первая часть «Жизнь Л. Толстого и Достоевского» включает восемь глав и описывает жизненные события, раскрывает героев через призму их произведений. Во второй части, которая называется «Творчество Л. Толстого и Достоевского», состоящей из 7 глав, дается анализ произведений писателей. Третья часть, «Религия», в свою очередь делится на два раздела.

В своей монографии Мережковский обращается к разным источникам, раскрывающим биографические данные Л. Н. Толстого: это как документальные материалы (дневники писателя, воспоминания современников, переписки, «Исповедь»), так и художественные

произведения автора (например, трилогия «Детство, Отрочество, Юность», рассказы «Утро помещика», «Смерть Ивана Ильича», повесть «Казачи», роман «Война и мир»).

Прежде всего, предметом исследования является не внешняя жизнь писателя, а ее духовная составляющая, которая, по Мережковскому, наполнена противоречиями: соотношение «сознательной и бессознательной сторон его духовного развития» [5]. Так, сознательная сторона «апеллирует к христианским ценностям», а в бессознательной, «природной» стороне автор видит «тайное язычество»: «языческую привязанность к земле, поклонение плоти» [6, с. 158].

Главу «Жизнь Л. Толстого и Достоевского» автор начинает со слов, что жизнь писателя так или иначе отражается в его творчестве. Мережковский строит описание жизни Толстого и Достоевского по принципу отражения душевного и жизненного пути в их соотношении с произведениями. В труде «Дмитрий Мережковский» А. Долинин отмечает, что автор «устанавливает, в первую же голову, тесную органическую связь между личной жизнью писателя и его творчеством, проводя, таким образом, те соединяющие линии, те крепкие, хоть и невидимые, нити, что всегда существуют между конечной вершиной и конечным основанием: миропониманием и мироощущением» [7].

Автор в первой главе отмечает, что поворотным моментом жизни Толстого был конец 1870-х–начало 1880-х гг., когда «с Л. Толстым произошел глубокий нравственный и религиозный переворот, который в корне изменил не только всю его личную жизнь, но и умственную, и писательскую деятельность, как бы переломил его существование на две половины: в первой он – только великий писатель, может быть, и великий человек, но все-таки человек от мира сего, с человеческими и даже русскими страстями, скорбями, сомнениями, слабостями; во второй – он выходит из всех условий исторического быта и культуры; одни говорят, что это христианский подвижник, другие – безбожник, третьи – фанатик, четвертые – мудрец, достигший высшего нравственного просветления, как Сократ, Будда, Конфуций, – основатель новой религии» [5]. Этому периоду отведено особое место. Описывая переломный этап жизни, исследователь цитирует слова самого Толстого, приводит воспоминания близких ему людей.

Далее, рассуждая о том, что «в литературе всех веков и народов едва ли найдется другой писатель, который обнажал бы самую частную, личную, иногда щекотливую сторону жизни своей с такою великодушною или беззастенчивою откровенностью, как Толстой», автор подчеркивает, что писатель «сказал нам о себе все, что только имел сказать, и мы о нем знаем все, что он сам знает о себе» [5].

Мэй Олден Уорд, американская писательница, в книге «Жизнь Л. Н. Толстого» задается вопросом, какой духовный путь прошел человек, способный на отречение от возможных благ жизни. По мнению автора, интерес здесь увеличивается из-за того, что речь идет о мыслителе, «влияние которого чувствует на себе весь мир» [8, с. 4].

С первых строк задается тон всему повествованию. Уорд подчеркивает свое восхищение личностью Л. Н. Толстого, уважение и признание его таланта. Читателю дается понять, что повествование пойдет об исключительной личности. Автор биографии поражается, что человек, «обладающий большим богатством, знатнейшей родословной и неоспоримо гениальным дарованием, готов с легким сердцем отказаться от всех этих преимуществ и поставить себя на один уровень с беднейшим крестьянином» [8, с. 3].

Автор биографического очерка подчеркивает, что Толстой является «признанным величайшим из ныне живущих романистов всей Европы и даже всего мира», при этом он осознанно «поступается своей славой в пользу Толстого-проповедника». Уорд призывает проследить за жизненным творческим путем писателя, чтобы понять, какой путь проделал он к такому духовному росту.

Далее читателю представляется биография Л. Н. Толстого, где хронологически верно, достаточно подробно излагаются основные этапы его жизни.

Уорд обращается к произведениям Толстого, в которых отражены его духовные искания. Так, в «Воскресении», как пишет биограф, показана эволюция сознания, готовность к изменениям и служению другому человеку, благодаря чему «вырастает и преобразуется собственная его душа» [8, с. 23].

Излагая биографические данные, автор приводит читателя к мысли, что благодаря пройденному пути писатель «обрел наконец ту истину, которая открывается всем пророкам, ту истину, которая была провозглашена Фаустом; жизнь есть самоотречение; единственная моральная схема, примиряющая нас с существованием, требует не заботы о личном благе, а любви к ближним» [8, с. 21].

Заключение

Каждая биография, рассмотренная нами, по-своему рисует жизненный путь Л. Н. Толстого. Биографы разнопланово смотрят на истоки духовного роста писателя, и это не удивительно, ведь, как писал В. В. Мусатов, биография – это «сырье, непрерывно перерабатываемое сознанием...» [9, с. 11–12].

Однако, несмотря на то, что авторы видят путь мыслителя через призму своих взглядов, есть и нечто общее, подмеченное В. Г. Чертковым, который писал, что в противостоянии Л. Н. Толстого с внешними, социальными, семейными, бытовыми проблемами «все больше и больше просветлялось его высшее сознание, все больше росла и крепла его духовная сила. В результате он с течением времени достиг поразительной власти над своими личными желаниями и слабостями» [10, с. 76].

Л и т е р а т у р а

1. Раренко, М. Б. Жанр биографии как социальный феномен / М. Б. Раренко. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология : Реферативный журнал. – 2019. – С. 11–14.
2. Бунин, И. А. Собрание сочинений : в 9 т. / И. А. Бунин ; под общей редакцией : А. С. Мясникова и др. – Москва : Художественная литература, 1967. – Т. 9 : Освобождение Толстого ; О Чехове ; Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи / подготовка текста и примечания О. Н. Михайлова. – 621 с. – Текст : непосредственный.
3. Бiryukov, П. И. Биография Л. Н. Толстого в 4-х томах, 1905–1922 / П. И. Бiryukov. – URL : <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/biryukov/biografiya-biryukov-1-1.htm>. (дата обращения : 20.10.20). – Текст : электронный.
4. Лебедев, Г. И. Жизнь Л. Н. Толстого / Г. И. Лебедев, В. А. Поссе. – Санкт-Петербург : Жизнь для всех, 1913. – 143 с. – Текст : непосредственный.
5. Мережковский, Д. С. Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский. – URL : http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml (дата обращения : 12.05.21). – Текст : электронный.
6. Коптелова, Н. Г. Апокалиптические мотивы в книге Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» / Н. Г. Коптелова. – Текст : непосредственный // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова : научно-методический журнал. – 2014. – № 6. – С. 157–162.
7. Долинин, А. Дмитрий Мережковский / А. Долинин. – Гл. IV. – URL : <http://merezkhovskiy.lit-info.ru/merezkhovskiy/kritika/dolinin-merezhkovskij/glava-iv.htm> (дата обращения : 15.04.21). – Текст : электронный.
8. Уорд, М. О. Жизнь Л.Н. Толстого / М. О. Уорд. – Одесса : М. С. Козман, 1903. – 24 с. – Текст : непосредственный.
9. Мусатов, В. В. «В то время я гостила на земле...» : лирика Анны Ахматовой / В. В. Мусатов. – Москва : Словари.ру, 2007. – 496 с. – Текст : непосредственный.
10. Чертков, В. Г. Уход Толстого / В. Г. Чертков. – Москва : Кооп. изд-во : Голос Толстого, 1922. – 126 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Rarenko, M. B. Zhanr biografii kak social'nyj fenomen / M. B. Rarenko. – Tekst : neposredstvennyj // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11, Sociologiya : Referativnyj zhurnal. – 2019. – S. 11–14.
2. Bunin, I. A. Sobranie sochinenij : v 9 t. / I. A. Bunin ; pod obshej redakciej : A. S. Myasnikova i dr. – Moskva : Hudozhestvennaya literatura, 1967. – T. 9 : Osvobozhdenie Tolstogo ; O Chekhove ; Izbrannye biograficheskie materialy, vospominaniya, stat'i / podgotovka teksta i primechaniya O. N. Mihajlova. – 621 s. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Biryukov, P. I. Biografiya L. N. Tolstogo v 4-h tomah, 1905–1922 / P. I. Biryukov. – URL : <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/biryukov/biografiya-biryukov-1-1.htm>. (data obrashcheniya : 20.10.20). – Tekst : elektronnyj.
4. Lebedev, G. I. Zhizn' L. N. Tolstogo / G. I. Lebedev, V. A. Posse. – Sankt-Peterburg : Zhizn' dlya vsekh, 1913. – 143 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Merezhkovskij, D. S. L. Tolstoj i Dostoevskij / D. S. Merezhkovskij. – URL : http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1902_tolstoj_i_dostoevsky.shtml (data obrashcheniya : 12.05.21). – Tekst : elektronnyj.
6. Koptelova, N. G. Apokalipticheskie motivy v knige D. S. Merezhkovskogo «L. Tolstoj i Dostoevskij» / N. G. Koptelova. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova : nauchno-metodicheskij zhurnal. – 2014. – № 6. – S. 157–162.
7. Dolinin, A. Dmitrij Merezhkovskij / A. Dolinin. – Gl. IV. – URL : <http://merezkovskiy.lit-info.ru/merezkovskiy/kritika/dolinin-merezhkovskij/glava-iv.htm> (data obrashcheniya : 15.04.21). – Tekst : elektronnyj.
8. Uord, M. O. Zhizn' L.N. Tolstogo / M. O. Uord. – Odessa : M. S. Kozman, 1903. – 24 s. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Musatov, V. V. «V to vremya ya gostila na zemle...» : lirika Anny Ahmatovoj / V. V. Musatov. – Moskva : Slovari.ru, 2007. – 496 s. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Chertkov, V. G. Uhod Tolstogo / V. G. Chertkov. – Moskva : Koop. izd-vo : Golos Tolstogo, 1922. – 126 s. – Tekst : neposredstvennyj.

Ю. С. Некрасова

Фигура П. П. Бажова как редактора альманаха «Уральский современник» в последние годы жизни автора

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрено значение фигуры П. П. Бажова как редактора альманаха «Уральский современник» в последние годы жизни автора. Длительная по времени работа известного писателя в альманахе остается практически не изученной. Для воссоздания точной исторической картины проведены исследования архивных документов, а также опубликованных воспоминаний современников Бажова. В частности проанализировано высказывание Бажова на собрании Свердловского отделения Союза советских писателей от 20 декабря 1949 г., в котором автор отказывается как от должности редактора альманаха, так и от поста управления писательским коллективом на Урале. Изучена разносторонняя деятельность П. П. Бажова, затруднявшая ему возможность уделять большое количество времени организаторской и депутатской деятельности, редакторской работе в альманахе и издательстве и, главное, собственно литературной работе. На основании критических статей и протоколов партийных собраний выделены характерные недостатки альманаха, вынуждавшие Бажова находить причину недовольств издателей и писателей в собственной недоработке. Выясняется, что Бажов как редактор старался исправить положение, продвигая идеи изменений в организаторской работе, предлагая перестроить альманах в журнал, пересмотреть структуру издания, создавать тематические выпуски. В каждом номере альманаха он публиковал собственные тексты для достижения нужного объема издания, формирования литературы Урала. На основании изучения документов показано, что самокритичное заявление писателя на собрании, с одной стороны, было оправдано большой нагрузкой автора, состоянием его здоровья, а с другой – желанием предоставить дорогу молодым кадрам. Сделан вывод, что нежелание партийной верхушки отпускать Бажова с высоких постов определялось «нехваткой» литераторов, подходящих на место редактора и председателя Свердловского отделения ССП (Союза советских писателей), а также стремлением сохранить авторитетного автора в качестве лица писательской организации города и ее печатного органа.

Ключевые слова: альманах, «Уральский современник», П. П. Бажов, писатель, Свердловская организация Союза советских писателей, редактор, председатель Свердловского отделения Союза советских писателей, литература Урала, литература края.

DOI 10.25587/SV.FU.2021.84.4.007

НЕКРАСОВА Юлия Сергеевна – ст. преподаватель подготовительного отделения для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет.

E-mail: yulia92229444@mail.ru

NEKRASOVA Yulia Sergeevna – Senior lecturer of the Preparatory Department for Foreign Students, Ural Federal University.

Yu. S. Nekrasova

The figure of P. P. Bazhov as the editor of the almanac "The ural contemporary" in the last years of the author's life

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The article considers the significance of the figure of P. P. Bazhov as the editor of the almanac "The Ural Contemporary" in the last years of the author's life. The long-term work of the famous writer in the almanac remains practically unexplored. To recreate an accurate historical picture, studies of archival documents, as well as published memoirs of Bazhov's contemporaries, were conducted. In particular, the article analyzes Bazhov's statement at the meeting of the Sverdlovsk branch of the Union of Soviet Writers of December 20, 1949, in which the author refuses both the post of editor of the almanac and the post of managing the writers collective in the Urals. The versatile activity of P. P. Bazhov is studied, which made it difficult for him to devote a large amount of time to organizing and deputy activities, editorial work in the almanac and publishing house, and, most importantly, the actual literary work. On the basis of critical articles and minutes of party meetings, the characteristic shortcomings of the almanac are highlighted, which forced Bazhov to find the cause of the dissatisfaction of publishers and writers in his own shortcomings. It turns out that Bazhov, as an editor, tried to correct the situation by promoting the ideas of changes in organizational work, offering to reform the almanac into a magazine, to revise the structure of the publication, to create thematic issues. In each issue of the almanac, he published his own texts to achieve the desired volume of publication, the formation of the literature of the Urals. Based on the study of the documents, it is shown that the self-critical statement of the writer at the meeting, on the one hand, was justified by the heavy load of the author, the state of his health, and on the other – the desire to give way to young staff. It is concluded that the reluctance of the party leadership to release Bazhov from high positions was determined by the "shortage" of writers suitable for the position of editor and chairman of the Sverdlovsk branch of the Union of Soviet Writers, as well as the desire to preserve an authoritative author as the face of the city's writers organization and its printing body.

Keywords: almanac, "The Ural Contemporary", P. P. Bazhov, writer, Sverdlovsk organization of the Union of Soviet Writers, editor, chairman of the Sverdlovsk branch of the Union of Soviet Writers, literature of the Urals, literature of the region.

Введение

Имя П. П. Бажова много лет работает как бренд в деле привлечения внимания к Уралу и выступает в качестве визитной карточки края. Существуют разного рода экскурсионные программы, посвященные бажовским местам, одноименные парки, музеи, даже жилые комплексы в Екатеринбурге. Однако огромная популярность к писателю пришла не в последние годы: уже при жизни он был востребованным литератором, отмеченным в 1943 г. Сталинской премией [1], «творческие успехи которого широко известны и в нашей стране и за ее пределами» [2, л. 45].

Прославленный писатель в преклонном возрасте участвует во всей организационной работе литературы Свердловска: 29 марта 1939 г. его приняли в Союз советских писателей, 20 сентября 1940 г. выбрали секретарем бюро Свердловского отделения ССП,

где он перенял работу от А. Ф. Савчука, а в октябре его назначили членом редакционно-художественного совета при Свердловском госиздате [3]. С 1942 г. выбран секретарем писательской партийной организации вместо О. Д. Иваненко [4]. Кроме того, в 1941 г. П. П. Бажов начинает работать ответственным редактором литературно-художественного альманаха «Уральский современник», в задачи которого входила публикация текстов Свердловской писательской организации. Разумеется, количество работы не должно было сказываться на качестве ее выполнения, а также на создании собственных произведений. Известно, что писатель тяготился обилием возложенных на него задач.

Для исторической реконструкции редакционной деятельности Бажова проведена работа с архивными материалами, а также воспоминаниями современников. Особый интерес для нашего исследования представляет работа писателя в качестве руководителя «Уральского современника». Довольно длительная деятельность Бажова остается практически не изученной.

В государственном казенном учреждении «Центр документации общественных организаций Свердловской области» сохранился протокол № 13 закрытого партийного собрания Свердловского отделения Союза советских писателей от 20 декабря 1949 г., в котором Бажов обратился к правлению с просьбой передать часть своей работы другим: «Я буду говорить о необходимости двух штатных единиц: председателя Правления и Ответственном секретаре. Я по состоянию здоровья обеспечить работу не могу» [5, л. 107]. Кроме работы в ССП, писатель пытался освободить себя от нагрузки редактора «Уральского современника»: «Я считаю редактором альманаха, но это фикция. Мне по возрасту трудно заниматься альманахом. Я не должен быть тормозом и в оргработе» [5, л. 109]. По какой причине он назвал себя «фиктивным» редактором, на самом ли деле он был им и почему хотел уйти с высоких постов? Изучению этого посвящен наш текст.

В работе используются биографический, культурно-исторический, герменевтический методы. Цель исследования – определение роли Бажова в деятельности «Уральского современника» в последние годы жизни автора, а также его отношение к работе редактором и председателем ССП на Урале.

Исследование и его результаты

За десятилетие работы Бажова в писательской организации и редакции «Уральского современника» сохранилось достаточное количество архивных документов: протоколов заседаний, писем, докладов на собраниях. При их изучении становится ясно, что альманах «Уральский современник» обращал на себя внимание не только Урала, но и столицы. В большинстве случаев издание подвергалось критике. Существенным замечанием было отставание выхода номеров, которому препятствовали организационные трудности: неохотная работа издательства [6–7], нежелание ОГИЗа содействовать выпуску в типографии [3], отсутствие бумаги для печати [8], устаревание материала [8–9]. Зачастую после появления очередного номера «Уральского современника» на собраниях писатели вели долгое обсуждение опубликованных в нем произведений, качество которых, как правило, критиковалось [10]. Усилия П. П. Бажова были направлены на исправление недостатков альманаха.

Писатель в самом начале редакторской деятельности в «Уральском современнике» выдвинул идею о трансформации альманаха в периодический журнал [8]. Предложение нашло одобрение у писательского сообщества, в частности, опытный редактор К. В. Рождественская поддержала подобную инициативу [8]. На партсобрании при Союзе писателей решили «перестроить альманах, приблизить его к типу журнала – печатать вещи актуальные, объединенные тематически, ускорить темпы издания» [8, л. 116]. Также сохранились данные о письме конца 1945 г. первому секретарю Свердловского обкома ВКП (б) В. М. Андрианову от Бажова, в котором автор «просит ходатайствовать перед ЦК ВКП (б) о разрешении на издание в Свердловске с 1 янв. 1946 ежемес. журн. объемом

в 3 печатных листа» [11, с. 548]. Позднее, на открытом партсобрании Свердловского отделения ССП 31 октября 1949 г., полностью посвященном «Уральскому современнику», П. П. Бажов, видя, что «альманах в его нынешнем состоянии никого не устраивает», вновь затрагивал вопрос о «создании всеуральского журнала с постоянной редколлекцией» [10, л. 97]. Так, постановят расширить редколлекцию, задействовать читательский опыт при обсуждении сборников, переформировать издание, однако вопрос перевода альманаха в журнал проигнорируют. Очевидно, план Бажова не получил одобрения партийного руководства. Он был реализован только его преемниками: альманах преобразован в журнал «Урал» в 1958 г.

Несмотря на равнодушие вышестоящих лиц к проблемам «Уральского современника», работа, связанная с внутренней организацией альманаха, в период редакторства Бажова представляется достаточно целостной [12]. Полагаем, что всеобъемлющий взгляд Бажова на литературный процесс как издателя, редактора, писателя и читателя текстов позволял грамотно управлять альманахом. Автор наблюдал за изменениями, происходящими в уральской литературе, определяя для издания подходящий ему вектор: тематические выпуски, посвященные описанию истории города или края, юбилейным датам советской эпохи преобразований. О себе говорил: «Принадлежу одним боком к авторам, другим – редактуре» [13, с. 57].

Очевидно, что Бажов во главу угла ставил собственно писательскую деятельность. Создание литературы Урала было возможно как своими силами, так и писательской организацией через выпуск «Уральского современника» и иных книг. Исходя из сохранившегося архивного материала, предполагаем, что приоритетом для П. П. Бажова была не столько аккумуляция произведений писателей Урала в альманахе, сколько формирование «свердловского» текста как отражения самобытности, уникальности Урала (о «петербургском» тексте и создании «московского» [14, с. 287–288]). Часто выяснялось, что портфель редактора скудный, издание испытывало недостаток литературы, выдержанной тематически, что существенно влияло на выпуски «Уральского современника», наполняемые в очередной раз «определенно самотеком» [8, л. 114]. Способствовал своевременному выходу номеров, Бажов как автор использовал собственные тексты.

Если первоначальное знакомство читателей «Уральского современника» под редакцией К. В. Рождественской, с 1938 г. занимавшейся первыми тремя книгами альманаха, происходило с текстами Бажова, как правило, впервые появившимися на страницах альманаха или публикуемыми ранее в газете [15], то в последующих выпусках писатель чаще всего издавал тексты после многократных републикаций. В четвертом и далее выпусках автор пытается заполнить листаж альманаха собственными силами. Так, в четвертом выпуске 1941 г. публикуются сказы «Ермаковы лебеди» и «Огневушка-поскакушка», а также очерк «Янкинские огни» авторства П. Бажова [15]. В пятом альманахе Бажов выступает только в качестве редактора, в шестом выпуске впервые публикует сказ «Иванко-крылатко» [15]. Седьмой номер представляет «Хрустальный лак» [15]. Дальнейшее знакомство читателей альманаха происходит с текстами «Живинка в деле» в № 8 [15, с. 59], «Чугунная бабушка» № 9 [15, с. 59], «Васина гора» в №10 [15, с. 61], «Аметистовое дело» в № 11 [15, с. 61], «Шелковая горка» в № 12 [15, с. 62], «Широкое плечо» в № 13 [15, с. 62], «Наш город» в № 14 (текст неоднократно издавался под другими названиями, как «Дальнее-близкое» [15, с. 100]), «Дорогой земли виток» и «Ионычева тропа» в № 15 [15, с. 62], «Золотоцветень горы» в № 16 [15, с. 62], «Не та цапля» в № 17 [15, с. 63], «Живой огонек» в № 18 [15, с. 63]. Такие тексты, как «Медная доля» [15, с. 63], «Отслоение дней» [15, с. 100], «Загороженный лес» [15, с. 102] впервые представлены читателю только после смерти писателя. Критика с завидным постоянством отмечала тексты П. П. Бажова как лучшие во всех выпусках альманаха [16–19], «чудесные» сказы [20], занимающие центральное место в сборнике.

Неоднократно публиковав свои тексты, Бажов пренебрегал в «Уральском современнике» собственным правилом о невозможности печати одного и того же произведения в разных изданиях: «Нельзя же одно печатать в трех местах» [3, с. 392]. Как отмечает исследователь А. Комлев, «много публикаций Бажова и о нем насчитывается в краевой и в столичной “толстой” и “тонкой” периодике», популярность автора росла: его сказы читали, ставили в театрах, и они становились предметом научного изучения [21, с. 103], а журналы готовы были публиковать его даже без учета новизны материалов [22–23]. Загруженность авторитетного писателя не позволяла расходовать время на создание новых текстов для свежих публикаций.

Помимо работы редактором, Бажов возглавлял Свердловское отделение ССП в качестве ответственного секретаря, а затем председателя правления Свердловского отделения ССП по 3 декабря 1950 г. Союз писателей требовал усилий литераторов не только в творческом плане, но и необходимо было посещать собрания, выполнять иные поручения. В январе 1938 г. в «Правде» была опубликована статья А. Караваевой, В. Катаева, А. Корнейчука, А. Толстого и А. Фадеева, критикующая работу ССП с излишней волокитой, из-за которой литераторам не хватало времени для создания произведений: «Что представляет собой Союз писателей на самом деле? Это огромный с чиновничьими методами работы департамент по литературным делам. <...> Бесконечные бюрократические заседания (с резолюциями, стенограммами, протоколами, выписками из протоколов), заседания, преисполненные зеленой скуки и отрывающие писателей от непосредственной писательской работы» [24]. Вероятно, такие же чувства испытывал и П. П. Бажов, вынужденный руководить коллективом писателей в Свердловске.

Тем не менее, долг обязывал Бажова заботиться о писателях, входящих в его состав. В военное время Союз писателей в городе вырос до 70 человек благодаря эвакуированным из Москвы, Ленинграда и Украины, и Бажов заботился о всех. Отмечают, что он «вел огромную работу по их размещению, оказанию материальной помощи, созданию творческой атмосферы в литературном сообществе города» [3, с. 110]. По воспоминаниям писателя В. Старикова, Бажов вникал в дела, порой «никчемные», «улаживал зачастую вздорные конфликты не в меру заносчивых людей»: «С силами самого старшего по возрасту писателя не очень-то считались. Ему шел шестьдесят пятый год, он уже сильно начинал прибалывать. Однако всю тяжесть забот о писательском быте возложили именно на него» [25, с. 252].

Тяжелое военное время вынуждало работать двойне. Совместными усилиями все находящиеся на Урале писатели трудились над созданием и выпуском альманахов военной тематики и других книг. Б. Рябинин отмечает, что в военные годы писателю активно помогали К. Мурзиди как руководитель отдела поэзии «Уральского современника» и К. Рождественская [26]. Сам Бажов, по воспоминаниям Рябинина, был примером для подражания в среде писателей: «Бажов показал себя в эти годы настоящим патриотом Отечества. Никто никогда не слышал от него ни одной жалобы на трудности, на нехватку того, другого, хотя Бажовым жилось не слаще, чем другим» [21, с. 103–104]. Именно его «собственный безупречный пример», а также тот факт, что он «оказался одновременно и местным писателем, коренным уральцем, и высокоэрудированным уже известным всей стране литератором», сплотил разнородный авторский состав военного периода Свердловска, когда Бажов был «центром, вокруг которого фокусировалась вся работа Свердловского отделения» [21, с. 102–103].

В послевоенные годы Бажов был обеспокоен резким сужением круга писателей на Урале, о чем свидетельствует письмо А. А. Фадееву от 12 декабря 1946 г.: «Все-таки наша Свердловская группа писателей за годы Отечественной войны сильно поредела» [3, с. 449]. Председатель ССП по фамилии сообщает о тех, кто погиб на фронте или во время работы в тылу. В этом же письме автор предлагает на свое место другого писателя – Н. Куштума, поскольку уже тогда Бажову было трудно заниматься управлением большой структурой:

«Ваше письмо руководству Свердловской области пока реализуется лишь в виде обещания поставить вопрос о работе Свердловского Отделения ССП на Бюро Обкома. Со своей стороны предполагаю указать кандидатом на свое место только что демобилизованного Н. А. Санникова (Куштума). Он в нашей писательской организации давно, ездил делегатом на Съезд 1934 г., член ВКП (б), прошел за годы войны солидный курс практической работы, поэтический голос у него небольшой, но вполне советского тембра. И возраст самый подходящий — 39 лет» [3, с. 449].

Помимо тяжелой организаторской работы желанию Бажова покинуть редакторство и управление Свердловским ССП способствовало ухудшающееся здоровье писателя. Как известно, 27 июня 1941 г. Бажова назначат главным редактором СвердлГИЗа, где он некоторое время «исполнял обязанности директора» [3, с. 110]. Бажов оставляет должность 30 марта 1942 г. «в связи с увеличением работы в СП», Рябинин же отметит, что из-за «начавшихся серьезных неладов со зрением» [21, с. 101]. Вероятно, именно проблемы со здоровьем вынуждают литератора с седьмого номера альманаха 1943 г. стать не единственным редактором «Уральского современника». Самостоятельно заниматься изданием, как и собственными текстами, у автора было всё меньше возможности из-за слабого зрения, о котором он предупреждал всех своих знакомых, в том числе, в письмах: «Плохо с глазами. Настолько плохо, что приходится тратить часы на то, что можно сделать в несколько минут» [3, с. 530], «Виной моя прогрессирующая слепота, и хуже всего, что с этим как-то мало считаются, продолжая нагружать меня как полноценного» [3, с. 534]. Долгое кропотливое чтение рукописей становилось для писателя крайне затруднительным.

Просьба о замене связана не только с ухудшающимся здоровьем, невозможностью вычитки текстов и знакомства с рукописями, но и с тем фактом, что к редакторской и писательской деятельности Бажова добавляется политическая. В 1946 г. литератор участвовал в выборах депутатов Верховного Совета СССР по Красноуфимскому избирательному округу: «В связи с этим с 22 января по 8 февраля он проехал по районам этого округа (Красноуфимск, Сажино, Манчаж, Арти, Нижние Серги, Полевское, Бисерть) для встреч с избирателями. С 10 февраля Бажов стал депутатом» [3, с. 295]. Депутатская деятельность сохранилась в наглядно преобладающем количестве писем из всего эпистолярного наследия. По данным статьи В. В. Блажеса, из 879 писем Бажова «793 – депутатские письма, отправленные писателем в различные инстанции» [27, с. 496]. Несмотря на работу, отнимающую массу времени, по эпистолярию заметно, что Бажов, как и прежде, знакомился с присылаемыми ему текстами, отвечал на просьбы различного характера и прилагал усилия к изданию альманаха, который не выпускался с 1944 по 1947 гг. [3, с. 311, 504]. Кроме того, старался не обидеть литераторов, присылающих ему свои тексты. В этом выражалась «необыкновенная доброжелательность» его как редактора и «деликатность при обсуждении творческой проблемы», с чем, по мнению исследователя Е. Зашихина, связывают подробность ответов, нежелание писать «отписки» [28, с. 169].

Иными словами, Бажов трудился в меру своих сил, а часто и более. Сопоставимой с ним кандидатуры для такой важной работы как редактор альманаха и председатель Свердловского отделения ССП на Урале не было: нужен был авторитетный человек в литературной среде, с богатым опытом работы, умеющий выстраивать отношения с коллективом. Бажов как нельзя кстати подходил под названные критерии. Авторитет писателя после публикации книги сказов «Малахитовая шкатулка» был неоспоримым. Произведения уральской знаменитости, его имя во главе редколлегии в альманахе становились некой «гарантией качества» всего сборника. Кроме того, тексты Бажова отвечали запросу времени. Как упоминает М. А. Литовская, «сказы Бажова пришлось ко двору советской литературы», и «критики хорошо выполнили свою работу: обнаружили в провинциальном сборнике необычные тексты, привлекли внимание к «чудесному

вкладу» уральского «сказочника» в словесность, включили сказы в актуальный культурный контекст, предложили первые их интерпретации с учетом уровня подготовки читателя и актуального социального заказа» [29, с. 144]. Критика и аудитория благосклонно отнеслись к автору и его произведениям, поскольку тексты писателя казались «приемлемыми для советской власти в период самого жесткого идеологического надзора», «созвучны представлению жителей региона о себе и своем месте в мире, органично вписались в историю развития отечественной словесности» [30, с. 8]: Бажов «предложил уральцам красивую историю края, выразительные типы жителей его людей, сформулировал житейские принципы, которым стоит следовать» [29, с. 144]. Помимо писательской деятельности, Бажов как редактор старался наполнить альманах текстами, открывающими необычный Урал, помогающими самоидентификации жителям, а также доставляющими удовольствие от чтения и позволяющими узнавать себя в образах героев.

Большой опыт работы в качестве корреспондента и редактора, а также учеба в духовной семинарии и работа учителем выработали у Бажова умение выстраивать отношения в коллективе, развили навык общения с людьми. По характеристике К. Боголюбова, «это был человек большого сердца и большого ума, широких знаний и огромного житейского опыта» [31, с. 59]. По воспоминаниям Е. Хоринской, Бажов относился к людям уважительно, чувствовалась «чистая, душевная щедрость» писателя, а «слово обещания становится клятвой» [32, с. 276]. Вероятно, писатель осознавал невозможность на тот момент как своего ухода из правления ССП, так и с поста редактора альманаха. Тем не менее, Бажов, как мы можем предполагать, надеялся на помощь со стороны партийного правления на собрании.

Из сохранившегося протокола 1949 г. следует, что просьба Бажова о снятии его с высоких постов была проигнорирована писательским сообществом. Не понимая и обесценивая проблему, литераторы говорили о достаточном труде писателя: «П. П. Бажов, несмотря на свое болезненное состояние, очень многим помогает в работе союза. Роль председателя он вполне обеспечивает» [5, л. 108]. В качестве виновных в проблемах альманаха видели иных лиц, например, Н. Куштума, ответственного секретаря Б. Рябинина и критика К. Боголюбова: «Во многом тут виноват Куштум. Виноваты и другие» [5, л. 108], «Ответственный секретарь Рябинин плохо готовит материал. У нас плохо работает единственный критик Боголюбов» [5, л. 107]. Бажов же вскрывал недостатки альманаха в общей организации деятельности ССП, идущей от ее руководителей: «Все упирается в организационное начало. Писательская организация не выполняет своих задач» [5, л. 109]. Писатель настаивал на необходимости изменений в общей структуре ССП на Урале, обновлении руководителей и кадров: «Главная причина, по-моему, в том, что есть какие-то элементы окостенения и в издательстве и, нечего греха таить, в писательской организации Свердловска. Надо омоложить» [3, с. 311, 505]. Однако омоложить не спешили.

Исключительная требовательность Бажова к себе и выполняемой работе заставляла писателя искать решение проблемы альманаха в смене власти. Несмотря на активную работу Бажова в начальный период альманаха в качестве редактора, в послевоенные годы он понимал, что не может оказать нужной поддержки изданию, исправлять тексты присылаемых авторов и выстраивать единую линию сборников. Критики отмечали, что, помимо произведений писателя, другие тексты во многом уступали эталону, заданному уральским сказочником: «К сожалению, большинство произведений, помещенных в девятой книжке альманаха, не выдерживает критерия, обозначенного в сказе – «от них живым не пахнет»» [33], сказ «Васина гора» в десятом альманахе 1947 г. как «блестящий пример связи прошлого с современностью» [34], в то время как другие тексты альманахов редко выделяются критикой положительно, часто оцениваются категорично. Так, будущий редактор альманаха О. Коряков высказался в публикации «Уральского рабочего» об

оторванности писателей десятого альманаха от современности: «Где-то, заброшенными, травой поросшими дорогами бредут, отстав от времени, и не видят, не слышат, чем живут, чем дышат сегодня советские люди, что их волнует и радует» [35].

Хотя внешне наличие проблемы, озвученной Бажовым, отрицалось, состав редколлегии и правления в ССП решили пересмотреть: «В самое ближайшее время должны быть решены организационные вопросы: утвержден состав новой редколлегии альманаха, проведены перевыборы правления, избран новый секретарь отделения» [5, л. 110]. Благодаря обновленному составу редакции дальнейшая жизнь альманаха изменится с шестнадцатого выпуска 1950 г.: у сборников пересмотрят оформление, как внутреннее, так и внешнее, его будут рекламировать [36]. В редколлегию войдет В. А. Стариков, впоследствии сменивший Бажова на посту редактора. Вероятно, понимавший это Бажов старался передать опыт будущему преемнику, помогая на начальном этапе. По воспоминаниям Старикова, он приезжал к редактору домой, озвучивал содержание принятых произведений, зачитывая части текстов [25]. В 1951 г. появился последний альманах № 18 с указанием фамилии Бажова в качестве руководителя.

Заключение

До последних дней П. П. Бажов, сохранивший должность редактора «Уральского современника» и председателя Свердловского отделения Союза советских писателей, принимал активное участие в жизни альманаха. Формально обновление «Уральского современника» шло под руководством Бажова, но в 1949–1950-х гг. альманахом фактически занимались другие люди. Писатель все большее внимание в последние годы жизни уделял депутатской работе, а также борьбе с болезнью. Вероятно, альманаху достаточно было иметь авторитетную фигуру во главе редколлегии и публиковать любые тексты знаменитого автора, пускай даже не новые. Известный всем писатель даже после своего ухода продолжал оставаться «лицом книги» [34], Свердловска и всего Урала.

Литература

1. Сталин, И. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1942 год» / И. Сталин, Я. Чадаев. – Текст : непосредственный // Правда. – 1943. – 20 марта. – № 76 (9212). – С. 1.
2. Отчет о работе первичной парторганизации Свердловского отделения Союза Советских Писателей за период с августа 1947 г. по ноябрь 1948 г. // ГКУСО «ЦДООСО». Ф. 304. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–50.
3. Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950 / сост. Григорьев Г. А., Григорьева Л. С. – Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. – 688 с.
4. Комлев, А. Свердловское отделение Союза писателей СССР // Бажовская энциклопедия / Редакторы-составители В. В. Блажес, М. А. Литовская. – Екатеринбург : Изд-во «Сократ» ; Изд-во Урал.ун-та, 2007. – С. 344–346.
5. Протокол № 13 закрытого партийного собрания Свердловского отделения Союза советских писателей от 20 декабря 1949 г. // ГКУСО «ЦДООСО». Ф. 304. Оп. 1. Д. 2. Л. 107–111.
6. Протокол № 7 открытого партийного собрания парторганизации при Свердловском отделении ССП от 7 августа 1941 г. // ГКУСО «ЦДООСО». Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 106–110.
7. Протокол открытого партийного собрания при Свердловской отделении ССП от 24 декабря 1944 г. // ГКУСО «ЦДООСО». Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 134–138.
8. Протокол № 9 открытого партсобрания при Союзе писателей от 15 сентября 1941 г. // ГКУСО «ЦДООСО». Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 114–118.
9. Стенограмма обсуждения работ т. Боголюбова (г. Свердловск) на семинаре критиков Союза советских писателей, 4 декабря 1947 г. // МБУК «ОМПУ». Ф. 36. Оп. 1. Л. 1–23. КП–20785/54.
10. Протокол № 10 открытого партсобрания Свердловского отделения ССП 31 октября 1949 г. // ГКУСО «ЦДООСО». Ф. 304. Оп. 1. Д. 2. Л. 95–99.

11. Летопись жизни и творчества П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия / Редакторы-составители В. В. Блажес, М. А. Литовская. – Екатеринбург : Изд-во «Сократ» ; Изд-во Урал.ун-та, 2007. – С. 506–564.
12. Литовская, М. А. «Не узнал бы прадед город свой» : образ Екатеринбурга/Свердловска в литературе Урала второй половины 1940-х гг. / М. А. Литовская, Ю. С. Некрасова – Текст : непосредственный // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 1 (70). – С. 97–104.
13. Бажов, П. П. Публицистика. Письма. Дневники / П. П. Бажов ; [сост.: В. А. Бажова, М. А. Батин]. – Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1955. – 270 с.
14. Добренко, Е. Поздний сталинизм : эстетика политики. Том 1 / Е. Добренко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 712 с.
15. Павел Петрович Бажов : библиогр. указ. (1913–2010) / сост. В. В. Горева, Н. В. Кузнецова ; [науч. ред. В. В. Блажес] ; Свердл. обл. универс. науч. б-ка им. В. Г. Белинского, Объед. музей писателей Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2011. – 606 с.
16. Бармин, А. П. «Синюшкин колодец». «У старого рудника» / А. П. Бармин – Текст : непосредственный // Звезда. – 1940. – № 12. – С. 171.
17. Ильичев, В. Третья книга «Уральского современника» / В. Ильичев – Текст : непосредственный // Уральский рабочий. – 1940. – 18 мая. – № 113 (7421). – С. 3.
18. Рецензия Левина Ю. А. на альманах «Уральский современник» № 3, 1940 г. // МБУК «ОМПУ». Ф. 32. Оп. 1. Д. 68. Л. 1–6. КП–5610.
19. Чап, Ю. «Уральский современник» / Ю. Чап – Текст : непосредственный // Уральский рабочий. – 1938. – 8 окт. – № 232 (6940). – С. 3.
20. Скорино, Л. Утерянная живинка / Л. Скорино – Текст : непосредственный // Лит. газ. – 1945. – 3 марта. – № 10. – С. 3.
21. Комлев, А. Бажов и Свердловское отделение Союза советских писателей / А. Комлев. – Текст : непосредственный // Урал. – 2004. – № 1. – С. 97–113.
22. Письма от Челябинска от 24 января 1949 г. // МБУК «ОМПУ». Ф. 2. Оп. 2. Д. 168. Л. 2, 3. КП–23841/3.
23. Письмо из редакции «Новый мир» от 4 июля 1944 г. // МБУК «ОМПУ». Ф. 2. Оп. 2. Д. 201. Л. 2. КП–7502/9.
24. Караваяева, А. О недостатках в работе Союза писателей / А. Караваяева, В. Катаев, А. Корнейчук и др. – Текст : непосредственный // Правда. – 1938 г. – 26 янв. – № 25 (7350). – С. 4.
25. Стариков, В. Встречи сквозь годы / В. Стариков. – Текст : непосредственный // Мастер, мудрец, сказочник. – Москва, 1978. – С. 241–263.
26. Рябинин, Б. С. Ушедшее – живущее : кн. воспоминаний / Б. С. Рябинин. – Москва : Советский писатель, 1985. – 430 с. – Текст : непосредственный.
27. Блажес, В. Эпистолярное наследие П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия / Редакторы-составители В. В. Блажес, М. А. Литовская. – Екатеринбург : Изд-во «Сократ» ; Изд-во Урал.ун-та, 2007. – С. 490–496. – Текст : непосредственный.
28. Зашихин, Е. Издательская деятельность П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия / Редакторы-составители В. В. Блажес, М. А. Литовская. – Екатеринбург : Изд-во «Сократ» ; Изд-во Урал.ун-та, 2007. – С. 168–169. – Текст : непосредственный.
29. Литовская, М. А. Образ П. П. Бажова в современных российских СМИ : биографический поворот / М. А. Литовская. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22, № 2 (198). – С. 138–150.
30. Литовская, М. А. «Фабельные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова / М. А. Литовская – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (127). – С. 8–17.
31. Боголюбов, К. С кем шел рядом // Слово о товарищах : воспоминания об урал. писателях / [сост. Б. С. Рябинин ; вступ. статья М. Батина ; послесл. А. Пудваля]. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. – С. 26–85. – Текст : непосредственный.

32. Хоринская, Е. Жизнь, отданная людям // Слово о товарищах : воспоминания об урал. писателях / [сост. Б. С. Рябинин ; вступ. статья М. Батина ; послесл. А. Пудваля]. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. – С. 256–277.
33. Фельдман, Я. «Уральский современник» // Уральский рабочий. – 1944. – 16 дек. – С. 2.
34. Боголюбов, К. В стороне от современности // Уральский рабочий. – 1947. – 18 нояб. – С. 3.
35. Коряков, О. На главную магистраль : альманах «Уральский современник», кн. 11-я // Уральский рабочий. – 1948. – 31 янв. – С. 3.
36. Вырезка газетная со статьей «У писателей Свердловска» в газете «Уральский рабочий» от 9 апреля 1950 г. // МБУК «ОМПУ». Ф. 22. Оп. 1. КП–4687/29.

References

1. Stalin, I. Postanovlenie Soveta Narodnyh Komissarov Soyuzа SSR «O prisuzhdenii Stalinskih premij za vydayushchiesya raboty v oblasti iskusstva i literatury za 1942 god» / I. Stalin, YA. CHadaev. – Tekst : neposredstvennyj // Pravda. – 1943. – 20 marta. – № 76 (9212). – S. 1.
2. Otchet o rabote pervichnoj partorganizacii Sverdlovskogo otdeleniya Soyuzа Sovetskih Pisatelej za period s avgusta 1947 g. po noyabr' 1948 g. // GKUSO «CDOOSO». F. 304. Op. 1. D. 2. L. 45–50.
3. Pavel Petrovich Bazhov. Pis'ma. 1911–1950 / sost. Grigor'ev G. A., Grigor'eva L. S. – Moskva ; Ekaterinburg : Kabinetnyj uchenyj, 2018. – 688 s.
4. Komlev, A. Sverdlovskoe otdelenie Soyuzа pisatelej SSSR // Bazhovskaya enciklopediya / Redaktory-sostaviteli V. V. Blazhes, M. A. Litovskaya. – Ekaterinburg : Izd-vo «Sokrat» ; Izd-vo Ural.un-ta, 2007. – S. 344–346.
5. Protokol № 13 zakrytogo partijnogo sobraniya Sverdlovskogo otdeleniya Soyuzа sovetskih pisatelej ot 20 dekabryа 1949 g. // GKUSO «CDOOSO». F. 304. Op. 1. D. 2. L. 107–111.
6. Protokol № 7 otkrytogo partijnogo sobraniya partorganizacii pri Sverdlovskom otdelenii SSP ot 7 avgusta 1941 g. // GKUSO «CDOOSO». F. 304. Op. 1. D. 1. L. 106–110.
7. Protokol otkrytogo partijnogo sobraniya pri Sverdlovskoj otdelenii SSP ot 24 dekabryа 1944 g. // GKUSO «CDOOSO». F. 304. Op. 1. D. 1. L. 134–138.
8. Protokol № 9 otkrytogo partsobraniya pri Soyuze pisatelej ot 15 sentyabryа 1941 g. // GKUSO «CDOOSO». F. 304. Op. 1. D. 1. L. 114–118.
9. Stenogramma obsuzhdeniya rabot t. Bogolyubova (g. Sverdlovsk) na seminare kritikov Soyuzа sovetskih pisatelej, 4 dekabryа 1947 g. // МБУК «ОМПУ». F. 36. Op. 1. L. 1–23. KP–20785/54.
10. Protokol № 10 otkrytogo partsobraniya Sverdlovskogo otdeleniya SSP 31 oktyabryа 1949 g. // GKUSO «CDOOSO». F. 304. Op. 1. D. 2. L. 95–99.
11. Letopis' zhizni i tvorchestva P. P. Bazhova // Bazhovskaya enciklopediya / Redaktory-sostaviteli V. V. Blazhes, M. A. Litovskaya. – Ekaterinburg : Izd-vo «Sokrat» ; Izd-vo Ural.un-ta, 2007. – S. 506–564.
12. Litovskaya, M. A. «Ne uznal by praded gorod svoj» : obraz Ekaterinburgа/Sverdlovskа v literature Uralа vtoroj poloviny 1940-h gg. / M. A. Litovskaya, Yu. S. Nekrasova – Tekst : neposredstvennyj // Ural'skij istoricheskij vestnik. – 2021. – № 1 (70). – S. 97–104.
13. Bazhov, P. P. Publicistika. Pis'ma. Dnevniki / P. P. Bazhov ; [sost.: V. A. Bazhova, M. A. Batin]. – Sverdlovsk : Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. – 270 s.
14. Dobrenko, E. Pozdnij stalinizm : estetika politiki. Tom 1 / E. Dobrenko. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. – 712 s.
15. Pavel Petrovich Bazhov : bibliogr. ukaz. (1913–2010) / sost. V. V. Goreva, N. V. Kuznecova ; [nauch. red. V. V. Blazhes] ; Sverdl. obl. univers. nauch. b-ka im. V. G. Belinskogo, Ob"ed. muzej pisatelej Uralа. Ekaterinburg : Izd-vo Ural.un-ta, 2011. – 606 s.
16. Barmin, A. P. «Sinyushkin kolodec». «U starogo rudnika» / A. P. Barmin – Tekst : neposredstvennyj // Zvezda. – 1940. – № 12. – S. 171.
17. Il'ichev, V. Tret'ya kniga «Ural'skogo sovremennika» / V. Il'ichev – Tekst : neposredstvennyj // Ural'skij rabochij. – 1940. – 18 maya. – № 113 (7421). – S. 3.
18. Recenziya Levina Yu. A. na al'manah «Ural'skij sovremennik» № 3, 1940 g. // МБУК «ОМПУ». F. 32. Op. 1. D. 68. L. 1–6. KP–5610.

19. Чап, Ю. «Ural'skij sovremennik» / YU. Чап – Текст : непосредственный // Ural'skij rabochij. – 1938. – 8 okt. – № 232 (6940). – С. 3.
20. Skorino, L. Uteryannaya zhivinka / L. Skorino – Текст : непосредственный // Lit. gaz. – 1945. – 3 marta. – № 10. – С. 3.
21. Komlev, A. Bazhov i Sverdlovskoe otdelenie Soyuza sovetskih pisatelej / A. Komlev. – Текст : непосредственный // Ural. – 2004. – № 1. – С. 97–113.
22. Pis'ma ot Chelyabgiza ot 24 yanvarya 1949 g. // MБУК «ОМПУ». F. 2. Op. 2. D. 168. L. 2, 3. KP–23841/3.
23. Pis'mo iz redakcii «Novyj mir» ot 4 iyulya 1944 g. // MБУК «ОМПУ». F. 2. Op. 2. D. 201. L. 2. KP–7502/9.
24. Karavaeva, A. O nedostatkah v rabote Soyuza pisatelej / A. Karavaeva, V. Kataev, A. Kornejchuk i dr. – Текст : непосредственный // Pravda. – 1938 g. – 26 yan'v. – № 25 (7350). – С. 4.
25. Starikov, V. Vstrechi skvoz' gody / V. Starikov. – Текст : непосредственный // Master, mudrec, skazochnik. – Moskva, 1978. – С. 241–263.
26. Ryabinin, B. S. Ushedshee – zhivushchee : kn. vospominanij / B. S. Ryabinin. – Moskva : Sovetskij pisatel', 1985. – 430 s. – Текст : непосредственный.
27. Blazhes, V. Epistolyarnoe nasledie P. P. Bazhova // Bazhovskaya enciklopediya / Redaktery-sostaviteli V. V. Blazhes, M. A. Litovskaya. – Ekaterinburg : Izd-vo «Sokrat» ; Izd-vo Ural.un-ta, 2007. – С. 490–496. – Текст : непосредственный.
28. Zashihin, E. Izdatel'skaya deyatel'nost' P. P. Bazhova // Bazhovskaya enciklopediya / Redaktery-sostaviteli V. V. Blazhes, M. A. Litovskaya. – Ekaterinburg : Izd-vo «Sokrat» ; Izd-vo Ural.un-ta, 2007. – С. 168–169. – Текст : непосредственный.
29. Litovskaya, M. A. Obraz P. P. Bazhova v sovremennyh rossijskih SMI : biograficheskij povorot / M. A. Litovskaya. – Текст : непосредственный // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2 : Gumanitarnye nauki. – 2020. – T. 22, № 2 (198). – С. 138–150.
30. Litovskaya, M. A. «Fbul'nye kryuchochki i petel'ki»: poetika kompromissa v tvorchestve P. P. Bazhova / M. A. Litovskaya – Текст : непосредственный // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2 : Gumanitarnye nauki. – 2014. – № 2 (127). – С. 8–17.
31. Bogolyubov, K. S kem shel ryadom // Slovo o tovarishchah : vospominaniya ob ural. pisatelyah / [sost. B. S. Ryabinin ; vstup. stat'ya M. Batina ; poslesl. A. Pudvalya]. – Sverdlovsk : Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1980. – С. 26–85. – Текст : непосредственный.
32. Horinskaya, E. Zhizn', otdannaya lyudyam // Slovo o tovarishchah : vospominaniya ob ural. pisatelyah / [sost. B. S. Ryabinin ; vstup. stat'ya M. Batina ; poslesl. A. Pudvalya]. – Sverdlovsk : Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1980. – С. 256–277.
33. Fel'dman, Ya. «Ural'skij sovremennik» // Ural'skij rabochij. – 1944. – 16 dek. – С. 2.
34. Bogolyubov, K. V storone ot sovremennosti // Ural'skij rabochij. – 1947. – 18 noyab. – С. 3.
35. Koryakov, O. Na glavnyu magistral' : al'manah «Ural'skij sovremennik», kn. 11-ya // Ural'skij rabochij. – 1948. – 31 yanv. – С. 3.
36. Vyrezka gazetnaya so stat'ej «U pisatelej Sverdlovskaja» v gazete «Ural'skij rabochij» ot 9 aprelya 1950 g. // MБУК «ОМПУ». F. 22. Op. 1. KP–4687/29.

УДК 81.25.42

Н. С. Сивцева

**Способы русско-якутского перевода религиозно-христианской терминологии
(на примере перевода «Жития и подвигов преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца»)**

СВФУ им. М.К.Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В данной статье приводится попытка выявления способов перевода с русского на якутский язык религиозных реалий на материале собственного перевода «Жития и подвигов преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца». Актуальность данного исследования обуславливается тем, что в регионе с каждым годом растет число прихожан саха, люди семьями принимают православную веру, в связи с этим назревает необходимость перевода богословской литературы. Проблематика данного исследования заключается в том, что на сегодня данное направление русско-якутского перевода является недостаточно изученной областью. Не было попытки разработки словаря перевода религиозных реалий, что оказало определенные трудности при работе над переводами литературы и текстов православного характера. Таким образом, целью аннотируемой статьи является попытка классификации использованных в тексте-оригинале реалий, определение и упорядочение способов перевода данных лексем, также приводятся статистические данные использования тех или иных приемов перевода в зависимости от типа классификации реалий. Нами были использованы такие методы исследования, как метод сравнения, сопоставления, наблюдения, анализа и классификации. В качестве результата исследования нами предлагается классификация основных семи способов перевода, как переводческая транслитерация, транслитерация в сочетании с описательным переводом, транскрипция, транскрипция в сочетании с описательным переводом, калькирование, описательный перевод, подбор функционального аналога. Ключевой вывод исследования – статистический анализ, содержащий в себе информацию об активности того или иного способа перевода с количественными показателями. Так, наиболее употребительным оказался перевод при помощи функционального аналога, данным способом переведено 135 реалий из 280. Наименее функциональным оказался способ, сочетающий транскрипцию с описанием, 7 примеров из 280.

Ключевые слова: религиозная лексика, реалии, православная литература, русско-якутский перевод, способы перевода, безэквивалентная лексика, теологическая литература, адекватный перевод, якутский язык, перевод православной литературы, статистика, классификация, Якутия.

DOI 10.25587/SV.FU.2021.84.4.008

СИВЦЕВА Наталия Сергеевна – к. филол. н., доцент Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, СВФУ им. М.К.Аммосова.

E-mail: sivnata79@yandex.ru

SIVTSEVA Natalia Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

N. S. Sivtseva

Methods of Russian-Yakut translation of religious-christian terminology (on the example of the translation of "The Life and Deeds of the Monk and God-bearing Father of our Sergius, Hegumen of Radonezh and All Russia, the wonderworker")

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. In this article, an attempt is made to identify ways of translating religious realities from Russian into Yakut, based on the material of our own translation of the Life and Deeds of the Monk and God-bearing Father of our Sergius, Hegumen of Radonezh and All Russia, the wonderworker. The relevance of this study is due to the fact that the number of Sakha parishioners is growing every year in the region, people are adopting the Orthodox faith with their families, in this regard, the need to translate theological literature is maturing. The problematic of this study is that today this direction of Russian-Yakut translation is an insufficiently studied area. In this regard, there has not yet been an attempt to develop a dictionary for the translation of religious realities, which can cause certain difficulties when working on translations of literature and texts of an Orthodox character. Thus, the purpose of the annotated article is to attempt to classify the realities used in the original text, to determine and order the methods of translating these lexemes, and also there are statistical data on the use of certain translation techniques, depending on the type of classification of realities provided. We have used such research methods as the method of comparison, collation, observation, analysis and classification. As a result of the study, we propose a classification of the main seven translation methods as transliteration transliteration, transliteration in combination with descriptive translation, transcription, transcription in combination with descriptive translation, tracing, descriptive translation, functional analogue. The key conclusion of the study is a statistical analysis that contains information about the activity of a particular translation method with quantitative indicators. So, the most used translation was with the help of a functional analogue, 135 realities out of 280 were translated using this method. And the least used method was combining transcription with the description, 7 examples out of 280.

Keywords: religious vocabulary, realities, Orthodox literature, Russian-Yakut translation, methods of translation, non-equivalent vocabulary, theological literature, adequate translation, Yakut language, translation of Orthodox literature, statistics, classification, Yakutia.

Введение

Перевод религиозных текстов – не просто сложный, многоуровневый процесс, который выделяется в отдельный вид переводческой деятельности в лингвистике, это целая наука. Существуют различные школы и концепции религиозного перевода, не утихают споры о методах, тождественности и адекватности перевода, а также о целесообразности перевода священных книг в целом.

Перевод религиозных текстов специфичен и сложен тем, что необходимо не просто передать смысл, а максимально полно раскрыть содержание первоисточника. Переводчик должен владеть глубоким пониманием текста, учитывать имеющиеся стилистические особенности – стихотворную ритмику, архаичную лексику и прочее. Следует также

упомануть о неоднозначности мнений насчёт вероисповедания и мировоззрения переводчика. Многие специалисты уверены, что переводчик должен принадлежать соответствующей конфессии, иначе он просто не поймет переносные значения, скрытый аллегорический смысл, исказит смысл текста через призму своего восприятия.

В Якутии принятие православной веры имеет глубокие корни, и до сих пор население региона семьями вступает в православие. Растет необходимость перевода на якутский язык книг и текстов православного учения, молитв, катехизисов, описаний жития великих угодников божьих. Такая необходимость в качественной литературе православной религии рождает актуальность исследования способов и приемов перевода религиозных текстов, разработки словаря основных реалий и терминов религиозного характера.

Однако в русско-якутском переводоведении все еще не изученным пластом лежит перевод религиозных текстов с 300-летней историей. Не были исследованы способы и приемы перевода религиозной лексики и терминологии, не разработаны основные способы перевода именно для данной категории русско-якутского перевода, что рождает проблему при осуществлении деятельности при русско-якутском переводе религиозной литературы. В связи с этим, целью настоящей статьи является попытка исследования особенностей перевода, классификации способов, используемых при переводе лексики религиозной литературы на примере собственного перевода «Жития и подвигов преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца».

Для достижения поставленной цели нами были разрешены следующие задачи:

- 1) изучение и классификация способов перевода терминов, безэквивалентной лексики, известных в переводоведении на основе трудов по теории и практике перевода;
- 2) в результате сопоставительно-сравнительного анализа выявить использованные способы перевода и провести их классификацию по видам, также провести статистический анализ использования тех или иных способов и приемов перевода;
- 3) выявить наиболее используемый способ перевода религиозной лексики, наиболее адекватно и эквивалентно передающий смысловую составляющую данной лексической единицы.

При анализе приемов и способов перевода религиозной лексики были рассмотрены, изучены труды видных советских и российских исследователей-переводчиков, касающиеся темы перевода терминов, реалий и безэквивалентной лексики. Однако основополагающими работами являются труды С. Флорина, С. Влахова, Л. С. Бархударова.

Основные положения данной статьи свидетельствуют о том, что некоторая часть религиозной лексики русского языка имеет в якутском языке уже сложившиеся соответствия, а та часть, которая не нашла себе подходящего прижившегося соответствия, была передана разными приемами и способами с максимальным сохранением основной смысловой нагрузки.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования способов и приемов перевода явился лексический материал, относящийся исключительно к православной вере, те реалии и единицы, термины и сочетания, которые относятся к религиозной лексике, который был взят из труда архиепископа Никона Рождественского «Жития и подвигов преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца» и авторского перевода на якутский язык. Методами исследования выступили метод сравнения, сопоставления, наблюдения, анализа и классификации.

Результат исследования

Сравнительный анализ исследования перевода религиозной православной лексики показал, что в основном на материале данной работы были использованы следующие семь способов перевода как в самостоятельном виде, так и в сочетании друг с другом:

- 1) переводческая транслитерация,
- 2) транслитерация в сочетании с описательным переводом,
- 3) транскрипция,
- 4) транскрипция в сочетании с описательным переводом,
- 5) калькирование,
- 6) описательный перевод,
- 7) подбор функционального аналога.

Обсуждение

При работе над теологической литературой переводчик использует не только свои лингвистические знания и навыки, но и общие знания о мироустройстве, истории, культурном контексте создания текста. Религиозные тексты зачастую изобилуют терминами, характерными для реалий того времени, не имеющими аналогов в других странах, что создает дополнительные сложности при переводе. Данный вид лексем следует отнести к реалиям, согласно классификации безэквивалентной лексики С. Флорина и С.Влахова [1, с. 30]. Однако стоит отметить, что несмотря на множество работ, которые посвящены анализу адекватного перевода безэквивалентной лексики, реалий, экзотизмов, ни один из авторов научных работ по теории художественного перевода не заостряет внимания на группе реалий, принадлежащей к лексике церковной, религиозной. Данные реалии упоминаются в исследованиях, как правило, среди этнографических и национальных, но нераскрытыми остаются принципы их перевода.

Как видно из вышесказанного, одним из главных компонентов религиозного текста является наличие особой лексики – реалий религиозного характера. Реалия является частью исходного текста, поэтому ее передача в тексте перевода необходима для создания адекватного перевода. Вопрос сводится не к тому, возможно ли перевести реалию, а к тому, как именно ее переводить.

Рассматриваемая книга, «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца», имея религиозную направленность, содержит множество слов, отражающих действительность религиозной жизни. Такие реалии требуют особого подхода в процессе перевода на другой язык, в частности на якутский.

Анализ особенностей перевода на якутский язык реалий религиозного характера в книге архиепископа Никона Рождественского свидетельствует о том, что процесс перевода реалий неизбежно сопровождается рядом трудностей, таких как: отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта и необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит – ее национальную и историческую окраску.

В этой связи необходимо использовать различные переводческие трансформации для перевода безэквивалентной лексики. Для этого в качестве основного материала мы использовали классификацию, представленную в книге Л. С. Бархударова «Язык и перевод» [2, с. 55]. В данной работе автор выделяет следующие способы перевода безэквивалентной лексики: переводческую транслитерацию и транскрипцию, калькирование, описательный перевод, подбор функционального аналога, гипонимический перевод, метонимический и метафорический перевод [2].

1) Анализ перевода религиозной лексики на материале перевода труда архиепископа Никона Рождественского «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца» показал, что названные выше приемы и способы перевода используются как в самостоятельном виде, так и в сочетании друг с другом. Так, можно выделить следующие самостоятельные способы перевода: переводческая транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный перевод,

подбор функционального аналога. Симбиоз способов представляют два момента: транслитерация в сочетании с описательным переводом и транскрипция в сочетании с описательным переводом.

Транслитерация

При транслитерации средствами языка перевода дается графическая форма (буквенный состав) слова на исходном языке, при этом переданные таким способом слова обычно сопровождаются сносками или пояснениями, вводимыми непосредственно в текст. Однако стоит отметить, что передача буквенного облика иноязычной лексической единицы не раскрывает ее значения, и такого рода слова остаются непонятными читателю. Но несмотря на такие отрицательные моменты, в нашем переводе мы обнаружили в общей сложности 38 реалий из 280, переведенных данным способом. Из них самую большую часть занимают реалии, обозначающие церковные иерархии [3]. 19 реалий из 56 в этой группе переданы полностью в своем оригинальном виде, без дополнительных пояснений, т. к. они не нуждаются в нем. Например: *Иерарх, Архиепископ, Митрополит, Архимандрит, игумен, иерей, епископ, пресвитер, диакон, схимник, иподиакон, иеродиакон, патриарх, келарь, епископ, параклетиарх, пономарь, канонарх, архистратиг, инок* и т. д.

На втором месте по использованию приема транслитерации стоит группа реалий, относящихся к формам и элементам богослужения [4]: *литургия, Евангелие, каждение, канон, Акафист*. Из 34 реалий этой группы 5 переведены при помощи транслитерации. Далее идет группа реалий, относящихся к храму и его частям. В этой группе всего 21 реалия, из них 4 переведены данным способом: *Лавр, обитель, клирос, кафедра*. Из группы реалий, относящихся к предметам культа, богослужения, 3 реалии из 20 переданы транслитерацией: *фимиам, икона, кутия (коливо)*. Общерегионные названия Верховных Существ также подверглись данному способу перевода, 3 примера из 16: *Авва, Апостол, Христос*.

И по 1-2 примера имеют следующие группы: 1) название Существ, воплощающих зло [5]: *Дьявол* (1 пример из 6 реалий); 2) общерегионные термины, относящиеся к действиям и словам верующих [6]: *Аминь, Аполлинарий ерестэрэ* (этот пример мы отнесли к транслитерации, так как основа этих лексем при переводе никак не подверглась изменению, просто приняли аффиксы согласно правилам принимающего языка, 2 примера из 50); 3) священнические облачения: *мантия, клобук* (2 примера из 10); 4) реалии, обозначающие захоронения, могилы: *мощи* (1 пример из 4).

Итак, как видно из вышеприведенных примеров, с помощью транслитерации переведено 39 терминов из общего количества – 280, из них общерегионных терминов – 5 из 79, общехристианских – 34 из 201. Наибольшее количество примеров относится к группе наименований церковной иерархии [7], то есть все священнические саны и чины в якутском языке не имеют эквивалента, в связи с чем графически переносятся без изменений. Некоторые чины можно переводить методом транскрипции, как то: *манаах, Архипастыр*, однако большинство из них не могут быть переданы таким же способом, так как при подобном переводе теряется благозвучие, появляется сложное для восприятия слово. Поэтому было принято решение оставить их в такой же графической форме.

Транслитерация в сочетании с описательным переводом

При переводе с одного языка на другой порой встречается сочетание нескольких приемов перевода. Это имеет место быть при таких случаях, когда переводчик считает, что использование того или иного способа перевода является недостаточным для полной или приближенной передачи смысла определенной лексемы или для обще-контекстуального смысла необходимо пояснение. На примере нашего материала мы обнаружили сочетание транслитерации с описательным переводом. Этот способ был вызван необходимостью пояснения смысла той или иной реалии для полного понимания читателем текста. Как правило, такое пояснение в виде описания дается в некоторых случаях через тире, в некоторых – в скобках.

Итак, в группе общерелигиозной лексики [3] данный способ использован лишь при переводе одной реалии из 79 реалий: *сатана* – *куһаҕан тыын-сатана*. В якутской вере есть жители нижнего мира, называемые *абааһы*, но функционально они отличаются от злого существа, называемого *сатана*. Чтобы достичь адекватного перевода мы обратились к религиозному словарю, согласно которому *сатана* – это падший дух. Соответственно, мы подобрали в качестве описательного варианта якутское понятие *куһаҕан тыын*, т. е. дух, который творит плохие вещи и тянет человека к темной стороне жизни.

Во второй группе, к которой относятся общехристианские термины [3], данное сочетание способов перевода было использовано 18 раз в разных подгруппах. Лидером является подгруппа реалий, к которым относятся предметы богослужения, культа и название пищи [4]: *просфора* – *просфора-килиэп* (букв. хлеб-просфора), *мощи* – *мощи-унуох* (букв. мощи, где хранятся кости), *антиминс* – *антиминс-былаат* (букв. платок-антиминс), *елей* – *елей-арыы* (букв. масло-елей), *кадило* – *кадило* (*лаадан буруолатар тимир иһит*) (букв. жестяная, железная посуда, в которой сжигают ладан), *скрижали* – *скрижаль* (*ытык тизкис суруллубут дуоската*) (букв. доска, где написан святой текст), *киот* – *киот-холбука* (букв. короб, сундучок-киот), *потир* – *потир-иһит* (букв. посуда-потир). В этой подгруппе всего 20 реалий, из которых 7 переведены сочетанием транслитерации и описательного способа перевода. Как видно, в некоторых примерах описание дается с помощью одной лексемы, которая является видовым понятием: *просфора-килиэп*, то есть просфора относится к разновидности хлеба, или *елей-арыы*, вид древесного масла. Также наблюдаем распространенное описание, которое дается в скобках. В данном случае переводчики предлагают объяснение данной реалии.

По 4 примера использования данного способа перевода мы находим в двух группах, формы и элементы богослужения: *тропарь* – *тропарь-ырыа* (букв. песня-тропарь), *кондак* – *кондак-ырыа* (букв. песня-кондак), *псалмы* – *псалом-ырыа* (букв. песня-псалом), *заупокойная литургия* – *дууһа уоскулангы буларын туһугар литургия* (букв. литургия для успокоения души) (4 примера из 40 реалий) и священнические облачения: *рясофор* – *рясофор-танас* (букв. одежда-рясофор), *параманд* – *параманд-танас* (букв. одежда-параманд), *схима* – *схима-мантия*, *риза* – *риза-танас* (букв. одежда-риза) (4 примера из 10 реалий). В этих примерах лексемы, использованные для описания реалий, также относятся к видовому понятию данных реалий, кроме 2 случаев. Очень интересен перевод *схимы* с описательной частью, которая сама же является реалией. Однако якутскому читателю слово *мантия* более понятна чем *схима*, в этой связи понимается, что схима является разновидностью мантии.

По одному примеру мы нашли в подгруппах: 1) церковные праздники, «Таинства»: *Успенъев день* – *Успенъе кунун* (*Айыы Тойон Тангара Ийэтэ Ыраастан Ыраас Кыыс Мария үйэлээх уутугар утуйбут күнэ. Атырдьах ыйын 15 (28) күнүгэр бэлиэтиллэр*) (1 пример из 13); 2) храм и его части, строения: *келлийка* – *келлия-дьиэ* (1 пример из 22); 3) наименование захоронений, могил: *рака* – *рака-унуох* (1 пример из 4).

Транскрипция

Если при транслитерации передается графическая форма (буквенный состав) слова, то при транскрипции передается его звуковая форма путем переложения звуков на буквенный состав принимающего языка. В якутском языке такие транскрибированные термины занимают достаточно большое место в лексическом составе и довольно активно употребляются. Ввиду того, что православная религия в Якутии развивается более 300 лет, многие термины подверглись такому транскрибированию еще в 1800-х гг., и принимаются якутским читателем уже как якутские слова. В связи с этим некоторая часть транскрибированных терминов может быть использована при переводе без дополнительных пояснений, так как они понятны.

Итак, если обратиться к нашему материалу, то анализ показал, что с помощью транскрипции было переведено 29 терминов, из них 10 примеров из общерелигиозной группы и 19 примеров из общехристианской группы. Большая часть примеров из подгруппы «название иерархии священников служителей».

В общерелигиозной группе у нас есть 79 терминов, обозначающих те или иные понятия, распространенные у всех религий, которые у нас подразделены на 5 подгрупп. Из этих пяти подгрупп способом транскрибирования переданы 10 терминов из трех групп: 1) реалии, обозначающие Верховных и божественных Существ: *святыня* – *сибэтиинньэ*, *пророк* – *бороруок*, *Ангел* – *Аанньал*, *архангел* – *архаанньал* (4 термина из 16); 2) реалии, обозначающие религиозные представления о человеке: *душа* – *дууһа* (1 реалия из 8); 3) религиозные термины, относящиеся к действиям и понятиям верующих: *молитва* – *мэлииппэ*, *освятит* – *сибэтиилээбитэ*, *суд Божий* – *Тангара суута*, *служение* – *сулуусна*, *манна* – *маанна* (5 примеров из 42 терминов).

В общехристианской группе способ транскрибирования обнаружен в 7 подгруппах, в общей сложности 19 примеров из 201 термина данной группы. Очевидным является тот факт, что наибольшее количество примеров данного способа перевода относится к подгруппе, к которой относятся реалии, обозначающие церковную иерархию и сословие верующих. Так, данному способу перевода подверглось 7 терминов из 56 реалий: *Святитель* – *Сибэтиитэл*, *Архипастырь* – *Архипаастыр*, *монах* – *манаах*, *духовенство* – *духубуна*, *братия* – *бырааттар*, *иеромонах* – *иероманаах*, *духовник* – *духубунньук*.

Далее идет подгруппа, куда относятся наименования храма, его частей, строения: *монастырь* – *манастыыр*, *алтарь* – *аалтаар*, *часовня* – *чочубуна*, *Собор* – *Собуор* (4 примера из 21 термина). Из подгруппы, куда относятся формы и элементы богослужения и т. д., транскрибированию подверглись 3 термина из 34: *псалтырь* – *саалтыыр*, *молебен* – *мэлиэбэн*, *святое крещение* – *сибэтиэй кириэстэни*. По 1-2 примера имеют подгруппы: 1) названия Верховных Существ: *Богородица* – *Бобуруодьусса* (из 10); 2) церковные праздники: *Покров* – *Бокуруон* (из 11); 3) предметы богослужения, культа: *лампада* – *лампаада*, *крест* – *кириэс* (2 примера из 23); 4) наименование захоронений, могил: *гробница* – *хоруон* (1 пример из 4).

Транскрипция в сочетании с описательным переводом

При переводе художественных текстов переводчики прибегают к сочетанию двух приёмов – описательному переводу и транскрипции, где описательный перевод даётся в сноске или в качестве комментария. Эта техника даёт возможность сочетать краткость средств выражения, свойственную транскрипции, с раскрытием семантики данного слова, достигаемой через описательный перевод, т. к., разяснив однажды значение данного слова, переводчик в дальнейшем может использовать транскрипцию или кальку, смысл которой уже понятен читателю.

Примеров такого сочетания в нашем материале не так много, из 280 терминов всего 7 терминов из группы общехристианской лексики подверглись такому способу перевода. Среди них наибольшее количество примеров из подгруппы, куда относятся реалии, относящиеся к формам и элементам богослужения: *молебен* – *мэлиэбэн сулуусна*, *клиросное послушание* – *клироһу (Тангара дьэитин хуорун мэстэтин) дьаһайара*, *панихида* – *панихида (кэриэстиир сулуусна)* (3 реалии из 34). В подгруппе «священнические облачения» 2 реалии из 10 переведены таким образом: *ряса* – *эрээсэ ырбаахы*, *риза* – *эриисэ танас*. И по одной реалии из подгруппы «предметы богослужения»: *царские врата* – *ыраахтаабылыгы бороута аан*; и подгруппы «храм и его части»: *колокольня* – *куолакал олобо*.

При выборе описательной части переводчик обращался к православному словарю на сайте «Азбука Веры» и, руководствуясь тем объяснением, находил вариант пояснения. Отсюда можно сделать вывод, что переводчик следовал принципу смыслового перевода, стараясь как можно точно передавать смысл контекста.

Калькирование

Еще одним способом передачи безэквивалентной лексики является калькирование, которое заключается в замене составных частей-морфем или слов данной лексики их прямыми лексическими соответствиями в языке перевода. Кальки позволяют перенести в язык перевода реалию при максимально верном сохранении семантического содержания. На материале нашего перевода мы обнаружили всего 11 примеров использования способа калькирования по разным группам и подгруппам.

Наибольшее количество примеров относится к подгруппе «церковная иерархия и сословие»: *псалмопевец – псалом ыллааччы, богомольцы – танараба үгээччи, кандилловжигатель – кандило уматааччы, иконописцы – икона суруйааччылар* (4 примера из 56 реалий). В подгруппе «формы богослужения» обнаружено 3 примера калькирования из 34 реалий: *Богослужения – Танара сулууспата, священнодействие – сибэтиэй дьайыы, богомыслие – танара туһунан толкуй*. Наименование Верховных и божественных Существ из группы общехристианская лексика в трех случаях из 10 реалий подверглось калькированию: *Иоанн Богослов – Танара тыллаах Иоанн, Богоматерь – Танара ийэтэ, Троицкое Божество – Үс ипостастаах Танара*; и из группы общерелигиозная лексика 1 случай из 16: *первосвятители – бастакы сибэтиитэллэрбит*.

Из приведенных примеров видно, что способ калькирования в данных примерах сочетается и с другими способами перевода, такими как: транслитерация, транскрипция. Это обоснуется тем, что аналогов данные реалии на языке перевода не имеют, и, соответственно, в таком употреблении они воспринимаются читателем адекватно оригиналу.

Описательный перевод

Описательный способ передачи безэквивалентной лексики, по мнению Л. С. Бархударова, заключается в раскрытии значения лексической единицы исходного языка при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления при помощи ее дефиниции на другом языке. Описательный перевод имеет серьезный недостаток – он обычно оказывается весьма громоздким и неэкономичным. Однако реалии, относящиеся к религиозной тематике, очень часто требуют развернутого комментария, без которого их смысл не будет передан.

В нашем случае после тщательного анализа выявлено использование описательного перевода только в группе общехристианской лексики – это 17 примеров из 280 реалий данной группы. В основном это примеры из подгрупп, относящихся к наименованию храма, его части (5 примеров из 21): *притвор церковный – танара дьэтигэр кишэр аан, церковь – кыра танара дьэйтэ, ризница – иһити-хомуоһу уулар хос, хлебня – килиэп буһарар дьиз, поварня – ас астыыр дьиз*; и наименованию иерархии и сословий служителей (5 примеров из 56): *преосвященный – танара дьэтин үрдүк сололобо, столпник – таас үрдүгэр үгээччи, пустынный – кураайыма олохтообо, ризничный – танара дьэтин малын-салын дьаһайааччы, молчальник – саҕата суох туруулаһааччы*.

В подгруппе «предметы богослужения и культура» 3 реалии из 20 были подвергнуты описательному переводу: *святцы – танара дьэтин халандаара, житие – сибэтиэй олобу суруйуу, хартия – пергамен-кумаабы*. И по одному примеру из 4 разных подгрупп: 1) «церковные праздники и «Таинства»: *День Преполовления Пятидесятницы – Паасха уонна Ытык Үс Сибэтиэй күнүн икки ардынаабы кэм оруобуна ортотун бэлиэтиир күн (50 хонук аҕаара аастыт диэн суолталаах күн)*; 2) «формы и элементы богослужения»: *исповедь – хараастыбыт санааны үллэстии*; 3) «священнические облачения»: *свитка – уһун танас*; 4) *усыпальница – унуох тутар сир*.

Резюмируя вышеприведенные примеры, можно сказать, что путем использования описательного перевода данные реалии весьма адекватно влились в текст и достаточно полно передают смысл данных реалий.

Подбор функционального аналога

Перевод при помощи «аналогии» заключается в подборе ближайшего по значению соответствия в языке перевода для лексической единицы из языка оригинала. При переводе реалии часто используется приём функционального аналога (приближенный перевод), т. е. изображение одной и той же предметной ситуации в языке перевода на основе схожих понятий. В нашем переводе данный способ перевода имеет лидирующую позицию, так при помощи подбора функционального аналога переведено 135 реалий из 280 из двух групп и 13 подгрупп.

В первой группе, к которой относятся общерелигиозные термины, прием подбора аналогии можно заметить во всех 5 подгруппах:

1) «название Верховных и Божественных Существ»: *Бог – Тангара, Господь – Тангара, Предтеча – Сибикитит, Творец – Айылҕа, Господь Бог – Тойон Тангара, Единый Бог – Соботох Тангара, Живущий на небесах – Халлаанна олорооччу, Владыка – барыны Бас Билээччи, Спаситель – Быһааччы* (8 из 16). В данных примерах мы наблюдаем кроме функционального соответствия и смысловую передачу реалии. К примеру, реалия *Творец* мог быть переведен как *Айааччы, Онорооччу* и т. д., но переведен *Айылҕа*. В данном случае переводчик, исходя из якутского восприятия мира, перевел таким образом, ведь для якутского народа творцом всегда выступала мать-природа, то есть идет соотнесение двух верований – творец как природа и творец как Бог, живущий на небесах.

Реалии со словом *Бог* в якутском языке всегда переводятся как *Тангара*. Лексема *Тангара* берет свои корни от древнетюркского слова *Тэнгри*, который имеет следующие значения: небо, небесный дух, т. е. это есть верховное божество неба тюркских народов. Соответственно, реалии *Бог* и *Тангара* являются названиями схожих понятий.

2) «название существ, воплощающих зло»: *бес – абааһы, супостаты – абааһы үөтүтэрэ, злые духи – куһаҕан тыын, привидения диавольские – адьарай абааһылар* (4 из 6). В якутском понимании мира все, что приносит несчастье людям из срединного мира связано с жителями нижнего мира, т. е. племенами *абааһы*, которые по своей природе и содержанию имеют некоторые сходства с *бесами* и *супостатами*.

3) «название реалий загробной жизни»: *тьма кромешная – үтүгэн, вечный покой – үйэлээх сынньалан* (2 из 7). *Тьма кромешная* в своем контексте означает ад, куда попадают грешные души. При переводе мы использовали аналог *үтүгэн*, что имеет *мифологическое значение как* пропасть, бездна: *түөрт үтүгэн или үтүгэн түгэбэ* подземный мир, преисподняя.

4) «религиозные представления о человеке»: *проповедник – итэҕэли тарҕатааччы, дух – санаа, тыын, өй-санаа, праведник – сөптөөх олохтоох дьон, духовный мир – ис дууһа, раб(а) Божий(ья) – Тангара кулута* (7 из 8). В данной подгруппе функциональная аналогия также сочетается со смысловым переводом, так, та или иная реалия находит свой перевод в зависимости от контекста. Например, можно рассмотреть реалию *дух*, которая в одном случае переведена как *санаа*:... *напитал своим крепким духом...* – *кытаанах санаатын ингэрбитэ*; во втором случае как *тыын*: ...*скрепленное духом Православия – Православие тыынынан ситимнэммит...*; и в третьем – *өй-санаа*: ...*носителем христианского православного духа...* – ...*христианныи православнай үрдүк өйдөөх-санаалаах буоларын быһыытынан...*

5) «действия верующих»: *исповедания – ыраастаныы, мольба – көрдөһүү, постнические труды – туттунар үлэтэ, подвиг – хоодуот быһыы, представился – суох буолбут, Боже почивший – Тангараба дууһатын туттарбыт, ребенок-постник – хараланар кыһыл оҕо, Промысел – дьикти санаа, пути Провидения – Тангара суола-ииһэ, откровения от Бога – Тангара эрдэттэн аһаҕас арыллыыта, Божественное Промышление – Тангара ураты санаата, Воля Божья – Тангара онгоһуота, молитвенница – танараһыт ийэ, милость Божья – Тангара улуу үтүөтэ, обет – андаҕар тыл, моленная – үгэр хос, поминовение – санабыл, порок – үлүскэн и т. д.* (36 примеров из 42). В этой подгруппе

наблюдается смысловой перевод, который передается при помощи использования функционального аналога.

Вторая группа включает в себе лексику общехристианского характера, общее количество – 201 реалия, из которых данным способом переведено 78 лексем, что является больше 1/3 всех реалий данной группы. Исходя из этих цифр можно предположить, что перевод является адекватным и смысловым по отношению к оригиналу. Попробуем проанализировать данную гипотезу, рассматривая каждую из подгрупп:

1) *Святая Троица – Ытык Үс, Пресвятая Троица – Ытык Үс, Господь Сил – Айыы Тойон Тангара, Преподобная Дева – Ыраастан Ыраас Кыыс* (4 из 10). В этой подгруппе стоит уделить внимание сочетанию *Святая Троица* и *Пресвятая Троица*, которая переведена в обоих случаях как *Ытык Үс*. В первых переводах она переводилась путем транскрипции и транслитерации как *Сибэтиэй Троица*, а в более поздних переводах Института Библии она стала переводиться как *Ытык Үс* путем функционального аналога. В связи с этим мы также предпочли последний аналогичный вариант перевода данной реалии.

2) *Таинство Покаяния – аньыыны-хараны билини Кистэлэнэ, Великий Пост – Улуу Хараланыы* (2 из 11). В первом примере реалия *Таинство* нашла свой аналог в якутском языке в лексеме *Кистэлэнэ*, а *Покаяние* в сочетании *аньыыны-хараны билини*, в результате появилось очень близкое по духу к якутскому читателю понятие и при этом сохранился религиозный стиль. Реалия *Пост* в якутском языке имеет такие соответствия, как *Хараланыы*, *Туттунуу*, однако в данном случае мы выбрали первый вариант, так как он стоит в сочетании с прилагательным *великий*, с якутским аналогом которого по смыслу наиболее подходит.

3) *Трисвятая Песнь – Ытык Үс ырыа, Херувимская песнь – Херувим ырыата, Священное Писание – Ытык Суруйуу, утренняя – сарсыардаангы, полунощница – түүүн үһүнээби, вечерняя – кизһээнги, повечерие – утуйуох иннинээби, третий, шестой и девятый часы – үс, алта, тобус чаастаабы, молебные пения – мэлиппэ ыллыыллара, Символ Веры – Итэбэл Бэлиэтэ, Крестный ход – Кириэстээх хаамыы, безмолвие – бүгээһин, богомолie – сибэтиэй үгэр сир, подвиг совершенного молчания – сангата суох буолар хоодуот быһыы* (14 из 34). Данная группа примеров относится также к смысловому переводу путем использования функционального аналога. Все реалии, которые относятся к данной подгруппе, в той или иной степени нашли свои функциональные замены и нашли в тексте свое место, тем самым делая перевод ближе к якутскому читателю.

4) *Церковь – тангара дьыэтэ, храм Божий – тангара дьыэтэ, пустыня – кураайыма, южный притвор – собуруу тутуута, северные двери храма – хоту өттүнээби аан, юго-западный притвор – собуруулуу-арбаа энэрэ* (6 из 21). В подгруппе «храм и его части» мы заметили, что ряд реалий, называющих разные строения, на якутский язык переводится устоявшимся сочетанием *тангара дьыэтэ*, что означает *дом бога, дом, где живет или обитает бог*. Тем более, что церковь это и есть храм, то есть эти реалии являются синонимами. Термин *кураайыма* был придуман Д. К. Сивцевым-Суорун Омоллоном во время его редакторской работы над переводом православной литературы, берет свое начало от слова *кураанах* и означает *пустое, пустынное место*. В связи с этим, при переводе реалии *пустынь, пустыня* нами был использован данный термин, так как реалия *пустынь*, согласно православному словарю, означает монастырь или скит, находящийся в отдаленном пустынном месте. Реалия, означающая часть храма *притвор* также нашла свою адекватную замену в виде лексем *тутуу* и *энэр*.

5) *Ковчежец – холбука, икона – күлүк* (2 из 20). Две реалии из подгруппы «предметы богослужения, культура» являются ярким примером аналогичной замены, так как *ковчежец* означает денежный ящик, сумка, киотка для икон, что в якутском языке нашло аналог в виде слова *холбука*, также означающего ящик для хранения вещей.

Что же касается лексемы *күлүк*, то он означает тень, то есть в данном контексте понимается как тень святых, для православного якута икона соотносится с тенью святых.

6) *Инок – манаах, молящийся – үнээччи, подвижник – туруулаһааччы, отцы-подвижники – туруулаһааччы-абалар, печальник – курутуйааччы, священник – аҕабыт, старец-черноризец – кырдыаҕас аҕабыт, пустынный – кураайыма олохтооҕо, старец – кырдыаҕас, постриженник – кырыйтарааччы, настоятель обители – манастыыр салайааччыта, послушник – истигэн, благочинный – бэрээдэк көрөөччү, строитель – тутааччы (тутар), келейный ученик – келлиятааҕы үөрэнээччи (14 из 56).*

7) В подгруппе «церковно-христианские эпитеты» нами обнаружено 35 эпитетов, которые переведены с помощью подбора функционального аналога. Например: *преподобный – Тангараҕа холоонноох, старец духовный – ытык кырдыаҕас, присный ученик – мэлдьитин кини үөрэнээччитэ, пречудный – бэрт дыкти, подвижническая жизнь – эрдээх олох, благоговейные – сүгүрүйэр тангараһыттар, богоносный – тангаралаах, грешный – аньыылаах, богомудрые – тангаралыы муударай, благочестивый читатель – тангараны итэҕэйэр ааҕааччы, богоугодные – тангара санаатын табар, благодетель – утүөнү онгорор* и т. д.

Заключение

В заключении целесообразно отметить, что цель, поставленная в начале статьи, выполнена, проведен анализ особенностей и способов перевода труда религиозного характера «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца» с русского на якутский язык. Таким образом, значительной особенностью данного перевода является обилие религиозной лексики, которая на переводящем языке не смогла найти эквивалентное соответствие. В связи с тем были рассмотрены варианты и способы перевода, предложенные С. Флориным, С. Влаховым, Л. С. Бархударовым, используемые при переводе безэквивалентной лексики: переводческая транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный перевод, подбор функционального аналога. В процессе анализа способов перевода, использованных при рассматриваемом переводе, мы пришли к тому, что в некоторых местах использованы сочетания следующих способов перевода: сочетание транслитерации и описательного перевода, сочетании транскрипции и описательного перевода.

Резюмируя все вышесказанное, необходимо сделать вывод, что наиболее употребительным оказался перевод при помощи функционального аналога, данным способом переведено 135 реалий из 280. На втором месте по активности стоит способ транслитерации, этим приемом переведено 38 реалий из 280. Третьим по мере использования является способ транскрипции, который имеет место быть в 27 случаях из 280. Четвертое место занимает с 19-ью примерами сочетание транслитерации с описанием. За ней идет описательный перевод в самостоятельном виде, с помощью которого переведено 17 реалий из 280. На шестой позиции по актуальности оказался способ калькирования, которому подверглись 10 терминов из 280. И наименее употребительным оказался способ, сочетающий транскрипцию с описанием: 7 примеров из 280.

Если анализировать активность того или иного способа перевода по подгруппам реалий, то смело можно сказать, что способ транслитерации, транскрипции в самостоятельном виде и в сочетании с описательным способом, а также описательный способ перевода наиболее употребительны в подгруппе реалий, которые обозначают церковную иерархию, наименование захоронений, церковные праздники и Таинства, предметы богослужения и культа. Подбор функционального аналога получил активное использование при переводе христианских эпитетов, названиях Божественных существ, общерелигиозных понятий. Использование вышеприведенных способов перевода свидетельствует о том, что автор руководствовался принципом смыслового перевода,

не нашедшая в якутском языке безэквивалентная религиозная лексика сохранила свою смысловую ценность, богатство и достаточно адекватно передана на якутском языке.

Л и т е р а т у р а

1. Влахов, С. И. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – Москва : Валент, 2009. – 360 с. – Текст : непосредственный.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – Москва : Междунар. отношения, 1975. – 240 с. – Текст : непосредственный.
3. Тимофеев, К. А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: учебное пособие / К. А. Тимофеев. – Новосибирск. 2001. – 88 с. – Текст : непосредственный.
4. Бугаева, И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Бугаева. – Москва. 2010. – 49 с. – Текст : непосредственный.
5. Булавина, С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Булавина. – Воронеж, 2003. – 24 с. – Текст : непосредственный.
6. Петухова, М. Е. Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке: автореферат диссертации кандидата филологических наук / М. Е. Петухова. – Казань. 2003. – 28 с. – Текст : непосредственный.
7. Четырина, А. М. К вопросу о разграничении церковной и религиозной лексики в толковых словарях русского языка / А. М. Четырина. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы изучения духовной культуры. – Москва – Ярославль : Ремдер, 2010. – С. 104–108.

R e f e r e n c e s

1. Vlahov, S. I. Neperevodimoe v perevode / S. I. Vlahov, S. P. Florin. – Moskva : Valent, 2009. – 360 s. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Barhudarov, L. S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda) / L. S. Barhudarov. – Moskva : Mezhdunar. otnosheniya, 1975. – 240 s. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Timofeev, K. A. Religioznaya leksika russkogo yazyka kak vyrazhenie hristianskogo mirovozzreniya: uchebnoe posobie / K. A. Timofeev. – Novosibirsk. 2001. – 88 s. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Bugaeva, I. V. Yazyk pravoslavnoj sfery: sovremennoe sostoyanie, tendencii razvitiya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / I. V. Bugaeva. – Moskva. 2010. – 49 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Bulavina, S. V. Russkie ustojchivye slovosochetaniya, sodержashchie cerkovno-religioznuyu leksiku: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / S. V. Bulavina. – Voronezh, 2003. – 24 s. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Petuhova, M. E. Funkcional'nye osobennosti cerkovnoj leksiki s predmetnym znacheniem v russkom yazyke: avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk / M. E. Petuhova. – Kazan'. 2003. – 28 s. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Chetyrina, A. M. K voprosu o razgranichenii cerkovnoj i religioznoj leksiki v tolkovykh slovaryah russkogo yazyka / A. M. Chetyrina. – Tekst : neposredstvennyj // Aktual'nye voprosy izucheniya duhovnoj kul'tury. – Moskva – Yaroslavl' : Remder, 2010. – S. 104–108.

УДК 821.512.157-1

*В. Е. Степанова***Художественное своеобразие романа в стихах
«Аччыгы уол» («Младший сын»)
С. С. Васильева-Борогонского**

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В последнее время в современном литературоведении вопрос изучения индивидуального стиля конкретного писателя, определяющего его эстетическое восприятие и мировоззрение, становится одним из самых исследуемых. Актуальность данного исследования определяется необходимостью анализа способов построения стиха, выразительных средств и тропов, являющихся одним из параметров, определяющих идиостиль и мастерство якутского поэта С. С. Васильева. Его произведение «Младший сын» является первым романом в стихах в якутской литературе, однако специального исследования, касающегося вопросов художественного своеобразия и поэтики романа, не проводилось в полном объеме. В своеобразной ритмической, звуковой организации стиха произведения, в употребляемых автором средствах выразительности наблюдается существенное влияние фольклорной традиции. Цель исследования – раскрытие художественного своеобразия романа в стихах «Младший сын» С. С. Васильева посредством изучения особенностей стиха и поэтического языка произведения в контексте выявления фольклорных традиций; раскрытия специфики использования средств художественной выразительности, характеризующих художественное своеобразие романа в стихах. Для достижения поставленной цели решаются задачи изучения специфики жанра, темы, сюжетно-композиционного построения романа в стихах, проводится анализ стиховой организации и поэтического языка произведения. В результате изучения ритмико-интонационной, звуковой организации стиха, а также использованных поэтом средств словесной образности выявляется художественное своеобразие романа в стихах «Младший сын».

Ключевые слова: С. С. Васильев-Борогонский, роман в стихах, лирическое отступление, аллитерация, синтаксический параллелизм, повторы, риторические фигуры, тропы, фольклорная поэтика, идиостиль.

DOI 10.25587/SVFU.2021.84.4.009

СТЕПАНОВА Варвара Егоровна – магистр филологии, н. с. Института А. Е. Кулаковского, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: varvarast77@mail.ru

STEPANOVA Varvara Egorovna – Master of Philology, Researcher at the Institute of A. E. Kulakovsky, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

V. E. Stepanova

The artistic originality of the novel in verse "Achchygyi Uol" ("Younger Son") by S. S. Vasilyev-Borogonsky

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Recently, in modern literary studies, the question of studying the individual style of a particular writer, which determines his aesthetic perception and worldview, has become one of the most studied. The relevance of this research is determined by the need to analyze the ways of constructing verse, expressive means and tropes, which are one of the parameters that determine the idiosyncrasy and skill of the Yakut poet S. S. Vasilyev. His work "The Younger Son" is the first novel in verse in the Yakut literature, but a special study concerning the issues of artistic originality and poetics of the novel was not carried out in full. In the peculiar rhythmic, sound organization of the verse of the work, in the means of expression used by the author, there is a significant influence of the folklore tradition. The purpose of the research is to reveal the artistic originality of the novel in verse "The Younger Son" by S. S. Vasilyev by studying the features of the verse and the poetic language of the work in the context of identifying folklore traditions; revealing the specifics of using the means of artistic expression that characterize the artistic originality of the novel in verse. To achieve this goal, the tasks of studying the specifics of the genre, theme, plot and compositional construction of the novel in verse are solved, the analysis of the verse organization and the poetic language of the work is carried out. As a result of studying the rhythmic-intonation, sound organization of the verse, as well as the means of verbal imagery used by the poet, the artistic originality of the novel in the verses "The Younger Son" is revealed.

Keywords: S. S. Vasilyev-Borogonsky, novel in verse, lyrical digression, alliteration, syntactic parallelism, repetitions, rhetorical figures, tropes, folklore poetics, idiosyncrasy.

Введение

В истории якутской литературы значительное место занимает творчество Сергея Степановича Васильева-Борогонского (1907–1975), положившего начало зарождению романа в стихах в якутской литературе. Роман в стихах «Младший сын» [1] оценивается исследователями как первый опыт написания крупного синтетического произведения. Определенную степень изученности произведения демонстрируют работы якутских исследователей: вопросы жанровой специфики романа в стихах произведения были рассмотрены П. В. Максимовой [2], исследование вопросов взаимодействия фольклора и якутской литературы – М. Н. Дьячковой [3], вопросы влияния фольклора на творчество – С. С. Васильевым и В. Т. Петровым [4], проблемы создания романа в стихах – Н. З. Копыриным [5]. Проблеме синтаксиса, особенностям построения предложений текста произведения посвящена работа Н. Н. Ефремова [6]. Литературовед С. Е. Ноева на основе текста романа в стихах С. С. Васильева определяет основные аспекты развития жанра романа в стихах в якутской литературе [7]. Как видно, роман в стихах «Младший сын» в разное время становился объектом изучения исследователей, однако работ, предметом исследования которых являются особенности стиховой организации произведения, изобразительно-выразительные средства, использованные поэтом, недостаточно.

Безусловно, художественное своеобразие романа в стихах обнаруживается в системе изобразительных средств и приемов, используемых поэтом. Особенностью способов организации стиха, образной речи поэта является обращение к эстетическим принципам олонхо и народных песен. Творческое усвоение поэтом приемов и средств фольклорной поэзии выступает основным характеризующим признаком индивидуального стиля С. С. Васильева. В этой связи вопросы особенностей стиха, поэтической образности текста романа в стихах «Младший сын» С. С. Васильева достойны более глубокого изучения.

Специфика и история жанра романа в стихах

Изучение специфики жанра играет большую роль при анализе произведения в целом. Роман в стихах является литературным жанром синтетического характера, в котором сохраняются признаки романа в стихотворной форме. Под термином «роман в стихах» понимается «литературный жанр, сочетающий присущие роману свойства композиции, хронотопа и системы персонажей со стихотворной формой. Хотя возможны определенные аналогии между романом в стихах и стихотворным эпосом, особенно в его поздних авторских разновидностях, становление романа в стихах как жанра происходило на фоне уже развитого романного жанра в прозе – при этом в жанровой системе поэзии новейшего времени роман в стихах соотносился со сформировавшимся ранее жанром поэмы так, как в жанровой системе художественной прозы роман – с повестью; в обоих случаях границы между жанрами зыбки и условны» [8, с. 363]. Роман в стихах придерживается параметров эпического романа повествовательной формы: развитие сюжета, система персонажей, раскрытие их характеров. В то же время в нем должны соблюдаться принципы, свойственные форме лирических жанров посредством стиха. В произведениях синтетической жанровой формы присутствуют внесюжетные элементы – лирические отступления, через которые автор выражает рассуждения, размышления, передающие отношение к изображаемому, чувства сопереживания персонажам. В этом плане автор-повествователь выступает как лирический герой произведения.

Зарождение романа в стихах в истории русской литературы связывается с произведением «Евгений Онегин» (1831) А. С. Пушкина. Роман в стихах великого поэта служит классическим образцом синтетического жанра. В. И. Иванов, указывая на признак принадлежности «Евгения Онегина» к жанру романа в стихах, подчеркивает: «Поэт не ограничивается обрисовкой своих действующих лиц на широком фоне городской и деревенской, великосветской и мелкопоместной России, но изображает (что возможно только в романе) и постепенное развитие их характеров, внутренние перемены, в них совершающиеся с течением событий...» [9, с. 247].

Роман в стихах не является распространенным жанром в истории национальных литератур. В то же время имеются яркие произведения, относящиеся к данному жанру. В русской литературе выделяются романы в стихах «Спекторский» (1931) Б. Пастернака, «Сквозь слезы» (1957) В. Казанского, «Добровольцы» (1969) Е. Долматовского и др.

Крупные лиро-эпические произведения в якутской литературе

Существенный вклад в развитие синтетического жанра в якутской литературе внес поэт Г. И. Макаров-Джуон Джангылы, который перевел роман в стихах «Евгений Онегин» на якутский язык. Более того, поэт написал роман в стихах «Уйбаанчык» («Иванчик», 1945). Произведение «Иванчик» написано онегинскими строфами, которые свидетельствуют об уникальности стиховой организации произведения и мастерства поэта Г. И. Макарова-Джуон Джангылы.

Лиро-эпические произведения большого объема были изданы в первой половине 1960-х гг. Вслед за романом в стихах «Младший сын» С. С. Васильева были напечатаны «Күн хайата» («Солнечная гора», 1962) И. М. Гоголева, «Уолаттар уонна кийииттэр» («Сыновья и невестки», 1964) Р. Д. Багатайского, а также повести в стихах «Ымы уонна

Налбыһах» («Ымы и Налбысах», 1961) В. М. Новикова-Кюннюк Урастырова, «Көннөрү киһи кэпсээнэ» («Рассказ простого человека», 1962) Г. Г. Вешникова-Баал Хабырыыса. По мнению литературоведов, в истории якутской литературы романы в стихах создавались во время важных перемен в жизни общества [10]. Появление крупных лиро-эпических жанровых форм в якутской литературе, как указывает П. В. Максимова, связано с временем так называемой «оттепели». Этот период оказывает непосредственное влияние на специфику тематики, сюжета, системы образов персонажей, поэтического языка и формы крупных произведений синтетического жанра [2]. В стихотворных романах и повестях на первый план выходят образы «простого человека», т. е. главным героем произведений становится «простой, обычный человек».

В произведениях И. М. Гоголева, Р. Д. Багатайского ярко освещается тема, охватывающая социальные и морально-нравственные проблемы подрастающего поколения. В стихотворном романе «Солнечная гора» И. Гоголева поднимаются «актуальные экзистенциальные проблемы, как выбор жизненного пути, преодоление юношеского инфантилизма» [10, с. 200]. Эстетической особенностью романа И. Гоголева считается четкая строфическая структура произведения. В повести в стихах «Рассказ простого человека» художественно отображаются трагические картины времен тоталитарного режима. Стихотворный роман Р. Багатайского посвящается проблеме становления личности молодого человека. В стихотворной повести «Ымы и Налбысах» отображается картина жизни и быта якутского народа двадцатых-тридцатых годов прошлого столетия. На противопоставлении образов главных персонажей автор описывает перемены в жизни общества.

Таким образом, появление романов в стихах в якутской литературе представляет собой новый этап в ее истории, когда в лиро-эпических произведениях большого объема отражаются не только проблемы простого человека, но и затрагиваются политические темы, картины жизни периода тоталитарного режима. Кроме новаторства в плане содержания, поэты и писатели обогатили стиховую организацию романа в стихах как редкого явления в якутской литературе.

Поэтика романа в стихах «Младший сын» С. С. Васильева

В произведении отражается широкая эпическая картина якутской действительности с 1920-х до 1940-х гг. Несомненным достоинством произведения считается то, что в романе в стихах реалистически передана целостная картина событий постреволюционной классовой борьбы, земельной реформы, коллективизации в Якутии и стране в целом. Поэт глубоко освещает социально-историческую тему о преобразовании общества, создании колхозов.

Литературовед Г. Р. Кардашевский отмечает, что автор романа в стихах «Младший сын» показывает целостную картину революционной героики народа против старого устоя общества, их стремления к развитию новой жизни [11, с. 137]. Н. З. Копырин называет роман в стихах С. С. Васильева вершинным произведением поэта. Исследователь указывает, что автор, основываясь на материалах своей трудовой биографии, общественной работы во благо развития сельского хозяйства, смог создать крупное лиро-эпическое повествование [5, с. 85]. М. Н. Дьячковская, поясняя значимую роль в обогащении и развитии жанрового разнообразия якутской литературы произведения поэта, утверждает, что роман в стихах С. С. Васильева отвечает основным принципам жанровых особенностей романа в стихах: «Определенная автобиографичность героя, личные знания и жизненный опыт поэта позволили ему создать в произведении одно из главных романских качеств – целостную картину того времени» [3, с. 93].

По мнению С. Е. Ноевой, роман в стихах «Младший сын» имеет сходные черты с народным эпосом, это наблюдается в раскрытии образа главного героя и в построении сюжета романа в стихах. Также литературовед отмечает, что: «Незримое присутствие

в тексте образа самого сказителя, ориентация на слушателя предполагает наличие коммуникации между «зрителем и сказителем», как и в народном эпосе» [7, с. 102]. Несомненно, в данном случае, сказителем выступает автор произведения.

Наличие лирических отступлений в произведении является одним из важных свойств соответствия жанру романа в стихах: «Одну из особенностей романа в стихах составляет образ автора, иногда активно включающийся в повествование наравне с героями» [8, с. 363]. Поэт включает в свое произведение лирические отступления, в которых выражается присутствие автора в романе. С. С. Васильев в авторских вставках поэтически описывает свое отношение к изображаемым героям и событиям, что можно подтвердить словами М. Н. Дьячковой: «Несомненным достоинством романа является взятый поэтом угол зрения на жизнь, идущий от народных представлений о нравственности, добре и зле и др., ярко выраженный в лирических отступлениях» [3, с. 94]. Следовательно, роман в стихах С. С. Васильева соответствует требованиям специфики жанра.

Автор романа в стихах раскрывает образ борца за справедливость, строителя нового общества, который передан через главного героя Алексея. Становление образа Алексея описывается с момента поступления в школу маленького Алексея, затем он студент-активист, комсомолец, коммунист, участвующий во всех переменах, происходящих в селе и городе. По мнению критика В. Сыромятникова, главный герой Алексей предстает как продолжатель идей персонажей романа – революционеров, участников гражданской войны – председателя Сидорова и Улаатынар Афанасия [12]. Поэт реалистически описывает характер, поступки и действия главного героя, вследствие чего предстает правдоподобный образ романного героя.

Образом Алексея передается эволюция становления характера советского человека. М. Н. Дьячкова отмечает: «С. Васильеву <...> удалось создать образ романного героя, для которого характерны эволюция (последовательно прослежены этапы становления характера Алексея)» [3, с. 94]. Поэт художественно описывает постепенный рост от «маленького Алексея» до яркого коммуниста, строителя новой жизни. Следовательно, автор романа в стихах эстетически воспроизводит образ типического героя советского времени.

Кроме Алексея, в стихотворном романе раскрываются образы и характеры положительных героев: товарищей, соратников, родителей Алексея – отца Унаара, матери Сыканы, брата Ивана Унаара, Аксюши – любимой девушки Алексея, председателя совета Сидорова и др. Этим образам противопоставляются отрицательные персонажи романа: кулак Федор, Кубача, Кунахов и др. В изображении противостояния этих персонажей обостряются социальное противоречие, активная борьба против смены общества.

В основе сюжета произведения лежат исторические мотивы: события после гражданской войны в Якутии, противоборство классов, строительство новой жизни комсомольцами. С. С. Васильев воспроизводит исторические факты в своем произведении, опираясь на основу сюжетной композиции якутского героического эпоса. Следует отметить то, что поэт, являясь автором литературных олонхо и знатоком народного творчества, имеет опыт создания сюжета объемного эпического произведения.

События романа в стихах развиваются в хронологической последовательности, в чем проявляются постепенное взросление, становление личности главного героя. Двуплановость развития событий, разворачивающихся в наслеге и городе, отношение и нрав учащейся молодежи, быт села отражают социально-историческую атмосферу времени 1920–1930-х гг.

Произведение «Младший сын», состоящее из четырех глав-песен, основываясь на построении и ходе сюжетного развития, можно условно разделить на три части. В первой части произведения повествуется о поступлении в школу Алексея, затем о дальнейшей

учебе Алексея в педагогическом техникуме. Параллельно с этим развивается сюжетная линия взаимоотношений Алексея с его любимой девушкой Екуучей. Во второй части произведения повествуется о направлении Алексея-комсомольца в улус для работы по реформе земель, что можно рассматривать как завязку основного конфликта произведения. К деятельности активных комсомольцев и коммунистов противостоят не только Кубача, Кунахов, но особенно Федор, который не воспринимает становление новой власти, создание артелей, коллективных хозяйств. В изображении расставания Алексея с Екуучей обостряется внутренний конфликт этих персонажей. В произведении освещается тема репрессий, обостряется конфликт Алексея против Кубачи, Селляхова, Кунахова. В финальной части романа в стихах описывается картина нового развитого общества.

В результате умелого построения сюжета в передаче реалистического изображения переплетения классовых конфликтов, различных социальных слоев общества, их быта достигается масштабность и эпичность романа в стихах.

Своеобразие стиха романа в стихах «Младший сын»

В отличие от произведений И. Гоголева, Р. Багатайского, роман в стихах С. С. Васильева написан аллитерационным стихом. В некоторых случаях концевые созвучия смежных стихов произведения образуют фонеморфологические рифмы. Но основными ритмообразующими элементами стиха произведения выступают аллитерация и разновидности параллелизмов, которые характерны для народных песен. Астрофические стихи произведения состоят из неравномерных поэтических строк, что доказывает сходные линии романа в стихах с текстом якутского героического эпоса. В этом отношении следует подчеркнуть, что для неравносложного стиха олонхо именно синтаксический параллелизм является ведущим метрическим элементом стиха [13, с. 28]. Потому можно утверждать, что для упорядочения стиха произведения «Младший сын» поэт использует метод народного стихосложения.

Синтаксический параллелизм представляет собой «композиционный прием, подчёркивающий структурную связь двух или трех элементов стиля в художественном произведении» одинаково расположенных сходных членов предложения или отрезков речи [14, с. 306]. А. Н. Веселовский подчеркивает, что приемы параллелизмов используются для изображения какого-либо действия, а иные от этого созвучия создают формулу и утрачивают значение устойчивости параллелей [15, с. 102]. В фольклористике под параллелизмом понимается стилистический прием, составленный из параллельных конструкций-предложений, которые играют роль при построении композиции эпического текста. При этом параллелизм считается одним из наиболее древних средств выразительности якутской народной поэзии [16, с. 208]. М. Н. Дьячкова уточняет, что параллельные конструкции наличествуют в текстах народных песен и героического эпоса олонхо, которые служат основой стихообразования произведений, представляющей собой простые рифмы [13, с. 25–34].

В романе в стихах С. С. Васильева синтаксические параллелизмы применяются в качестве характеристики образа отрицательного персонажа:

Урдунун оҕото	Потомок дитя
Уйа иһиттэн уһуллан,	В гнезде уже приобщенный,
Инсэтэ-обото иһигэр кумуллан,	Жадности в утробе втянутый,
Өлөксөйгө силимни систаннаан,	Словно клей приставал к Алексею,
Өбүгэ нөнүөттэн уруурбаан	С незапамятных дней за родственника считает
<...>	Завопил точно также словно его отец
Аҕатыны үгүлээтэ	

[1, с. 35]

Параллельные конструкции, составленные из однородных членов предложения, формируют фонеморфологическую рифму. Следовательно, автор придает стиху ритмико-интонационное звучание, в чем можно убедиться на примере из произведения:

Хабыр тыллар	Резкие слова
Хардарыта анныыстылар,	Попеременно вонзались,
Өргөстөөх этиилэр	Острые высказывания
Өтөрүтэ көбдүөрүстүлэр	Насквозь обругались

[1, с. 36]

Звуковая упорядоченность стиха достигается автором при помощи аллитерации. Повторы одинаковых звуков в смежных строках, в первую очередь, придают стихам особую фоническую выразительность. Н. Н. Тобуроков отмечает, что аллитерация играет доминирующую роль при создании стихов и строфическом членении фольклорных поэтических текстов [17, с. 109]. С. С. Васильев в произведении разделяет стихотворные строки на несоразмерные строфы, опираясь на количестве одинаковых аллитерированных строк.

В тексте романа в стихах заметно выделяется начальная аллитерация, охватывающая в основном две-четыре строки. Также в нем имеются аллитерированные начальные строки, в которых охватывается семь стихов:

Кыайтарбыт-хотторбут	Побежденный-пораженный
Кынчайап атыһыт	Кынчаев купец
Кырыыга, кыбыллан,	На грани срыва, защемленный
Кыатанан олордо.	Сидит сдерживаясь.
Кылаана тостубут	Острие своей сломанной
Кыһытын кыатанан,	Досады задавив,
Кытарда, ыаһырда	Покраснел, забагровел

[1, с. 67]

Созвучия в начале слов, занимающие две строки, составляют большую часть от общего количества поэтических стихов произведения.

Кроме межстиховых повторов одинаковых звуков, поэт гармонично использует внутрисклочную аллитерацию: «Сытар сыгынахтан сымаласпытым» [1, с. 72] (*на лежащем буреломе приготавлил еду*), «Сатыы тыа саһархай торбону тардынна» [1, с. 155] (*низкий лес обернул на себя желтый шелк*).

Следовательно, своеобразие стихотворной речи анализируемого произведения запечатлевается в использованных автором исконных приемах построения стиха: аллитерации и параллелизмах.

Особенности поэтического языка романа в стихах «Младший сын»

Художественная выразительность придается благодаря достаточному количеству риторических фигур, служащих для передачи авторского замысла, выражения идейного содержания произведения. За счет обилия риторических обращений автора, адресованных к читателю, повышается диалогизированность текста романа в стихах. Литературовед Л. Н. Романова отмечает, что авторские обращения к читателю выполняют определенную функцию построения композиции лиро-эпического произведения [18, с. 2002]. Риторические фигуры непосредственно усиливают лиричность, эмоциональную окрашенность произведения в целом. По мнению литературоведа Е. А. Архиповой, в якутской лирике риторические обращения и вопросы наиболее часто могут быть адресованы к абстрактным понятиям, к объектам окружающего мира, ко всем, кто слушает речь лирического героя [19, с. 159–161].

В произведении лирический герой, т. е. автор обращается наиболее часто к читателям: «*Утүө аабааччым! Дьэ сөпсөһүөх! / Үөрүүгэ кэлбиччэ бу манан түмүктүөх!*» [1, с. 206] (*Дорогой мой читатель! Подошли к радостному моменту и на этом завершим!*).

Поэт придает лирическим обращениям и вопросам особое философское звучание. Автором переосмысливаются вечные вопросы о моральных ценностях, значении жизни человека и т. д., что выражается в такой форме: «*Биһиги нэлэмэн кэккэбитигэр / Биир эмэ быстах айыылаах, уһун суолбутугар, / Биһиги кимиллээх кизг хардыбытыгар / Биир эмэ быстах айыылаах, уһун суолбутугар, / Тоҕо албаска / Быһа үктэппэт буолуобай?..*» [1, с. 207] (*в нашем широком ряду, на нашей недолговечной длинной дороге, в наших убедительных широких шагах, на нашей недолговечной длинной дороге, почему он напрасно даст себя догнать?*). В тексте риторические вопросы с таким содержанием даются строфическими повторами, которыми, по нашему мнению, автор усиливает эмоциональное воздействие на читателя, призывая на совместные раздумья о быстротечности жизни человека.

Обращения главного героя адресуются к его возлюбленной девушке во время разлуки с ней: «*Хайдах буолла эрэйдээх, / Хаарыаннаах бэйэлээх Өкүүчэм?!*» [1, с. 165] (*Что случилось с ней, с бедняжкой, дорогая моя Екууча?!*). Риторические вопросы используются для раскрытия внутреннего состояния, душевных терзаний персонажей, например, отца Алексея «*Аны ити Өлөксөй / Атыһыт сииктээх хотонуттан / Күн дыкти күлүмүгэр / Күөрэйбэккэ мэлийиэ дуо?*» [1, с. 12] (*Теперь сможет ли выйти Алексей из темного коровника купца, взойдет ли для него ярко сияющее солнце?*).

Риторические фигуры, находящиеся в романе в стихах, выступают средством выразительности. Помимо этого, обеспечивают стройность композиции романа в стихах, что четко наблюдается в заключительной части романа в стихах.

В тексте стихотворного романа С. С. Васильева обнаруживаются анафорические и эпифорические повторы, которые наиболее часто используются в устнопоэтическом творчестве народа саха. В фундаментальных трудах якутских стиховедов Н. Н. Тобурокова, М. Н. Дьячковой и др. указывается, что повторы в фольклорном тексте выступают одним из главных стихообразующих элементов и выполняют функцию усиления звуковой и ритмической упорядоченности стиха эпического сказания народа саха. Исследователи подчеркивают, что большое количество различных повторов в олонхо определяют художественную специфику текста героического эпоса [13, 17].

С. С. Васильев в романе в стихах использует лексические анафоры и эпифоры. Поэт обращается к единоначатию для придания конкретизации и актуализации изображаемого объекта или действия. Например, при передаче переживаний и тревожных мыслей Унаара о дальнейшей судьбе его сына Алексея автор посредством повторов добивается реалистического описания психологического состояния персонажа:

Унаар санаарҕаан, санныйан киирэн <...>	Унаар опечаленный, грустный
Кини төбөтүгэр	В его голове
Кэмэтэ суох санаалар	Безмерное количество мыслей
Эмиэ төннөн кэллилэр,	Опять обратно вернулись,
Эмиэ уулан сүттүлэр	Опять растопились и исчезли
Эмиэ симсэн элбээтилэр	Снова обильно навалились

[1, с. 12]

Эпифоры, т. е. концевые повторы, созданные С. С. Васильевым, в основном направлены на обеспечение высокой интонации произведения, а также используются для придания эффекта ритмической размерности стиха. Повторяющиеся слова и словосочетания образуют, в свою очередь, тавтологическую рифму в стихотворениях:

Обуруоттаах оҕолоро ыллыыллар
 Отто эбэҕэ эмиэ ыллыыллар,
 Ол курдук, Бүлүүгэ, Тааттаҕа ыллыыллар,
 Улуу куораттарга, тыаларга ыллыыллар.

Дети Огородтаха поют
 В Орто Эбэ тоже поют,
 Также, в Вилуйском, Тааттинском поют
 В великих городах, селах поют.

[1, с. 30]

В тексте романа в стихах наличествуют также строфические анафоры и эпифоры. Данные повторы актуализируют описываемое действие произведения. Приемом строфического повтора выражается авторская позиция, кроме того, они имеют важную роль при строфическом членении стихов произведения С. С. Васильева.

Особенность поэтического языка произведения обнаруживается в творческом применении поэтом изобразительно-выразительных средств, формульных выражений якутского устного народного творчества, в чем особенно точно проявляется фольклоризм произведения. По мнению литературоведов [3, 4], С. С. Васильев с самого начала своего творческого пути обращался к поэтике фольклорных произведений, в чем проявляется особенность самобытного стиля поэта.

Образность языка романа в стихах усиливается с помощью *сравнений*. С. С. Васильев употребляет в основном сравнения с устоявшейся формой, которыми полно и красочно изобилует устное народное творчество народа саха. Объектами сравнения в произведении наиболее часто выступают образы небесных тел, природных явлений, предметов быта якутского народа и др. Поэт уподобляет изображаемое животному и растительному миру, что характерно для фольклорной поэзии и дает возможность убедиться в народности поэтического языка романа в стихах. Автор, применяя сравнения и формульные выражения народной поэзии, изображает живую картину наступления осени:

Сайын ааһан,
 Сатыгы чаран ойуур сэбирдэҕэ,
Сарт кутуругун курдук,
 Саһаран түстэ.
 Күһүн кэлэн,
 Күөх чээлэй тыа мутукчата,
Кыырт кынатын курдук,
 Кытарсыйан көһүннэ.

Лето прошло,
 И желтые листья берез,
Словно перья орла,
 Выпадают на землю.
 Осень наступает,
 Рыжая хвоя лиственниц,
 Виднеется
Будто крылья ястреба.

[1, с. 3]

При раскрытии характера отрицательного героя автор использует сравнения, которые также являются общепринятыми в якутской поэзии: «*Кынчаайап суруксут / <...> / Адьырҕа кыыл курдук / Арҕаска түһүстэ*» [1, с. 67] (*Кынчаев писарь, как свирепый зверь, напал на холку*), а напряженное состояние персонажа Улаатынар Афанасия передается в таком плане: «*кылыы курдук тынаабыт санаа*» [1, с. 19] (*мысль напряжена будто насторожка лука*). Поэт при помощи сравнения создает зримую картину усердного обучения в школе маленького Алексея: «*Ыарахан ындыыны соһордуу, / <...> / Кирийэ-кирийэ ынчыктаата, / Ол курдук саҕалаан, / Тиритэн-хорутан аҕылаан / Өлөксөй үөрэнэн барда*» [1, с. 26] (*Будто таскает волоком вьюк, пригнувшись кряхтит, стонет, в поте лица начал учиться Алексей*).

Наиболее часто сравнительные конструкции поэта создаются посредством служебных слов «*курдук*», «*дылы*», «*тэнгэ*», а также окончаний *-тыны*, *-лыы*, например, «*Өлүөнэ эбэ хотун / Үрүҥ көмүс өтүү курдук*» [1, с. 55], «*Эмээхситтэр, дьахталлар кизэргэнэн, / <...> / Сир сибэккитинии нулустулар*» [1, с. 104] (*Старушки, женщины нарядные, словно полевые цветки*).

Более того, в произведении находим сравнения, созданные автором, например: «*Үүнээйи ардах көрдүүрүнүү, ичигэс илиигэ таласпытым*» [1, с. 61] (Словно жаждущее растение, я тянулась к теплым рукам), «*Тигээр сүөһүтэ туолбутунуу*» [1, с. 25] (толпятся друг с другом словно ужаленный оводами скот), «*...балтаны охсубуттуу / кытаанахтык, судургутук / <...> / Барытын быһаарбыт*» [1, с. 25] (как будто ударяют кувалдой, твердо, несложно, выносил решение). При этом поэт применяет оригинальное сравнение, образованное за счет сложного построения слов, вторая часть которого представляет значение сравнения: «*Норуот барыта – ньыгыл халбаһа*» [1, с. 117].

Значительное место в поэтизации произведения «Младший сын» занимают приемы различных эпитетов, художественная функция которых выражается в подчеркивании и усилении главного признака, характерного свойства предмета или явления. В тексте романа в стихах насчитывается большое количество цветowych эпитетов, палитра которых является традиционной для якутской поэзии. С. С. Васильев для описания поэтических образов использует цвета, такие как: *көмүс* (серебряный), *алтан* (медный, золотистый), *күөх* (зеленый, голубой), *үрүн*, *манган* (белый), *хара* (черный, темный), например, в таком плане: «*Күрүөнү үрдүнэн / Көмүс ыгыыр килбэннээтэ*» [1, с. 4] (Над изгородью серебряное седло поблескивало), «*Алаарар манган күн*» [1, с. 24] (Широкое белое солнце), «*Баай хара тыаны күөнгүнэн барчалаа*» [1, с. 57] (Искромсай своей грудью густой темный лес). В этом отношении следует подчеркнуть, что поэт при создании образов часто использует цвета, общепринятые в якутской поэзии.

Кроме того, в тексте романа в стихах обнаруживаются числовые эпитеты, присущие поэтическим текстам якутского фольклора, такие как например: «*Сэттэлии быластаах испиһэктэрэ*» [1, с. 199] (списки в семь маховых сажений). В данном случае числовые эпитеты представляются автором не для уточнения количества предмета, а для обозначения множественности. В тексте романа в стихах находятся постоянные эпитеты как: «*кубулдьаттаах кулун тутар*» [1, с. 202] (притворный март месяц), «*аламай күн*» [1, с. 44] (ласковое солнце), «*ыпсыбыт уос*» [1, с. 45] (стиснутые губы), «*аргыардаах аартык*» [1, с. 57] (проход с сквозным ветром). При этом на основе устоявшихся в якутской лирике эпитетов поэт создает яркие самобытные эпитеты с новым звучанием, например: «*сайынгы саргылаах сандаар сырдык түүн*» [1, с. 48] (летняя сияющая светлая с благодатью ночь).

Стихотворный роман С. С. Васильева изобилует олицетворениями и метафорами. Данные тропы используются в романе в стихах в нераздельном виде т. е. в тексте встречается одновременно и метафора, и олицетворение. В литературоведении, как отмечает в своей работе Н. И. Пирманова, во многих случаях «сложно определяются границы между тропами, кроме того, отмечается взаимопроникновение тропов и стилистических фигур» [20, с. 486]. Указанное исследователем явление наблюдается и в анализируемом тексте произведения. Нами обнаруживаются метафорические олицетворения, отличающиеся своей неповторимостью образа, например, такого плана: «*Көмүлүүк оһох / Көхсүн иһигэр / Кутаалаах уот / Кугас тылынан / Курунах мутуктарын / Кууһа-кууһа кучугуратар*» [1, с. 4] (внутри себя печка-камельек своим медно-красным языком пламени обнимая глотает сухие сучья), «*Синньигэс харандаас / Сибигинэйэр буолара*» [1, с. 7] (Тонкий карандаш, бывало, прошептал), «*Ийэ сүрэхэр / Им сырдаабата, / Дьибэ иһигэр / дьэргэлээн киирбэтэ*» [1, с. 9] (В сердце матери рассвет не наступил, в доме марево рассеялось), «*Хатан сулустар чугуһан, / Былыты быһыһан көрдүлэр*» [1, с. 59] (холодные звезды осторожно, смотрят сквозь облака).

Метафоризация образов в произведении С. С. Васильева основана на олицетворении и ассоциативности явлений природы. Тонко подобранные приемы способствуют выразительности и яркости образов: «*Күөх халлаан оройугар, / Көгөччөр быллыт долгунугар / Күндээрэр көмүс ый сөтүөлээн, Күөрэйэ-күөрэйэ умуста*» [1, с. 69] (На

макушке голубого неба, на волнах облаков купается сверкающая серебряная луна, выплывая ныряет).

Авторские метафорические выражения, например, как: «Толоон-сыһыы / Туман суорбанын бүрүннэ» [1, с. 122] (*Луга и поляны укрылись туманным одеялом*), «Сайынгы күн сабахха нэһилэ куотар» [1, с. 108] (*Летнее солнце кое-как убегает к горизонту*) свидетельствуют о новаторском подходе поэта к употреблению средств художественной выразительности. Интересное олицетворение, созданное посредством слов-антонимов: «Бырдах дыыгыны-сулана **ытыыр**, / Былыт ыраах санныардык **ыллыыр**» [1, с. 109] (*комар звеня-причитая **плачет**, облако вдалеке грустно **поет***) характеризует высокое мастерство и талант поэта. Понятные и близкие читателю метафорические выражения и олицетворения служат ориентиром для эстетического восприятия изображаемого, а также усиливают образность романа в стихах.

Таким образом, поэт на основе богатого арсенала народного творчества создает неповторимые образы, чем несомненно усиливает эстетическую сторону произведения, а также расширяет систему образности новыми поэтическими изысканиями. Используемые поэтом постоянные эпитеты, развернутые сравнения, сочетания приемов олицетворения и метафоры способствуют созданию ярких образов, а также изображению характеров, поступков персонажей романа в стихах.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что основным стихообразующим элементом романа в стихах «Младший сын» выступает аллитерация. Синтаксические параллелизмы и повторы, находящиеся в тексте произведения, используются поэтом с функцией создания ритмико-интонационной и композиционной стройности стиха. Главные принципы выстраивания стиха героического эпоса олонхо и народных песен умело переняты С. С. Васильевым и творчески использованы в тексте романа в стихах. Параллелизмы выступают в качестве приема актуализации на поэтические образы, пояснения и детального описания происходящих событий и т. д.

Риторические фигуры, использованные поэтом, придают произведению особую лиричность, экспрессивную окрашенность, а также наполняют эмоциональной насыщенностью речи персонажей. Риторические вопросы и обращения помогают в передаче чувств лирического героя – автора, а также раскрытию внутреннего состояния персонажей романа в стихах. Фигуры речи и различные виды повторов играют существенную роль в воплощении художественных образов и передаче идейного замысла романа в стихах.

Особенная выразительность и художественность языка произведения приобретает в результате заимствования автором приемов и способов поэтизации устного народного творчества, которые непосредственно указывают на фольклоризм поэтического языка и художественное своеобразие романа в стихах «Младший сын». В процессе создания романа в стихах наблюдается творческое освоение поэтом традиций устного народного творчества, в чем ярко проявляется его самобытный авторский стиль.

Л и т е р а т у р а

1. Васильев, С. С. Аччыгыһ уол: хоһоонунан роман / С. С. Васильев. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1961. – 208 с. (на якутском яз.). – Текст : непосредственный.
2. Максимова, П. В. Жанровая типология якутской поэзии: Вопросы эволюции и классификации форм / П. В. Максимова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 255 с. – Текст : непосредственный.
3. Дьячковская, М. Н. «Аччыгыһ уол» С. Васильева как первый роман в стихах в якутской поэзии / М. Н. Дьячковская // Сергей Васильев-Борогонский: поэт уонна гражданин. Хомуян онордо С. Е. Ноева; эпп. редактор Л. Н. Романова. – Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 91–95. – Текст : непосредственный.

4. Петров, В. Т. Фольклорные традиции в якутской советской литературе / В. Т. Петров. – Москва : Наука, 1978. – 138 с. – Текст : непосредственный.
5. Копырин, Н. З. Өлбөт өрөгөй (Поэт Сергей Васильев олобо, үлэтэ, айымньыта) / Н. З. Копырин. – Якутск, 2007. – 103 с. – Текст : непосредственный.
6. Ефремов, Н. Н. С. Васильев «Аччыгый уол» хоһоонунан суруллубут романыгар этии туттулуута / Н. Н. Ефремов // Сергей Васильев-Борогонский: поэт уонна гражданин. Хомуян оһордо С. Е. Ноева; эпһ. редактор Л. Н. Романова. – Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 95–100. – Текст : непосредственный.
7. Ноева, С. Е. Роман в стихах С. С. Васильева-Борогонского «Аччыгый уол»: к проблеме эволюции жанра / С. Е. Ноева // Сергей Васильев-Борогонский: поэт уонна гражданин. Хомуян оһордо С. Е. Ноева; эпһ. редактор Л. Н. Романова. – Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 100–104. – Текст : непосредственный.
8. Александров, А. А. Роман в стихах / А. А. Александров // Краткая литературная энциклопедия. Ред. А. А. Сурков. – Москва : Советская энциклопедия, 1971. – Т. 6, стб. 363. – Текст : непосредственный.
9. Иванов, В. И. Роман в стихах / В. И. Иванов // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. – Москва : Книга, 1990. – С. 244–249. – Текст : непосредственный.
10. Литература Якутии XX века: Историко-литературные очерки. Редкол.: В. Н. Иванов (отв. ред.), П. В. Максимова (зам. отв. ред.), М. Н. Дьячковская, Л. Н. Романова: Акад. наук РС (Я). Инст. гуманитар. исслед. – Якутск, 2005. – 728 с. – Текст : непосредственный.
11. Кардашевский, Г. Р. «Аччыгый уол» / Г. Р. Кардашевский // Хотугу сулус. – Якутск, 1961. – № 6. – С. 137–142. – Текст : непосредственный.
12. Сыромятников, В. Сергей Васильев «Аччыгый уола» / В. Сыромятников // Кыым. – Якутск, 1958. – 25 июня. – Текст : непосредственный.
13. Дьячковская, М. Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии. Проблемы эволюции и классификации / М. Н. Дьячковская. – Новосибирск : Издательство Сибирского отделения, 1998. – 153 с. – Текст : непосредственный.
14. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. Науч. ред. и сост. И. Б. Роднянская. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : РГГУ, 2013. – 584 с. – Текст : непосредственный.
15. Веселовский, А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // А. Н. Веселовский / Историческая поэтика. – Москва : Высшая школа, 1989. – С. 101–155. – Текст : непосредственный.
16. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис: [отв. ред. В. Гусев; отв. за переиздание В. М. Никифоров]; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Якут. науч. центр, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов севера. – Якутск : Бичик, 2008. – 400 с. – Текст : непосредственный.
17. Тобуроков, Н. Н. Труды по тюркскому стихосложению / Н. Н. Тобуроков. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2018. – 504 с. – Текст : непосредственный.
18. Романова, Л. Н. Диалогичность в повествовательной структуре поэзии А. Е. Кулаковского / Л. Н. Романова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2021. – Т. 14, выпуск 7. – С. 1999–2005. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46344566_46721475.pdf. – Текст : электронный.
19. Архипова, Е. А. Поэзия Ивана Арбиты (Творческий путь и поэтика): монография / Е. А. Архипова. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. – 221 с. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32813895_82869241.pdf. – Текст : электронный.
20. Пирманова, Н. И. Специфика системы изобразительно-выразительных средств в романе Н. Ф. Корсунова «Высшая мера» / Н. И. Пирманова // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2020. – № 4 (83). – С. 484–487. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43928922_57975594.pdf. – Текст : электронный.

References

1. Vasil'ev, S. S. Achchygyj uol: hohoonunan roman / С. S Vasil'ev. – Yakutsk : Yakutskoe kn. izd-vo, 1961. – 208 s. (na yakutskom yaz.). – Tekst : neposredstvennyj.

2. Maksimova, P. V. Zhanrovaya tipologiya yakutskoj poezii: Voprosy evolyucii i klassifikacii form / P. V. Maksimova. – Novosibirsk : Nauka, 2002. – 255 s. – Tekst : neposredstvennyj.
3. D'yachkovskaya, M. N. «Achchygyj uol» S. Vasil'eva kak pervyj roman v stihah v yakutskoj poezii / M. N. D'yachkovskaya // Sergej Vasil'ev-Borogonskaj: poet uonna grazhdanin. Homujan oŋordo S. E. Noeva; epp. redaktor L. N. Romanova. – Yakutsk : IGI AN RS(YA), 2007. – S. 91–95. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Petrov, V. T. Fol'klornye tradicii v yakutskoj sovetskoj literature / V. T. Petrov. – Moskva : Nauka, 1978. – 138 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Kopyrin, N. Z. Ølbot ørøgøj (Poet Sergej Vasil'ev oloŋo, ylete, ajymn'yta) / N. Z. Kopyrin. – Yakutsk, 2007. – 103 s. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Efremov, N. N. S. Vasil'ev «Achchygyj uol» hohoonunan surullubut romanygar etii tuttulluuta / N. N. Efremov // Sergej Vasil'ev-Borogonskaj: poet uonna grazhdanin. Homujan oŋordo S. E. Noeva; epp. redaktor L. N. Romanova. – Yakutsk : IGI AN RS(YA), 2007. – S. 95–100. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Noeva, S. E. Roman v stihah S. S. Vasil'eva-Borogonskogo «Achchygyj uol»: k probleme evolyucii zhanra / S. E. Noeva // Sergej Vasil'ev-Borogonskaj: poet uonna grazhdanin. Homujan oŋordo S. E. Noeva; epp. redaktor L. N. Romanova. – Yakutsk : IGI AN RS(YA), 2007. – S. 100–104. – Tekst : neposredstvennyj.
8. Aleksandrov, A. A. Roman v stihah / A. A. Aleksandrov // Kratkaya literaturnaya enciklopediya. Red. A. A. Surkov. – Moskva : Sovetskaya enciklopediya, 1971. – T. 6, stb. 363. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Ivanov, V. I. Roman v stihah / V. I. Ivanov // Pushkin v russkoj filosofskoj kritike: Konec XIX – pervaya polovina HKH v. – Moskva : Kniga, 1990. – S. 244–249. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Literatura Yakutii HKH veka: Istoriko-literaturnye ocherki. Redkol.: V. N. Ivanov (otv. red.), P. V. Maksimova (zam. otv. red.), M. N. D'yachkovskaya, L. N. Romanova: Akad. nauk RS (Ya). Inst. gumanitar. issled. – Yakutsk, 2005. – 728 s. – Tekst : neposredstvennyj.
11. Kardashevskij, G. R. «Achchygyj uol» / G. R. Kardashevskij // Hotugu sulus. – Yakutsk, 1961. – № 6. – S. 137–142. – Tekst : neposredstvennyj.
12. Syromyatnikov, V. Sergej Vasil'ev «Achchygyj uola» / V. Syromyatnikov // Kyym. – Yakutsk, 1958. – 25 iyunya. – Tekst : neposredstvennyj.
13. D'yachkovskaya, M. N. Alliteraciya i rifma v yakutskoj poezii. Problemy evolyucii i klassifikacii / M. N. D'yachkovskaya. – Novosibirsk : Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya, 1998. – 153 s. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Kvyatkovskij, A. P. Poeticheskij slovar' / A. P. Kvyatkovskij. Nauch. red. i sost. I. B. Rodnyanskaya. – 3-e izd., ispr. i dop. – Moskva : RGGU, 2013. – 584 s. – Tekst : neposredstvennyj.
15. Veselovskij, A. N. Psihologicheskij parallelizm i ego formy v otrazheniyah poeticheskogo stilya // A. N. Veselovskij / Istoricheskaya poetika. – Moskva : Vysshaya shkola, 1989. – S. 101–155. – Tekst : neposredstvennyj.
16. Ergis, G. U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru / G. U. Ergis: [otv. red. V. Gusev; otv. za pereizdanie V. M. Nikiforov]; Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, Yakut. nauch. centr, In-t gumanitar. issled. i problem malochisl. narodov severa. – Yakutsk : Bichik, 2008. – 400 s. – Tekst : neposredstvennyj.
17. Toburokov, N. N. Trudy po tyurkskomu stihoslozheniyu / N. N. Toburokov. – Yakutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2018. – 504 s. – Tekst : neposredstvennyj.
18. Romanova, L. N. Dialogichnost' v povestvovatel'noj strukture poezii A. E. Kulakovskogo / L. N. Romanova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov, 2021. – T. 14, vypusk 7. – S. 1999–2005. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46344566_46721475.pdf. – Tekst : elektronnyj.
19. Arhipova, E. A. Poeziya Ivana Arbity (Tvorcheskij put' i poetika): monografiya / E. A. Arhipova. – Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2018. – 221 s. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32813895_82869241.pdf. – Tekst : elektronnyj.
20. Pirmanova, N. I. Specifika sistemy izobrazitel'no-vyrazitel'nyh sredstv v romane N. F. Korsunova «Vysshaya mera» / N. I. Pirmanova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – Gorno-Altajsk, 2020. – № 4 (83). – S. 484–487. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43928922_57975594.pdf. – Tekst : elektronnyj.

М. Д. Чертыкова

К вопросу о семантической эволюции общетюркской лексемы чир «земля» (на материале хакасского языка)

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

Аннотация. В статье впервые описывается общетюркская лексема *чир* «земля», получившая в ходе десемантизации иную частеречную принадлежность и именуемая в хакасском языке как препозитивное слово – наречие чир II. Актуальность исследования связана с необходимостью полного выяснения вопроса происхождения лексемы чир II как объекта семантической эволюции. Верификация наших суждений о генетической и семантической взаимосвязи чир I (земля) и чир II (наречие) основывается на тождестве их внешней оболочки и семантических установок, имплицитно выраженных на прагматическом уровне. Цель статьи заключается в выявлении семантико-когнитивных особенностей чир II, зафиксированных в его сочетательных возможностях. В ходе исследования выявлено, что данная лексема в предложении выражает: а) категорический отказ от совершения какого-либо действия в будущем времени; б) категорический отказ от совершения какого-либо действия в прошедшем времени; в) категорический запрет что-либо делать. Лексема чир II в сочетании с прилагательными, характеризующими человека, выражает значение «вообще; от природы, от рождения»; в сочетании с глаголами в форме отрицания указывает на интенсивность действия. Мы склонны считать, что описываемая лексическая единица возникла в результате длительного процесса расщепления многозначной лексемы чир I с общим значением «земля, почва». Ценностное суждение о земле, как материальной основе человеческого бытия, в семантике лексемы чир I, возможно, развивает понятие основательности каких-либо действий (категорический отказ, категорический запрет); естества, прирождённого свойства (значение «с рождения; от природы») в семантике лексемы чир II. Тематика статьи имеет хороший лингвистический потенциал и перспективу для продолжения обсуждений и дискуссий в среде лингвистов-тюркологов, в частности, специалистов в области исторической грамматики.

Ключевые слова: хакасский язык, концепт «земля», чир I, чир II, лексема, семантика, функционирование, наречие, прилагательное.

DOI 10.25587/SVFU.2021.84.4.010

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

E-mail: chertikova@yandex.ru

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Researches and Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov State University.

M. D. Chertykova

One more semantic «hypostasis» common Turkic lexeme *чир* «earth» (based on the Khakass language)

N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

Abstract. The article describes for the first time the common Türkic lexeme *chir* «earth», which was assigned to a different part of speech in the course of desemantization and is referred to in the Khakass language as a prepositive word – the adverb *chir II*. The relevance of the study is associated with the need to fully clarify the issue of the origin of this lexeme *chir II*, as an object of semantic evolution. Verification of our judgments about the genetic and semantic relationship of *chir I* (earth) and *chir II* (adverb) is based on the identity of their outer shell and semantic attitudes, implicitly expressed at the pragmatic level. The purpose of the article is to identify the semantic and cognitive features of *chir II*, recorded in its combination capabilities. In the course of our research, it was found that a given lexeme in a sentence can express: a) a categorical refusal to perform any action; b) a categorical refusal to perform any action in the past tense; c) a categorical prohibition to do anything. The lexeme *chir II*, in combination with adjectives characterizing a person, expresses the meaning «in general; from nature, from birth»; and in combination with verbs in the form of negation indicates the intensity of the action. Also, in combination with adjectives characterizing a person, the lexeme *chir II* expresses the meaning «in general; from nature, from birth». We are inclined to believe that the described lexical unit arose as a result of a long process of splitting the polysemantic lexeme *chir I* with the general meaning «earth, soil». A value judgment about the earth as the material basis of human existence in the semantics of the lexeme *chir I*, perhaps, develops the concept of the solidity of any actions (categorical refusal, categorical prohibition); nature, innate properties (meaning «from birth; from nature») in the semantics of the lexeme *chir II*. We believe that this topic has good linguistic potential and prospects for continuing discussions and discussions among linguists – Turkologists, in particular, specialists in the field of historical grammar.

Keywords: khakass language, concept «earth», *chir I*, *chir II*, lexeme, semantics, functioning, adverb, adjective.

Введение

Понятие «национальное мировоззрение» базируется на существенных для миропонимания этноса ключевых и жизнеутверждающих концептах, одним из которых является «земля». С древнейших времён человек тесно связан с землёй: она представляется ему, в первую очередь, как территория, которую нужно защищать от захватчиков; родина, где родился и которая зовёт его, где бы он ни находился; место, которое является наследием предков и т. д. Возьмём, к примеру, русский язык, который содержит такие образы земли, как «кормилица», «матушка-земля», характеризующие уважительное отношение к таким понятиям, как земледелие, животноводство, родная земля. Из этого следует, что земля олицетворяет жизненную силу и выступает прародительницей человека. Как отмечает М. А. Ахматова в своём исследовании концепта *жер* в карачаево-балкарской языковой картине мира, это «вместилище» не только физических объектов,

но и духовных и ментальных сущностей; земле присущи различные физиологические признаки, характерные живому организму; она олицетворяет первооснову жизни, выступает как прародительница человечества, способная рождать и поддерживать жизнь, характеризуясь при этом различными качествами и свойствами» [1, с. 64]. В современной лингвистике актуальность изучения концепта «земля» обусловлена интересом исследователей к его содержательной характеристике, проявлениям национальной специфики, структурным аспектам моделирования образа мира и т. д. Данной теме в разноструктурных языках посвящены работы Т. С. Есеновой [2], В. В. Леденевой [3], Л. Г. Поповой [4] и др. В тюркских же языках концепт «земля» пока ещё не получил достаточного системного описания, несмотря на то, что имеются отдельные диссертационные работы [5] и статьи, посвящённые выявлению его лингвокультурологических характеристик, а также анализу и функционально-семантическому описанию лексем, номинирующих данный концепт [1, 6 и др.]. В лексикографических источниках современных тюркских языков лексема *чир / jep / жер / жир* представляется такими лексико-семантическими вариантами (ЛСВ), как «планета», «почва», «слой земной коры», «территория определённой нации», «родина», «место» и др. Об исконности тюркского происхождения свидетельствует словарная статья из Древнетюркского словаря: *jer* 1. Земля: *jer jÿyaçlandi* земля покрылась деревьями (МК III 113); *jerni kökni jaratqan* [тот, кто] создал землю и небо (QBN 2 3); место: *jayıq jer* близкое место (МК III 29); *väzirlig jerinä tutar kör muni* назначают его на место визиря (QBN 7 19); *uvut jerintä meñ bolsar uzun tonluqqa amraq bolur* если родинка в паху, будет любим женщинами (USp 42 4); 3. земля, страна: *türk sir bodun jerintä* на земле народа тюрков – сиров (Тон 3); поверхность, верх (МК III 142) [ДТС, 1969, с. 257]. Более подробное описание этимологии и семантики лексем *чир / jep / жер* имеется в [7].

По утверждению авторов Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков наименование обитания человека и других живых существ «*jer (др. и ср.-тюрк. *jer*, {...})» имеет параллели в тунгусо-маньчжурском *jerke* «земля, мир, вселенная» (ССТМЯ I 355) [8, с. 88]. Кроме того, *jer* выступало «в качестве первого компонента в составе сложного образования *jertinçü, jirtinçü* «земля, мир» (ДТС, 258, 263), ср.-кыпч. *Jertinçi* (Räs. VEWT 198a), где в качестве второго компонента можно (с некоторым сомнением) видеть слово, сохранившееся, по-видимому, в чувашском *tênçe* «мир, вселенная», в котором обычно усматривают арабское *dunja* «мир, свет», проникшее во многие мусульманские тюркские языки. Рясенен (Räs. VEWT 198a) считает тюркским заимствованием монгольское *jirtinçü*» [8, с. 88].

Во всех тюркских языках лексема *чир / jep / жер / жир*, обладающая сложной семантической структурой и широкими синтагматическими связями, помимо роли существительного, может выполнять и другие частеречные функции, например, в «Толковом словаре татарского языка» [1981] отражено 27 значений татарской лексем *жир*. Д. Х. Хуснутдинов отмечает, что в татарском языке, помимо роли существительного, она может выступать в качестве «наречия, союза или послелого (в лексикализованной форме того или иного падежа), то есть лексема *жир* может функционировать и как знаменательное слово, и как средство связи (союз или послелог) в различных синтаксических конструкциях (происходит десемантизация этой лексем и потеря связи с денотатом) [5, с. 10]. Как показал наш фактический материал, в хакасском же языке чир II может выполнять роль наречия.

В нашей статье предпринята попытка описания на материале хакасского языка препозитивного слова – наречия чир II с целью выявления его семантико-когнитивных особенностей, зафиксированных в его сочетательных возможностях. Материалом для исследования послужили данные из фольклорных и художественных текстов, а также из разговорной речи.

чир I и чир II – омонимы?

Несмотря на частотность употребления в художественных и фольклорных текстах и в разговорной речи, данная лексема пока ещё не получила научного освещения, также в Грамматике хакасского языка [9] не обозначена в качестве служебной части речи. В Хакасско-русском словаре данная лексема представлена как чир II *препозит. сл., употр. с усилит. знач., иногда в сочет. с част. дее*; чир *көрбеспін* совершенно не буду смотреть (ухаживать) (за ним); чир *паспасын* шагу не сделаю; чир (*чир дее*) *андаг кизи* вообще такой человек (от природы такой человек); чир *дее парбас* (он) ни за что не пойдёт; чир *паспасын андар* ни за что не ступлю туда; *ала хусхунны чир өдирбе* фолькл. пёстрого ворона не убивай ни при каких обстоятельствах; *хооп чөрчең адайың полам, чир өдирбе, чир чабырба!* фолькл. буду (твоей) послушной собакой, только не убивай, ни за что не принимай!; *көк талайың үстүнде ікі хуу хус сүріс чөрче, чир дее чидіс полбинчалар (күн, ай)* загадка на синем море плавают два лебедя, никак не могут догнать друг друга (солнце, луна) [10. с. 970]. А полнозначная лексема чир I реализуется в следующих ЛСВ: 1) Земля; (...); 2) Земля, мир, вселенная, земной шар; (...); 3) земля / земляной, суша; (...); 4) земля, почва, чернозём; верхний слой земной коры; земная кора; (...); 5) земля, территория с угодьями, земельные угодья; (...); 6) место, местность, край, сторона, территория, пространство; (...); 7) место, местность, родина, отчий дом, страна; (...); 8) место; (...); 9) пол; (...) [10, с. 969–970]. Мы не располагаем однозначными основательными утверждениями этимологической связи чир I с чир II, кроме как выдвиганием гипотетического предположения о том, что они находятся в статусе омонимии. Как известно, одним из путей возникновения омонимии является глубокое семантическое расщепление многозначного слова. Исходя из данного факта, нам представляется наиболее целесообразным считать их самостоятельными словами – омонимами, имеющими глубоко скрытый общий признак.

Функционально-семантические особенности чир II

Лексема чир II играет особую семантическую роль в предложении. Как наречие (наречное слово) чир II синтаксически соотносится с глаголом и выражает признак действия, отвечая на вопрос «как?». Как известно, наречия «пополняются за счёт омертвевших и изолировавшихся форм других частей речи. Поэтому наречия по своему морфологическому составу соотносительны со многими грамматическими формами имён и глаголов» [9. с. 96]. Содержание признака действия, несущего наречием чир II, может предусматривать:

а) категорический отказ от совершения какого-либо действия в будущем времени: *Чил Хара Хыс: «Синдег айнаа чир парбасын», – тінчедір* (А, 87) – Чил Хара Хыс говорит: «За такого чёрта, как ты, ни за что, не выйду замуж». *Нымырт хараам соолбаанда, Умах пазым чатпаанда, Хан Чачах туңмамны / Чир пирбеспін, Хочын Арыг, мин сагаа* (А, 108) – Пока я жива, Хочан Арыг, свою сестрёнку Хан Чачах ни за что не отдам замуж за тебя. *Умах пазым чатпаанда, Нымырт хараам соолбаанда, Хулатайга чир парбасын* (А, 66) – Пока я жива (букв. пока моя голова, закутанная в платок, не упадёт, (мои) как черёмухи глаза не высохнут) ни за что не выйду замуж за Хулатая. Отметим, что в последних двух предложениях семантика выражений *Умах пазым чатпаанда, Нымырт хараам соолбаанда* (букв. пока моя голова, закутанная в платок, не упадёт, (мои) как черёмухи глаза не высохнут), что может соответствовать русск. *через мой труп*. Все приведённые примеры – это высказывания от первого лица, который изъясляет категорическое нежелание делать что-либо. Отрицательный аспект какого-либо (нежелаемого) действия оформляется присоединением к основе глагола аффикса отрицания *-бас/-бес*;

б) констатация категорического отказа от совершения какого-либо действия в прошедшем времени: *Хан Мирген (...) Хан поэраһ аттың үстүнде Позы, ойда чадыбызын,*

ахсын тартып, Пір саринаң тагып килче азахнаң: – Т-п-р-у, хаама! Чир тартырбады ахсын! (А, 44) – Хан Мирген, сидя верхом на рыжем коне, натягивая поводья, правой ногой давит на бок лошади: – Фу-у-у, гадина! Никак не дал натянуть поводья! *Чуиттегі андаг хылишңы / Чир тастабаазың, Чил Хара Хыс* (А, 88) – Чил Хара Хыс, (ты) ни за что (никак) не бросила (свою) такую привычку. Иногда в предложениях к наречию чир II присоединяется усилительная частица *дее*: *Ол тасхар ұр сахтаан, че мин чир дее сыхпаам* – Он долго ждал на улице, но я ни за что не вышла к нему. Как видим, в этих предложениях актуализируется констатация факта несовершенного ни при каких обстоятельствах действия. Выражаемое глаголом несовершенное действие, относящееся к сфере прошедшего времени, оформляется при помощи аффикса отрицания *-ба/-бе; -на/-не*;

в) категорический запрет что-либо делать. Данный признак осуществляется обычно в императивных конструкциях. Субъект или говорящий, высказывая запрет делать что-либо, не допускает невыполнение или игнорирование его наказа адресатом: *Алып Хан Хыс чоохтап тур: Ызұт Арыг ічеңні тудып алзаң, / Минің чоогым ис, көр, чир дее өдірбессің* (А, 114) – Когдаймаешь (свою) мать, Узут Арыг, / Послушайся меня, не убивай её ни за что. *Минің соомча сүрізіп чир парбассың* (А, 115) – Ни за что не ходи за мной. *Алған кізім, Харагы чох тазым, Чир өдірбе, чир чаттырба* (А, 89) – (Мой) суженный, (мой) слепой слуга, ни за что не убивай, ни за что не вали.

В редких случаях в выражении категорического запрета может участвовать и конкретизатор данной семантики *чарабас* «нельзя» в сочетании с глаголом – инфинитивом: *Адаң Хулатайны тудып алзаң, Чир өдірерге чарабас* (А, 114) – Когда настигнешь [своего] отца Хулатая, ни за что нельзя убивать. Нам встретились также примеры сочетания чир II с *чарабас*: – *Иркем-кинчем, Хан Мирген, чир чарабас* – Алып Хан Хыс говорит: – (Мой) милый, Хан Мирген, нельзя (ни за что). *Чобаларга чир дее чарабас. Ир чон көп, пасхазын таап аларзың* – Никак нельзя переживать. Парней много. Других найдёшь. Отметим одну немаловажную семантико-когнитивную особенность подобных высказываний (предостережений, наставлений, наказов и запретов) – это «возможность несовпадения социальных статусов говорящего, как заинтересованного лица, и адресата, а также их близкие взаимоотношения. Только невербальный более высокий ранг и жизненный опыт говорящего может диктовать подобный более строгий и предостерегающий тон общения» [11, с. 84].

Если лексема чир II сочетается с глаголом, соответственно, она в качестве зависимого слова может сочетаться и с непрягаемыми глагольными формами: причастием и деепричастием. *Пірее ниме полган полза, / Чир чазырбин, сөлеп пир, чоохтап пир* (А, 88) – Если что-то происходило, / Ничуть (ни за что) не скрывая, расскажи. *Харагы чох тазым, / Чир дее полбаан нимені / Нога іди чоохтадың* (А, 87) – (Мой) слепой слуга, / Почему ты рассказал / То, чего не было вообще (никогда). Разумеется, смысловая структура предложения зависит от порядка слов: в случае опущения наречий *чир / чир дее*, мы получим: *Пірее ниме полган полза, / чазырбин, сөлеп пир, чоохтап пир* (А, 88) – Если что-то происходило, / не скрывая, расскажи. *Харагы чох тазым, / полбаан нимені / Нога іди чоохтадың* (А, 87) – (Мой) слепой слуга, / Почему ты рассказал / То, чего не было. Эти два варианта коммуникативной модели различаются тем, что в первом случае акцентируется внимание на основательном и тщательном характере производимого кем-либо действия. А предложения без наречий *чир / чир дее* актуализируют лишь констатацию фактов.

Реализация выше описанных признаков (категорический отказ от совершения какого-либо действия; констатация категорического отказа от совершения какого-либо действия в прошедшем времени; категорический запрет что-либо делать) показала, что в сочетании с лексемой чир II глаголы (а также его деепричастная и причастная формы) обычно употребляются с аффиксом отрицания *-ба/-бе; -на/-не*, за исключением сочетания с *чарабас* «нельзя». А также во всех этих случаях наречное слово чир II можно заменить

наречием *nir dee*, образованным от числительного *nir* «один» + усилительной частицы *dee*, при этом актуальный смысл предложения никак не поменяется: *Мин синзер чир дее (nir dee) чагын паспасын* – Я ни за что не подойду к тебе близко. На примере наречия *nir dee* «вообще, никак, ни за что» мы видим, что фразеологизированные единицы, образованные с числовым компонентом, могут указывать не только на определённое число чего-либо, но и отсутствие, нулевое происхождение чего-либо.

В сочетании с ментальными глаголами в форме прошедшего времени, лексема чир II даёт значение предугадывания, предсказывания, предвидения какого-либо события, описанием которого обычно служит придаточное предложение: *чир нилгем чи* – (я) так и знал; *чир сагынгам чи* – (я) так и думал, *чир сизингем чи* – (я) так и догадывался, *чир оңаргам чи* – (я) так и понимал и др. Думаем, что частица *чи* в таких конструкциях добавляет оттенок достоверности и убедительности передаваемой информации. Часто лексема чир II употребляется в сочетании с усилительной частицей *дее*: *Чир дее нилгем чи, харахтыг кизее парбин, / Харагы чох кизее парыбызар ба за...* (А, 91) – Я так и знал, что (она) выйдет замуж не за зрячего человека, а за слепого... *Аар-пеер ойлас чөрчеткеннеринде, чир дее сизингем чи, ниме-де чазырчатханнарын* – Когда (они), в суете бегали туда-сюда, я так и догадывался, что (они) что-то скрывают.

В сочетании с прилагательными, характеризующими человека, лексема чир I выражает значение «вообще; от природы; от рождения», например, *чир андаг* «вообще такой (от рождения, от природы)»; *чир хыйга* «от природы (рождения) умный»; *чир алыг* «вообще (от природы, рождения) тупой, глупый»; *чир күлүк* «вообще (от природы, рождения) трудолюбивый»; *чир тапсабас* «вообще (от природы) молчаливый»; *чир сымдах* «вообще (от природы, рождения) работающий, прилежный»; *чир чүгүрик* «вообще (от природы, рождения) быстрый, приткий»; *чир аахтаас* «вообще (от природы, рождения) скандальный, крикливый» и т. д. Перечисленные сочетания в предложении без смыслового ущерба можно заменить субстантивированным причастием *төрөөнінең* «букв. с рождения», образованным от глагола в форме прошедшего времени *төрөөн* + аффикс притяжательности *-i-* + аффикс исходного падежа *-нең*. Хотя в Хакасско-русском словаре слово *төрөөнінең* не представлено как самостоятельная лексическая единица, мы считаем его таковым, поскольку, как и чир II, он сочетается с многочисленной категорией прилагательных, характеризующих человека: *төрөөнінең амыр* «с рождения спокойный», *төрөөнінең агырыг* «с рождения больной», *төрөөнінең ахсах* «с рождения хромой», *төрөөнінең кыйтик* «с рождения хитрый», *төрөөнінең сіліг* «с рождения красивый», *төрөөнінең сібілдей* «с рождения хилый» и т. д. Тем самым лексемы чир II и *төрөөнінең* являются абсолютными синонимами: *Ол, төрөөнінең (чир) чабал кізі, өрiністіг хатхырыбысхан. Хара сагызын тосхырып алып, көгліг полган Сакис* (Чкч, 135) – Он, с рождения (от природы) злой человек, весело засмеялся. Исполнив свою похоть (букв. чёрную задумку), он был весел. *Минің пабам, төрөөнінең (чир) сарынчы кізі, сым одыр полбаан, сарнап салыбысхан* – Мой отец, с рождения (от природы) любящий петь, не смог усидеть спокойно, запел.

Устойчивое выражение *пу чир* (букв. эта земля) в сочетании с антропоцентрическими глаголами в форме отрицания указывает на интенсивность действия, например, *пу чир ылгабинча* – очень сильно плачет (букв. эта земля не плачет); *пу чир чүгүр чөрбинче* – очень быстро и много бегают (букв. эта земля не бегают) и т. д. *Ол ирен хайди тың тарыныбысты, пастыхтарны пу чир хырыспинча, көрчөң ниме көзідер полча* (Хабар, 22 янв. 2019, с. 6) – Этот мужчина так сильно разозлился, начальников как только не ругает (букв. эта земля), делает вид, что покажет, где раки зимуют (букв. покажет то, что должен увидеть). *Ол кізілернің өрiнізі пу чир полбаан* (Хабар, 22 янв. 2019, с. 6) – У этих людей была большая радость (букв. эта земля).

Также в хакасском языке действуют фразеологизмы с участием лексемы чир II, например, *чир хулах* «всеслышащий; букв. земляное ухо», *пу чир нилбес* «сильно пьяный;

букв. не знающий эту землю»; *пу чирде чох* «сильно пьяный (букв. не находящийся на этой земле)» и др. *Ибде улуг той, пу чир пилбес Санка стол кистінде одыр* – Дома большой праздник, сильно пьяный Санка сидит за столом. В редких случаях такими же фразеологизмами можно характеризовать человека с замутнённым сознанием, опьянённого от каких-либо сильных эмоций. В семантике перечисленных фразеологизмов наиболее ярко прослеживаются признаки, свойственные семантической структуре лексемы чир I с общим значением «земля; почва»: *Прай ниме чирдең. Чуртастың өдні ол. Хара даа полза, аппагас ас-тамах алып чипчебіс аннаң* (Казачинова: Той, 42) – Всё на земле исходит от земли. Это основа жизни. Она, хоть и чёрная, но питаемся от неё очень чистыми продуктами. Добавим, что при вербализации концепта чир I «земля, почва» на уровне фразеологии также реализуется принцип противопоставления жизни и смерти, переходящее в табуирование и эвфемизмы, например, *чирге чадарга* «умереть; бук. лечь на землю», *чир алтына кірерге* «умереть; букв. уйти под землю» и т. д. Тем самым понятие, заключённое в чир I, имеет высокую этнокультурную значимость.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели функционально-семантические особенности лексемы чир II, которая является препозитивным словом – наречием, омонимом, возникшим в результате длительного процесса расщепления многозначной лексемы чир I с общим значением «земля, почва», привлекающей внимание многих лингвистов в качестве объекта когнитивных и лингвокультурологических исследований на материале тюркских и других разноструктурных языков. Занимая первостепенное место в традиционной системе культурных ценностей любого народа, земля зафиксирована в новых значениях и устойчивых выражениях. Вопрос об этимологическом происхождении лексемы чир II пока остаётся открытым. Думается, ценностное суждение о земле, как материальной основе человеческого бытия в семантике лексемы чир I, возможно, развивает понятие основательности и усилительной энергии каких-либо действий (категорический отказ, категорический запрет); естества, прирождённого свойства (значение «с рождения; от природы») в семантике лексемы чир II. Исходя из этого, получается, что семантические структуры чир I и чир II обусловлены сложным и глубоким взаимодействием как лингвистического, так и когнитивного порядка.

Литература

1. Ахматова, М. А. Вербализация концепта *жер* «земля» на материале карачаево-балкарского нартского эпоса / М. А. Ахматова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 58–65. – Текст : непосредственный.
2. Есенова, Т. С. «Земля» как лингвокультурный концепт ментального мира калмыков / Т. С. Есенова // Известия ВГПУ. – 2011. – № 5. – С. 39–43.
3. Леденева, В. В. О концепте ЗЕМЛЯ в концептосфере М. Ю. Лермонтова / В. В. Леденева // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 128–131. – Текст : непосредственный.
4. Попова Л. Г. Концептуализация земли как природного явления в английских и русских текстах героического эпоса / Л. Г. Попова, О. Ю. Воробьева // Вестник АГУ. – 2017. – № 1 (192). – С. 80–85. – Текст : непосредственный.
5. Хуснутдинов, Д. Х. Концепт «Жир» (земля) в татарской языковой картине (на материале произведений Г. Баширова и М. Магдеева): автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Д. Х. Хуснутдинов. – Казань, 2009. – 23 с. – Текст : непосредственный.
6. Чугунекова, А. Н. Концепт *чир* «земля» в языковой картине мира хакасов / А. Н. Чугунекова // МНКО. – 2017. – № 3 (64). – С. 338–341. – Текст : непосредственный.
7. Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков / Составитель Дыбо А. В. – Астана : ТОО «Prospet Print», 2013. – 616 с. – Текст : непосредственный.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. Авторы

Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев. – Москва : Наука, 2001. – 822 с. – Текст : непосредственный.

9. Грамматика хакасского языка. Под редакцией профессора Н. А. Баскакова. – Москва : Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1975. – 420 с. – Текст : непосредственный.

10. Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сөстiгi: около 22 тыс. слов. Авторы-составители: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков и др. Под общей редакцией О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с. – Текст : непосредственный.

11. Чертыкова, М. Д. Периферийные компоненты в семантике базовых перцептивных глаголов **көр-** «смотреть» и **ис-** «слушать» в хакасском языке / М. Д. Чертыкова // Томский журнал антропологических и лингвистических исследований. – Выпуск 3. – 2020. – С. 80–91. – Текст : непосредственный.

12. Албынчы. Алыптыг нымах. Героическое сказание. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2018. – 126 с. – Текст : непосредственный.

13. Казачинова, Г. Г. Той [Текст]: Повесть паза чоохтар / Г. Г. Казачинова, А. А. Халларов. – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1979. – 157 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Ahmatova, M. A. Verbalizaciya koncepta zher «zemlya» na materiale karachaevo-balkarskogo nartskogo eposa / M. A. Ahmatova // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. – 2019. – № 2. – S. 58–65. – Текст : neposredstvennyj.

2. Esenova, T. S. «Zemlya» kak lingvokul'turnyj koncept mental'nogo mira kalmykov / T. S. Esenova // Izvestiya VGPU. – 2011. – № 5. – S. 39–43.

3. Ledeneva, V. V. O koncepte ZEMLYA v konceptosfere M. Yu. Lermontova / V. V. Ledeneva // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – Т. 1. – № 4. – S. 128–131. – Текст : neposredstvennyj.

4. Popova L. G. Konceptualizaciya zemli kak prirodnoogo yavleniya v anglijskikh i russkikh tekstah geroicheskogo eposa / L. G. Popova, O. Yu. Vorob'eva // Vestnik AGU. – 2017. – № 1 (192). – S. 80–85. – Текст : neposredstvennyj.

5. Husnutdinov, D. H. Koncept «Жир» (zemlya) v tatarskojazykovoj kartine (na materiale proizvedenij G. Bashirova i M. Magdeeva): avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk / D. H. Husnutdinov. – Kazan', 2009. – 23 s. – Текст : neposredstvennyj.

6. Chugunekova, A. N. Koncept chir «zemlya» vazykovoj kartine mira hakasov / A. N. Chugunekova // MNKO. – 2017. – № 3 (64). – S. 338–341. – Текст : neposredstvennyj.

7. Etimologicheskij slovar' tyurkskikhazykov. Tom 9 (dopolnitel'nyj). Etimologicheskij slovar' bazisnoj leksiki tyurkskikhazykov / Sostavitel' Dybo A. V. – Astana : TOO «Prosper Print», 2013. – 616 s. – Текст : neposredstvennyj.

8. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikhazykov. Leksika: 2-e izd., dop. Avtory E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov, A. V. Dybo, I. V. Kormushin, L. S. Levitskaya, O. A. Mudrak, K. M. Musaev. – Moskva : Nauka, 2001. – 822 s. – Текст : neposredstvennyj.

9. Grammatika hakasskogoazyka. Pod redakciej professora N. A. Baskakova. – Moskva : Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1975. – 420 s. – Текст : neposredstvennyj.

10. Hakassko-russkij slovar' – Hakas – orys söstigi: около 22 tys. slov. Avtory-sostaviteli: O. P. Anzhiganova, N. A. Baskakov, M. I. Borgoyakov i dr. Pod obshchej redakciej O. V. Subraковой. – Novosibirsk : Nauka, 2006. – 1114 s. – Текст : neposredstvennyj.

11. Chertykova, M. D. Periferijnye komponenty v semantike bazovyh perceptivnyh glagolov көр- «smotret'» i is- «slushat'» v hakasskomazyke / M. D. Chertykova // Tomskij zhurnal antropologicheskikh i lingvisticheskikh issledovanij. – Vypusk 3. – 2020. – S. 80–91. – Текст : neposredstvennyj.

12. Albynchy. Alyptyg nymah. Geroicheskoe skazanie. – Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2018. – 126 s. – Текст : neposredstvennyj.

13. Kazachinova, G. G. Toj [Tekst]: Povest' paza choohтар / G. G. Kazachinova, A. A. Hallarov. – Abakan: Hakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva, 1979. – 157 s. – Текст : neposredstvennyj.

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

О. И. Матвеева, Ю. И. Трофимцев

Основатель кафедры высшей математики

Через две недели после начала Великой Отечественной войны, 8 июля 1941 г., в с. Матта Мегино-Кангаласского района Якутской АССР родился Дмитрий Дмитриевич Скрябин, кандидат физико-математических наук, доцент, организатор и первый заведующий кафедрой высшей математики Якутского государственного университета, председатель Совета ветеранов Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в 2016–2017 гг.

Дмитрий Дмитриевич родился в семье учителей. Отец Дмитрий Прокопьевич – участник Великой Отечественной войны, до войны работал учителем математики Тюнгулонской средней школы, мать – Феврония Николаевна, была учительницей начальных классов этой школы.

МАТВЕЕВА Оксана Изотовна – к. ф.-м. н., доцент, заведующий кафедрой высшей математики Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

E-mail: ksumat@mail.ru

МАТВЕЕВА Оксана Изотовна – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Head of the Department of Higher Mathematics, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ТРОФИМЦЕВ Юрий Иванович – д. т. н., профессор, профессор кафедры высшей математики Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

E-mail: trofimtsev@mail.ru

TROFIMTSEV Yuriy Ivanovich – Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Higher Mathematics, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Большое влияние на Дмитрия оказали замечательные учителя, работавшие в школах, где он учился. Он даже хотел стать химиком, как его любимый классный руководитель Михаил Степанович Оконешников, но ему не позволило состояние здоровья.

После окончания в 1959 г. Тюнгюльонской средней школы Дмитрий Дмитриевич поступил на отделение математики механико-математического факультета Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина и успешно закончил его в 1965 г.

Трудовая жизнь Д. Д. Скрябина началась с работы учителем математики Бютейдяжской средней школы Мегино-Кангаласского района. Затем он год работал стажером-исследователем в лаборатории широких атмосферных ливней Института космических исследований и аэронавтики Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР под руководством будущего лауреата Ленинской премии Д. Д. Красильникова.

С 1966 по 2018 гг. Дмитрий Дмитриевич работал в Якутском государственном университете и Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова, пройдя все ступени от ассистента до заведующего кафедрой. Он учился у наших ветеранов У. М. Асекритова, В. В. Алексева, М. П. Кылатчанова, Г. М. Колодезникова, работал вместе с И. Г. Егоровым – первым деканом математического факультета ЯГУ, Ю. Т. Половинкиным – ветераном, проработавшим в университете 58 лет.

В 1960–1970-х гг. университету требовались специалисты различных математических специальностей, поэтому он был направлен в аспирантуру математико-механического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова по специальности «Теория вероятностей и математическая статистика», несмотря на полученную в Ташкенте специализацию по дифференциальным уравнениям. Дмитрий Дмитриевич закончил аспирантуру в 1971 г. у выдающегося специалиста по математической статистике, академика АН СССР Ю. В. Линника. Кандидатскую диссертацию «Эффективное последовательное оценивание параметрических функций для экспонентных семейств» Д. Д. Скрябин блестяще защитил в ЛГУ в 1975 г. В 1979 г. получил ученое звание доцента по кафедре высшей математики. Многие годы он был единственным специалистом в университете по теории вероятностей и математической статистике, консультировал сотрудников университета по применению методов этой науки.

В 1975 г. возникла закономерная необходимость открытия кафедры для преподавания математики для технических специальностей, продиктованная развитием инженерного образования в Якутском университете. К этому времени инженерно-технический факультет выпускал специалистов по промышленному и гражданскому строительству, геологии и горному делу. При поддержке ректора ЯГУ А. И. Кузьмина была открыта кафедра высшей математики на общественных началах. Организатором и заведующим кафедрой был выбран Д. Д. Скрябин. Кафедра получила официальный статус в 1979 г., став четвертой кафедрой математического факультета. Дмитрий Дмитриевич заведовал ею в 1975–1979 (на общественных началах), 1979–1984 и в 1994–1999 гг. Под его руководством кафедра достигла высокого профессионального уровня в научной и учебной работе, множились ряды кандидатов наук, при его существенной поддержке появился свой доктор наук. Вот что говорила о Д. Д. Скрябине ветеран кафедры Клара Николаевна Голикова, заслуженный работник образования РС (Я): «Дмитрий Дмитриевич Скрябин, к. ф.-м. н. – это стержень нашей кафедры. Умелый организатор, умеющий сплачивать коллектив, по-деловому быстро и мудро решить все проблемы. С ним всегда было легко работать».

Д. Д. Скрябин принимал активное участие в создании и становлении математического факультета, много лет работал секретарем факультетского партбюро. Глубоким уважением Дмитрий Дмитриевич пользовался у коллег, был непререкаемым авторитетом у студентов разных поколений и как один из руководителей факультета, и как выдающийся преподаватель.

Д. Д. Скрябин – автор многих научных и учебно-методических работ, под его редакцией выходили книги, посвященные истории высшего математического образования в республике и ветеранам университета, такие как «Первый декан» (о И. Г. Егорове), «Математическое образование (1956–2006)».

Д. Д. Скрябин вместе с супругой Розалией Николаевной воспитал двух дочерей и внуку.

Заслуги Дмитрия Дмитриевича Скрябина в воспитании и образовании нашей молодежи отмечены нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ЯАССР, знаком отличия РС (Я) «Гражданская доблесть», Почетной грамотой правительства РС (Я). Он являлся заслуженным работником образования РС (Я) и почетным ветераном СВФУ им. М.К. Аммосова.

O. I. Matveeva, Yu. I. Trofimtsev

Founder of the Department of Higher Mathematics

Dmitry Dmitrievich Skryabin, Candidate of physical and mathematical sciences, Associate Professor, organizer and first head of the department of higher mathematics of the Yakut State University, Chairman of the Council of Veterans of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University in 2016–2017 was born two weeks after the start of the Great Patriotic War on July 8, 1941 in the Matta village of Megino-Kangalassky district of the Yakutsk ASSR.

Dmitry Dmitrievich was born in the family of teachers. His father Dmitry Prokopyevich participated in the Great Patriotic War, before which he worked as a mathematics teacher at the Tyungyulyun secondary school. His mother – Fevronia Nikolaevna was a teacher in the primary classes of this school.

Dmitry was greatly influenced by the wonderful teachers who worked at the schools where he studied. He even wanted to become a chemist like his beloved class teacher Mikhail Stepanovich Okoneshnikov, but his health condition did not allow.

After graduating from the Tyungyulyun secondary school in 1959, Dmitry Dmitrievich entered the department of mathematics of the Faculty of Mechanics and Mathematics of V.I. Lenin Tashkent State University and successfully completed it in 1965.

Working life of D. D. Skryabin began as a mathematics teacher at the Byuteydyakh secondary school of the Megino-Kangalassky district. Then he worked for a year as an intern-researcher in the laboratory of extensive air showers of the Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of the Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences under the leadership of the future Lenin Prize winner D. D. Krasilnikov.

From 1966 to 2018 Dmitry Dmitrievich worked at the Yakutsk State University and M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, having passed all the steps from assistant to head of the department. He studied with our veterans W. M. Asekritova, V. V. Alekseeva, M. P. Kylatchanova, G. M. Kolodeznikov, worked together with I. G. Egorov – the first dean of the Faculty of Mathematics of the Yakut State University, Yu. T. Polovinkin – a veteran who has worked at the university for 58 years.

In the 1960s–1970s the university needed specialists in various mathematical specialties, so he was sent to the postgraduate study at the Faculty of Mathematics and Mechanics of A. A. Zhdanov Leningrad State University for obtaining a degree in Probability Theory and Mathematical Statistics, despite the specialization in differential equations obtained in Tashkent. Dmitry Dmitrievich completed his postgraduate studies in 1971 under the supervision of an outstanding specialist in mathematical statistics, Academician of the USSR Academy of Sciences Yu. V. Linnik. D. D. Skryabin brilliantly defended his thesis "Effective sequential estimation of parametric functions for exponential families" at Leningrad State University in 1975. In 1979 he received the academic title of Associate Professor at the Department of Higher Mathematics. For many years he was the only specialist in the theory of probability and mathematical statistics at the university, he consulted the university staff on the application of the methods of this science.

In 1975, a natural need arose to open a department for teaching mathematics for technical specialties, dictated by the development of engineering education at the Yakutsk University. By this time, specialists in industrial and civil construction, geology and mining were graduating from the Faculty of Engineering and Technology. With the support of the Yakut State University Dean A. I. Kuzmina, a department of higher mathematics was opened on a voluntary basis. The organizer and head of the department was D. D. Skryabin. The department received an official status in 1979, becoming the fourth department of the Faculty of Mathematics. Dmitry

Dmitrievich was in charge of it in 1975–1979 (on a voluntary basis), 1979–1984 and in 1994–1999. Under his leadership the department reached a high professional level in scientific and educational work, the number of candidates of sciences multiplied, with his substantial support one more Doctor of sciences appeared. This is what veteran of the department Klara Nikolaevna Golikova, Honored Worker of Education of the Republic of Sakha (Yakutia) says about D. D. Skryabin: “Dmitry Dmitrievich Skryabin, Doctor of Physics and Mathematics is the core of our department. A skillful organizer who knows how to unite the team, in a business-like manner, quickly, wisely solve all problems. It was always easy to work with him”.

D. D. Skryabin took an active part in the creation and development of the Faculty of Mathematics, for many years he worked as the secretary of the Faculty Party Bureau. Dmitry Dmitrievich was deeply respected by his colleagues, was an indisputable authority among students of different generations, both as one of the heads of the faculty, and as an outstanding teacher.

D. D. Skryabin is the author of many scientific and educational-methodical works, under his editorship were published books devoted to the history of higher mathematical education in the republic and to university veterans, such as "First Dean" (about I. G. Egorov), "Mathematical Education (1956–2006)".

D. D. Skryabin, together with his wife Rozalia Nikolaevna raised two daughters and a granddaughter.

The merits of Dmitry Dmitrievich Skryabin in the upbringing and education of our youth were marked with the badge "Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation", the Certificate of Honor of the Presidium of the Supreme Council of Yakutskaya ASSR, the Republic of Sakha (Yakutia) distinction "Civil Valor", the Certificate of Honor of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia). He was an honored worker of education of the Republic of Sakha (Yakutia) and an honorary veteran of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

В. Б. Окорокова, С. Е. Ноева (Карманова)

**Мыреева Анастасия Никитична
(К 55-летию научно-педагогической деятельности
и 80-летию со дня рождения)**

Анастасия Никитична Мыреева – ученый-литературовед, доктор филологических наук, старший научный сотрудник ИГиИПМНС СО РАН, заслуженный работник образования РС (Я), действительный член Академии Северного Форума, заслуженный ветеран СО РАН. Стаж ее научно-педагогической деятельности составляет 55 лет.

Окончив аспирантуру в Томском государственном университете, в 1982 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Изображение народного характера в прозе 1960-х гг. о деревне», в 1999 г. в Московском государственном педагогическом университете защитила докторскую диссертацию по теме «Многонациональный роман 1960–1980-х гг.: Типологические аспекты». По мнению авторитетных ученых России (А. Я. Эсаленк, В. И. Фатющенко, В. Г. Одинокова и др.), докторская диссертация А. Н. Мыреевой является фундаментальным научным

исследованием, «крупным достижением современного литературоведения».

Типологическое изучение жанра романа признано как новое направление в якутском литературоведении. В работах ученого по-новому раскрывается значение классического наследия, нравственное и философское содержание лучших произведений современной якутской литературы.

Общий ракурс, объединяющий в единое целое многообразную научную деятельность А. Н. Мыреевой, ведущего специалиста в области изучения якутского, северного романов, исследователя проблемы типологии и поэтики эпических жанров в современной

ОКОРОКОВА Варвара Борисовна – д. филол. н., проф. кафедры якутской литературы ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

OKOROKOVA Varvara Borisovna – Doctor of Philology, professor of the Yakut literature Chair, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

НОЕВА (КАРМАНОВА) Саргылана Еремеевна – к. филол. н., с. н. с. отдела фольклора и литературы ИГиИПМНС СО РАН.

NOEVA (KARMANOVA) Sargylana Eremeevna – Candidate of Philology, Senior researcher, of the Folklore and Literature Department of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North.

якутской прозе, – это проблемы взаимодействия многонациональной литературы России, начиная с русской прозы и вплоть до северных литератур. Особое место в ее исследованиях занимает художественное отражение экологических проблем в современной прозе, в частности в жанрах повести и романа.

А. Н. Мыреева – автор пяти монографий: «Многонациональный роман 1960–1980 гг. Типологические аспекты» (Новосибирск: Наука, 1997), «Человек и природа в современной якутской прозе» (Якутск, 2001), «Якутский роман 70–90-х годов XX века» (Новосибирск: Наука, 2014), «Жанр в художественном мире Н. А. Лугинова» (в соавторстве с А. М. Баишевой, Якутск, 2018), «Историко-биографический роман в якутской литературе второй половины XX–начала XXI вв.» (Якутск, 2020); сб. статей «Литература и время» (2010), трех учебных пособий для студентов вузов: «Изображение народного характера и эволюция повести о деревне в 60-е годы» (Якутск, 1984), «Изображение народного характера в советском романе о деревне в 60-е годы (М. Алексеев и Ф. Абрамов)» (Якутск, 1987), «Зарождение и развитие философских жанров в якутской литературе XX века» (Москва, 2016). Также является членом авторского коллектива пяти монографий: «Литература Якутии на современном этапе 1980–1990-е гг. Очерки» (Якутск, 2001 – раздел «Повесть»), «Проблемы творчества И. М. Гоголева-Кынддыла: поэзия, проза, драматургия» (Якутск, 2004), «Литература Якутии XX века» (Якутск, 2005), «Россия и Якутия: сквозь призму истории» (Якутск, 2007), «Природное и культурное наследие. Междисциплинарные исследования. Сохранение и развитие» (СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014). Ею опубликовано более 300 научных статей, в т. ч. в Москве, Санкт-Петербурге, Томске, Перми, Улан-Удэ, Казахстане, Праге, Якутске.

В книгах и статьях А. Н. Мыреевой можно выделить два основных исследовательских направления: 1) трансформации и модификации эпических жанров, 2) типология и эволюция образов в национальной прозе, которые являются актуальными в российском литературоведении в целом.

В 2003–2007 гг. А. Н. Мыреева была одним из ответственных исполнителей научно-исследовательских проектов: «Литература Якутии XX века», разделы о жанрах повести и романа утверждены Ученым советом института, протокол № 11 от декабря 2003 г., «Национальный образ мира в современной якутской литературе: Классика и современность» (утвержден Ученым советом института, протокол № 12 от 24 ноября 2006 г.). Исследовательские интересы литературоведа направлены на всестороннее раскрытие проблем национальной литературы в контексте современных научных актуализаций. А. Н. Мыреева большое внимание уделяет изучению всей российской литературы, рассматривая ее в аспектах компаративистики, поэтики текста, истории литературы. Так, значительный научный резонанс получила монография «Многонациональный роман 1960–1980-х гг. Типологические аспекты» (Новосибирск: Наука, 1997), в которой изучены типологические схождения в романах разных литератур (русской, киргизской, якутской). Исследования в аспекте поэтики русской литературы темы «деревенской» прозы, народного характера 60-х гг. привели ученого к следующей большой теме в ее научной деятельности – к исследованию темы экологии в русской, якутской прозе. По материалам научных изысканий была написана монография «Человек и природа в современной якутской прозе» (Якутск, 2001). Обращаясь к материалу северного романа, исследователь продолжает рассмотрение динамики эпических традиций, эволюцию героя в прозе (исследовательский материал о романах С. Н. Курилова, П. А. Ламутского, А. В. Кривошапкина). На основе большого сравнительного материала, в своей совокупности охватывающего и устные традиции народов и большие прозаические жанры, ею проанализирован особый этап в истории якутского романа 1970–1990-х гг. в аспекте традиции и новаторства. В монографическом исследовании якутский роман последней четверти XX в. представлен как своеобразная сложная система, находящаяся в процессе обновления, обогащения и культурного

взаимодействия. Впервые исследуя эволюцию жанра якутского романа, ученым выделен ряд типологических значимых разновидностей жанра, в числе которых особое место отводится философскому жанру как художественному отражению нового характера национального самосознания, который обусловил обращение к богатству этнокультурной памяти народа, также прослежено развитие историко-биографического романа в аспекте жанровых исканий в якутской прозе, своеобразии которого автор выявляет в опоре на народно-поэтические традиции, что определяет концептосферу национального мира. Романы В. Далана, И. Гоголева, Н. Лугинова, А. Кривошапкина являются классикой нового времени. Оправдано, что ученый, вновь и вновь обращаясь к ним, открывает все новые грани художественного мира произведений.

В своей научной практике, посвященной изучению истории и поэтики якутской литературы, А. Н. Мыреева выступает, прежде всего, как ученый-педагог. В 2001–2005 гг. она работала по совместительству в должности профессора кафедры якутской литературы. Читала курс лекций по истории якутской литературы. Ею разработаны спецкурсы «Современный якутский роман: типология и поэтика», «Современная якутская повесть», «Человек и природа в современной якутской прозе». А. Н. Мыреева руководила дипломными работами, писала рецензии. Она член трех диссертационных советов по защите кандидатских диссертаций в СВФУ им. М.К. Аммосова (якутская литература, педагогика) и по защите кандидатских и докторских диссертаций в ИГИИПМНС СО РАН (якутский язык).

Базовые положения научной деятельности ученого легли в основу современных литературоведческих разработок по якутскому роману. Под руководством А. Н. Мыреевой в 2006 г. защищены кандидатские диссертации С. Е. Ноевой на тему «Особенности хронотопа романов И. М. Гоголева», в 2014 г., Т. И. Лазаревой на тему «Художественная деталь в романах Софр. П. Данилова: типы и функции» и в 2016 г. А. М. Баишевой на тему «Жанровое своеобразие исторического романа Н. Лугинова “По велению Чингисхана”».

А. Н. Мыреева внесла свой вклад в развитие высшего образования в республике, около тридцати лет проработав преподавателем в университете. Среди ее бывших студентов сегодня есть заслуженные учителя, преподаватели вузов, ученые и писатели, журналисты. Благодарные ученики помнят ее как мудрого Учителя, открывшего им прекрасный мир художественной литературы.

А. Н. Мыреева ведет активную общественную работу. В годы работы в университете была секретарем комсомольской, затем партийной организации, членом парткома ЯГУ. В 2002–2007 гг. являлась секретарем Лиги «Женщины-ученые Якутии», избрана делегатом XII съезда женщин Якутии; она активный участник художественной самодеятельности, в настоящее время участник народного вокального ансамбля «Далбар», при Центре духовной культуры «Арчы» г. Якутска; член попечительского Совета Тюнгилюнской средней школы.

Являясь членом Международного совета писательских организаций и Союза писателей Якутии, общества «Знание», ученый пропагандирует достижения художественной литературы, внося существенный вклад в дело духовно-нравственного, экологического воспитания молодого поколения.

А. Н. Мыреева избрана действительным членом Академии Северного Форума, награждена почетными грамотами президиума Академии наук, Министерства науки и образования, Министерства культуры. За успехи в научной и педагогической деятельности удостоена Почетного звания «Заслуженный работник образования Республики Саха (Якутия)».

В текущем году А. Н. Мыреева награждена Почетной грамотой Российской Академии наук «за большой вклад в развитие отечественной науки, подготовку кадров высшей квалификации».

Становление, основные этапы научно-практической деятельности ученого-литературоведа А. Н. Мыреевой совпадают с важнейшими вехами развития якутской науки, с оформлением особого характера регионального литературоведения.

О ней:

1. Преданность науке (К юбилею А.Н. Мыреевой) // Биобиблиографический указатель / Сост. д. филол. н. В. Б. Огорокова. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2011. – 46 с.
2. Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований АН РС (Я) / Биобиблиографический справочник. – Якутск, 2003. – С. 174.
3. Профессора ЯГУ / Биографический словарь-справочник. – Якутск, 2007.
4. Трудовая слава Якутии: почетные граждане Республики Саха (Якутия) городов и улусов. – Якутск, 2003. – Т. 1. – С. 394.
5. Педагогическая энциклопедия. – Т. V. – Якутск: Компания «Дани-Алмас», 2015. – С. 263.
6. Знатные люди Мегино-Кангаласского улуса / Библиографический справочник. – М.: Графпресс, 2007. – С. 381.
7. Кто есть кто в российском литературоведении: библиографический словарь-справочник. – М., 2011. – С.233.

V. B. Okorokova, S. E. Noeva (Karmanova)

Myreeva Anastasia Nikitichna (to the 55th anniversary of scientific and pedagogical work, the 80th birthday anniversary)

Anastasia Nikitichna Myreeva – literary scholar, Doctor of Philology, Senior researcher in the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Honored Worker of Education of the Republic of Sakha (Yakutia), Member of the Northern Forum Academy, Honored Veteran of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. She has been working as a scientist and educator for 55 years.

After completing her postgraduate degree in Tomsk State University, in 1982 she defended her candidate thesis “The depiction of a folk character in prose of the 1960s about the village”, in 1999 defended her doctoral thesis “The Multinational Novel of the 1960s-1980s: Typological Aspects”. According to the opinion of Russian authoritative scientists (A. Y. Esalensk, V. I. Fatyushchenko, V. G. Odinkov etc.) the doctoral thesis of A. N. Myreeva is a fundamental scientific research, “a great achievement of the modern literary studies”.

Typological examination of the genre of novel is considered to be a new movement in the Yakut literary studies. In the works of the scientist, the meaning of the classical heritage, the moral and philosophical content of the best works of modern Yakut literature is revealed in a new way.

A general perspective which unites into a single whole the diverse scientific activities of A. N. Myreeva – a leading specialist in the study of Yakut and northern novels, a researcher of the problem of typology and poetics of epic genres in modern Yakut prose – are the problems of interaction of the multinational literature of Russia, from Russian prose to northern literatures. A special place in her research is occupied by the artistic reflection of environmental problems in contemporary prose, in particular in the genres of the story and the novel.

A. N. Myreeva is an author of five monographs: “The Multinational Novel of the 1960s-1980s: Typological Aspects” (Novosibirsk: Nauka, 1997), “Man and nature in modern Yakut prose” (Yakutsk, 2001), “Yakut novel of the 70-90s of the twentieth century” (Novosibirsk: Nauka, 2014), “Genre in the artistic world of N. A. Luginov” (co-authored with A. M. Baisheva, Yakutsk, 2018), “Historical and biographical novel in the Yakut literature of the second half of the XX – early XXI centuries” (Yakutsk, 2020); collection of articles “Literature and Time” (2010), three textbooks for university students: “The depiction of the folk character and the evolution of the story about the village in the 60s” (Yakutsk, 1984), “The depiction of the folk character in the Soviet novel about the village in the 60s (M. Alekseev and F. Abramov)” (Yakutsk, 1987), “The origin and development of philosophical genres in the Yakut literature of the twentieth century” (Moscow, 2016). She is also a member of the group of authors of five monographs: “Literature of Yakutia at the present stage of the 1980-1990s. Essays” (Yakutsk, 2001 – section “Story”), “Problems of creativity of I. M. Gogolev-Kyndyl: poetry, prose, drama” (Yakutsk, 2004), “Literature of Yakutia of the 20th century” (Yakutsk, 2005), “Russia and Yakutia: through the prism of history” (Yakutsk, 2007), “Natural and cultural heritage. Interdisciplinary research. Preservation and Development” (St. Petersburg: Publishing House of the Herzen Russian State Pedagogical University, 2014). She has published over 300 scientific articles in Moscow, St. Petersburg, Tomsk, Perm, Ulan-Ude, Kazakhstan, Prague, Yakutsk.

In A. N. Myreeva’s books and articles there are two main research areas: 1) transformation and modification of epic genres, 2) typology and evolution of images in national prose, which are relevant in Russian literary criticism as a whole.

In 2003–2007 A. N. Myreeva was one of the responsible performers of following research projects: “Literature of Yakutia of the XX century”, sections on the genres of the story and the

novel were approved by the Academic Council of the Institute, protocol No. 11 from December 2003, "National image of the world in modern Yakut literature: Classics and modernity" (Approved by the Academic Council of the Institute, Protocol No. 12 from November 24, 2006). Research interests of a literary critic are aimed at a comprehensive disclosure of the problems of national literature in the context of modern scientific actualizations. A. N. Myreeva pays great attention to the study of all Russian literature, considering it in the aspects of comparative studies, poetics of the text, and literary history. Thus, the monograph "Multinational novel of the 1960–1980s. Typological aspects" (Novosibirsk: Nauka, 1997) had a significant scientific resonance. Here the typological convergences in the novels of different literatures (Russian, Kyrgyz, Yakut) are studied. Researches in the aspect of the Russian literature poetics of the "village" prose, folk character, 60s led the scientist to the next big topic in her scientific activity – to the study of the topic of ecology in Russian and Yakut prose. Based on the materials of scientific research, the monograph "Man and Nature in Modern Yakut Prose" was written (Yakutsk, 2001). Further, referring to the material of the northern novel, the researcher continues to examine the dynamics of epic traditions, the evolution of the hero in prose (research material about the novels of S. N. Kurilov, P. A. Lamutsky, A. V. Krivoshapkin). And finally, on the basis of a large comparative material, which on its totality covers both the oral traditions of peoples and large prose genres, she analyzed a special stage in the history of the Yakut novel of the 1970–1990s in the aspect of tradition and innovation. In the monograph, the Yakut novel of the last quarter of the twentieth century presented as a peculiar, complex system in the process of renewal, enrichment and cultural interaction. For the first time, studying the evolution of the genre of the Yakut novel, scientists have identified a number of typological significant varieties of the genre, among which a special place is given to the philosophical genre as an artistic reflection of the new nature of national identity, which led to the appeal to the wealth of the ethnocultural memory of the people, and the development of the historical and biographical novel in the aspect of genre searches in Yakut prose, the originality of which the author reveals in reliance on folk-poetic traditions, which determines the conceptual sphere of the national world. The novels of V. Dalan, I. Gogolev, N. Luginov, A. Krivoshapkin are the classics of the modern literature and it is understandable, why the author discovers new facets of the literary world each time she works with them.

In her scientific practice devoted to the Yakut literature history and poetics, A. N. Myreeva is primarily a scientist-pedagogue. In 2001–2005 she concurrently worked as a professor of the Chair of Yakut literature. She led the course on the history of the Yakut literature. She developed courses "The Modern Yakut novel: typology and poetics", "The Modern Yakut novel", "The human and nature in modern Yakut prose". A. N. Myreeva conducted the dissertations, wrote reviews. She is the member of three Candidate dissertation councils at the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakut literature, pedagogy) and the Candidate and Doctoral dissertation council of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (Yakut language).

The basic ideas of the scientist's scientific activity formed the foundation of modern literary studies of the Yakut novel. Under the guidance of A. N. Myreeva in 2006 candidate dissertations were defended by S. E. Noeva on the topic "Features of the chronotope of the novels of I. M. Gogolev ", in 2014 by T. I. Lazareva on the theme "Artistic detail in the novels of S. P. Danilov: types and functions", and in 2016 by A. M. Baisheva on the theme "Genre originality of the historical novel by N. Luginov "At the behest of Genghis Khan".

A. N. Myreeva contributed in the development of the higher education in the Republic of Sakha (Yakutia) by working as an educator at the university. Among her students are the honored teachers, university lecturers, scientists and writers, journalists. Grateful students remember her as a wise Teacher, who opened them a wonderful literary world.

A. N. Myreeva is actively involved in social work. During the years of work at the university she was the secretary of the Komsomol, then the party organization, a member of the

YSU Party Committee. In 2002–2007 she was the secretary of the League "Women Scientists of Yakutia", was elected a delegate of the XII Congress of Women of Yakutia, active participant in amateur performances, currently a member of the folk vocal ensemble "Dalbar" at the Center for Spiritual Culture "Archy" in Yakutsk. Member of the Board of Trustees of the Tyungyulun secondary school.

As a member of the International Council of Writers 'Organizations and the Writers' Union of Yakutia, the Knowledge Society, the scientist promotes the achievements of fiction, making a significant contribution to the spiritual, moral and environmental education of the young generation.

A. N. Myreeva was elected a full member of the Northern Forum Academy, awarded with certificates of honor from the Presidium of the Academy of Sciences, the Ministry of Science and Education, and the Ministry of Culture. For her successes in scientific and pedagogical activity she was awarded the Honorary title "Honored Worker of Education of the Republic of Sakha (Yakutia)".

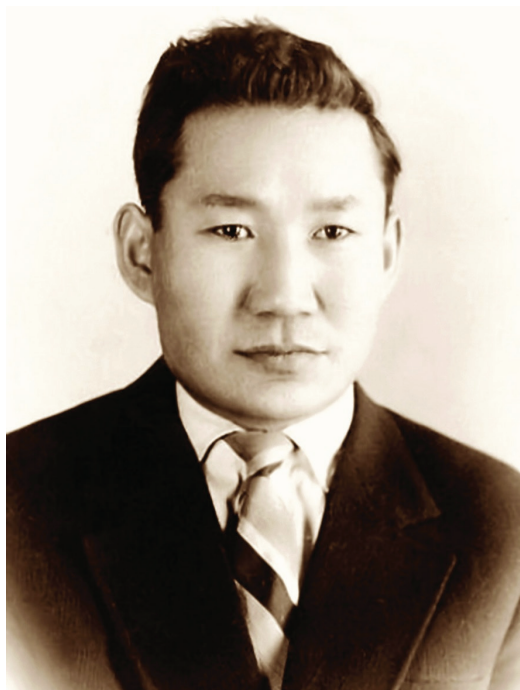
This year A. N. Myreeva was awarded the Certificate of Honor of the Russian Academy of Sciences "for her great contribution to the development of national science, training highly qualified personnel".

Formation, the main stages of scientific and practical activities of the scientist and literary critic A. N. Myreeva coincide with the most important milestones in the development of Yakut science, with the formation of a special character of regional literary criticism.

Ю. Д. Петров

Д. Д. Петров: историк–фундаменталист (к 100-летию со дня рождения)

Д. Д. Петров родился 8 ноября 1921 г. в Батагайском наслеге Усть-Алданского района. Он с ранних лет остался сиротой, без пригляда и ухода. В пустых ожиданиях доброты и теплоты со стороны людей прошло его беззащитное детство. В 1937 г. поступил в Якутское педучилище, в 1946 г. успешно окончил Якутский пединститут и получил специальность историка и учительствовал в родном районе. В 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Колхозное крестьянство Якутии в годы Великой Отечественной войны».

Д. Д. Петров – автор фундаментального труда «Якутия в годы Великой Отечественной войны. Часть 1. Якутяне в боях с немецко-фашистскими захватчиками»; «Якутия в годы Великой Отечественной войны. Часть 2. Трудящиеся Якутии в тылу». В них строго на документальной основе установил количество призванных на фронт якутян – 62712 чел., погибших

на полях сражений – 38415, умерших в тылу от голода и болезней – 108080, количество награжденных боевыми орденами и медалями – более 10 тысяч.

Составной частью научной деятельности Д. Д. Петрова стало издание сборников подлинных документов и материалов «Во имя Победы», «Вклад народов Якутии в дело Победы» в 3 томах. В 1968 г. он издал книгу «Саллааттар суруктара». Книга вызвала живой отклик читателей и стала настольной книгой для семей авторов писем. В 1970 г. по просьбе читателей она была переиздана.

Вершиной гражданского подвига Д. Д. Петрова по увековечению памяти воинов-якутян стало нахождение в архиве МО СССР наградных листов якутян, представленных за боевой подвиг к званию Героя Советского Союза, но не получивших его по тем или

ПЕТРОВ Юрий Дмитриевич – д. полит. н., профессор кафедры истории, обществознания, политологии СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: petrovyd@mail.ru

PETROV Yuri Dmitrievich – Doctor of Political Science, Professor of the Department of History, Social Studies, Political Science of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

иным причинам. По обнаруженным им документам А. А. Миронов, Н. С. Степанов, Н. А. Кондаков стали Героями Советского Союза, М. М. Стрекаловский – Героем России.

Важнейшим направлением его практической деятельности стало установление памятников павшим бойцам-якутянам в местах их сражений. По его инициативе и прямом участии установлен обелиск на озере Ильмень, на братской могиле в районе деревни Зендиково возложена плита с надписью «Воинам-якутянам, павшим в боях за оборону Москвы в 1941 году».

Труды Д. Д. Петрова высоко оценивали не только специалисты, но и крупные военачальники. Так, Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян писал: «Вы, якуты, молодцы, всему миру показали и увековечили подвиг своего народа, пусть другие учатся у вас, как это надо делать». Д. Д. Петров как ученый пользовался заслуженным авторитетом среди ведущих военных историков Советского Союза и не только. Именно своими трудами исполинский труженик Дмитрий Дмитриевич Петров снискал себе почет и уважение якутского народа и был награжден посмертно медалью «Маршал Жуков».

Заместитель Председателя Госсовета РС (Я) А. Н. Жирков так оценил его титанический труд: «Народ глубоко ему благодарен. Можно прямо сказать, что если бы не он, не было у нас научной истории участия народа в войне и его вклада в разгром фашизма». Н. И. Протопопова – вдова Героя Советского Союза Н. А. Кондакова писала: «Имя ученого Д. Д. Петрова, восстановившего неоправданную несправедливость, должно стоять в одном ряду с именами Героев... Имя отважного ученого Дмитрия Дмитриевича Петрова, возвысившего народ саха к вершине воинской славы, доказавшего патриотизм, мужество и отвагу воинов-якутян, якутский народ на века впишет в свою историю, а имя его не будет забыто».

Д. Д. Петров являлся главой большой семьи, он вместе с супругой Евдокией Адамовной Скрыбиной воспитали семерых детей и всем им дали высшее образование, справили золотую свадьбу.

Yu. D. Petrov

D. D. Petrov: a fundamentalist historian (on the 100th anniversary of his birth)

D. D. Petrov was born on November 8, 1921 in the Batagaysky nasleg of the Ust-Aldan district. He was left an orphan from an early age, without any care, his defenseless childhood passed in empty expectations of kindness and warmth from people. In 1937 he entered the Yakut Pedagogical School, in 1946 he successfully graduated from the Yakut Pedagogical Institute and received a degree in history and taught in his native district. In 1958, he defended his Candidate thesis on the topic "Collective farm peasantry of Yakutia during the Great Patriotic War".

D. D. Petrov is the author of the fundamental work "Yakutia during the Great Patriotic War. Part 1. The Yakut people in the battles with the German-Fascist invaders"; "Yakutia during the Great Patriotic War. Part 2. Workers of Yakutia in the rear". In these works he strictly and on a dicumentary basis established the number of Yakut people called up to the front – 62712 people, 38415 people who died on the battlefields, 108080 people who died in the rear from hunger and disease, the number of those awarded with combat hordes and medals—more than 10 thousand.

An integral part of his scientific activity was the publication of collections of original documents and materials "In the name of Victory", "The contribution of the peoples of Yakutia to the Cause of Victory" in 3 volumes. In 1968, he published the book "Sallaattar suruktara". The book evoked a lively response from readers and became a reference book for the families of letter authors. In 1970, at the request of readers, it was republished.

The pinnacle of D. D. Petrov's civil feat to perpetuate the memory of the Yakut soldiers was the finding in the archive of the USSR Ministry of Defense of the award lists of Yakut people, who were presented for a military feat to the title of Hero of the Soviet Union, but did not receive it for one reason or another. According to the documents he discovered, A. A. Mironov, N. S. Stepanov, N. A. Kondakov became Heroes of the Soviet Union, and M. M. Strekalovsky became a Hero of Russia.

The most important direction of his practical activity was the establishment of monuments to the fallen Yakut fighters in the places of their battles. On his initiative and direct participation, an obelisk was installed on Lake Ilmen, a plate with the inscription "To the Yakut soldiers who fell in the battles for the defense of Moscow in 1941" was laid on a mass grave near the village of Zendikovo.

D. D. Petrov's works were highly appreciated not only by specialists, but also by major military leaders. Thus, Marshal of the Soviet Union I. H. Bagramyan wrote: "You, the Yakuts, are well done, you have shown and perpetuated the feat of your people to the whole world, let others learn from you how to do it". D. D. Petrov, as a scientist, enjoyed a well-deserved authority among leading military historians. It was through his labors that the gigantic worker Dmitry Dmitrievich Petrov won the honor and respect of the Yakut people and was posthumously awarded the Marshal Zhukov medal.

Deputy Chairman of the State Assembly of the Republic of Sakha (Yakutia) A. N. Zhirkov appreciated his titanic work: "The people are deeply grateful to him. We can say directly that if it were not for him, we would not have a scientific history of the people's participation in the war and their contribution to the defeat of fascism". N. I. Protopopova—the widow of Hero of the Soviet Union N. A. Kondakov wrote "The name of the scientist D. D. Petrov, who restored unjustified injustice, should stand in one row with the names of the Heroes... The name of the brave scientist Dmitry Dmitrievich Petrov, who raised the Sakha people to the peak of military glory, who proved the patriotism, courage and bravery of the Yakut soldiers, the Yakut people will write in their history for centuries, and his name will not be forgotten".

D. D. Petrov was the head of a large family, together with his wife Evdokia Adamovna Scriabina, they celebrated a golden wedding, raised seven children and gave them all a higher education.

**ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

4 (84) 2021

Редакторы
С. В. Антонова, Н. В. Дмитриева, М. И. Кысылбаикова
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 31.08.2021
Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.
Печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 13,9
Тираж 250 экз. Заказ .
Дата выхода в свет 31.08.2021
Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58